

ББК 86.37

*Издается по благословению
благочинного Клинского округа
Московской епархии
протоиерея Бориса Балашова*

Проблема послушания детей родителям волновала человечество во все времена. Волновала неспроста, ведь несоблюдение иерархии всегда было чревато серьезными потрясениями. И для конкретной семьи, и (если непослушание приобретало массовый размах) для всего общества. Сегодня эта проблема стоит особенно остро, поскольку, с одной стороны, растет детская неуправляемость, а с другой, высказываются самые разные, порой прямо противоположные точки зрения на воспитание, и многие родители бывают дезориентированы. Надо ли хвалить ребенка, и если да, то как? Какие наказания приемлемы? Как воспитать в детях ответственность? Почему некоторым людям трудно принять собственного ребенка, хотя они его, конечно же, любят и даже порой посвящают ему всю жизнь? А главное, как совместить традицию и современность? Как не отступить от православных представлений о воспитании детей и в то же время не впасть в крайности, не перенапрячь хрупкую детскую психику?

На эти и многие другие вопросы отвечает автор книги, известный православный педагог и писатель Татьяна Львовна Шишова, которая вместе с Ириной Яковлевной Медведевой уже около двадцати лет занимается коррекцией поведения трудных детей и подростков.

ISBN 978-5-93313-051-2

© Шишова Т. Л. 2008

© Оформление, верстка. «Христианская жизнь». 2008

Вступление

Ребенок не слушается... Проблема стара, как мир. Собственно говоря, и проблемы мира-то начались именно с непослушания первых людей Богу. Казалось бы, за столько веков и даже тысячелетий должны были выработаться четкие рекомендации родителям о том, как воспитывать детей послушными. И они, конечно же, вырабатывались. Но, с одной стороны, как гласит известная пословица, «что имеем, не храним, потерявши — плачем» (причем, в XX веке — веке грандиозных социальных экспериментов и активно поощряемого новаторства — она стала необычайно актуальной). А с другой стороны, изменение жизненного уклада неизбежно влечет за собой перемены во взаимоотношениях людей. То, что было самоочевидным еще недавно, вдруг начинает подвергаться сомнению или даже категорически отвергаться. Что казалось недопустимым — допускается. И наоборот. Особенно много разнобоя — в наше время, когда традиционные нормы размываются, привычные ориентиры утрачиваются, когда информационные технологии позволяют практически любому человеку широко популяризировать свои взгляды, а вычленив что-то

стоящее из информационного потока далеко не всегда бывает просто. Многие родители в результате дезориентированы. Они ведут себя с ребенком неуверенно, непоследовательно, чем лишь сбивают его с толку, не дают ощутить границ дозволенного. А он начинает этим пользоваться, и в результате возникают напряжение, нервозность, конфликты.

За годы работы с трудными (а порой и очень трудными!) детьми я неоднократно видела, как проблемы, если и не исчезали полностью, то значительно смягчались всего лишь за счет того, что родители наконец-то выставляли ребенку рамки. А удавалось это, когда они научались владеть ситуацией. То есть, учитывая особенности ребенка, начинали его адекватно поощрять и наказывать, находили с ним общий язык, в результате чего он становился более спокойным и сговорчивым. Конечно, к детям с устойчивой психикой не нужно долго искать подход. Их не требуется как-то особенно стимулировать (хотя совсем без поощрений и наказаний обычно и тут не обходится), они многое понимают без лишних слов. Но беда в том, что нервных детей становится все больше. Поэтому и знать об их особенностях сейчас необходимо не только специалистам. А то либо от ребенка требуют невозможного, считая его нервные реакции просто капризами, либо — что в последние годы бывает гораздо чаще — все списывают на тонкую психику и, боясь ребенка

перенапрячь, сводят воспитание практически к нулю.

Как отличить каприз от срыва, вызванного перенапряжением? Надо ли хвалить детей, и если да, то как? Какие наказания приемлемы? Как воспитать в детях ответственность? Почему некоторым людям трудно принять собственного ребенка, хотя они его, конечно же, любят и даже посвящают ему всю жизнь? А главное, как совместить традицию и современность? Как не отступить от православных представлений о воспитании детей и, в то же время, не впасть в крайности?

Насколько могла, я постаралась ответить на эти и на другие вопросы, связанные с проблемой непослушания. На мой взгляд, рост детской неуправляемости чреват очень серьезными последствиями не только для самого ребенка и его семьи, но и для всего общества. Если подрыв семейной иерархии станет массовым, Россию в недалеком будущем в очередной раз ждут тяжелые испытания. Собственно говоря, мы уже терпим эти последствия в виде сильно помолодевшей преступности, заметно участвовавших случаев хулиганства, детско-подростковой наркомании, алкоголизма и т. п. Но сейчас все чаще речь идет о совсем маленьких детях, с которыми семья уже не справляется! «Если он в дошкольном возрасте такое вытворяет, что дальше-то будет?!» — вполне оправданно волнуются родители. Поэтому у меня и возникла

ВСТУПЛЕНИЕ

мысль написать такую книгу. Конечно, надеяться на то, что она одна переломит ситуацию, нелепо. И я на это, естественно, не надеюсь. Но побудить кого-то к осознанию проблем, а кому-то помочь, надеюсь, удастся. Хотя ответов на все случаи жизни тут искать, разумеется, не стоит. Мне хотелось поделиться своим опытом, предложить некоторые ориентиры, предостеречь от ряда распространенных ошибок, заставить задуматься. Воспитание — процесс творческий, поэтому тут нельзя во всем полагаться на готовые рецепты. Решать, как обращаться с непослушным ребенком, должны, прежде всего, его близкие, те, кто лучше остальных знают его характер и обстоятельства жизни. В сложных случаях имеет смысл посоветоваться с психологом, а то и с врачом. Но никогда не надо полностью передоверять столь важное дело, как воспитание, чужим людям. Ведь ответ за ребенка перед Богом и перед людьми будут держать, прежде всего, родители.

О послушании

Царица добродетелей

*/Послушание — это царица детских добродетелей, и при наличии послушания за ним последует в ребенке развитие всех душевных достоинств», — писал в начале XX века известный православный писатель и богослов Н. Е. Пестов. А святой праведный Иоанн Кронштадтский выражался еще более определенно и жестко: «Каприз — зародыш сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, семя злобы, мерзость Господу».

Непослушание первых людей — Адама и Евы — повлекло за собой вселенскую катастрофу, последствия которой испытывает на себе каждый из нас. С грехом вошла в жизнь смерть, вошли болезни, скорби, разные неприятности. Память об этом, пусть и в стертом виде, жива до сих пор. Даже у тех народов, которые не признают Библию своей Священной Книгой, или в среде атеистов детское непослушание никогда не считалось чем-то хорошим и правильным. Что вполне естественно: для самого ребенка такое поведение опасно, а для взрослых — оскорбительно. Ведь если ре-

бенок, которого родители, в силу его детского возраста, полностью обслуживают, еще и начинают ими командовать, то взрослые автоматически низводятся до положения рабов. Их авторитет, естественно, рушится. Дети очень тонко чувствуют нарушение семейной иерархии и пытаются использовать это в своих эгоистических целях, причем реагируют по-детски ярко и непосредственно, не церемонясь. «Поддай», «принеси», «унеси», «пошла вон» и «не смей мне перечить, а то я тебе задам!» — вот кредо такого юного «рабовладельца». Конечно, подобное обращение, даже если оно по тем или иным причинам допускалось в некоторых семьях, неизменно вызывало осуждение окружающих.

— Ох, смотрите, наплачетесь вы с ним (с ней)! Разве можно так детей распускать? — со всех сторон слышали раньше чересчур снисходительные родители.

Дети без взрослых

Однако в последние десятилетия люди все чаще слышат противоположное. Воспитание называется «давлением», наказание — «насилием», взрослых уверяют, что дети ненавидят дидактику и что педагогика должна быть «недирективной». Дескать, вы изложите разные точки зрения, а ребенок пусть сам делает свой выбор. Он же свободная личность! Какое право вы

имеете диктовать ему: с кем дружить, какие фильмы смотреть, играть или не играть в компьютерные игры, вступать или не вступать в интимные отношения, потреблять или не потреблять наркотики? Попробуйте убедить его, а если не получится — смиритесь. Значит, вы не подобрали правильных слов или не сумели завоевать авторитет. (Хотя как можно завоевать авторитет у ребенка, который сызмальства привык, что тебя можно не слушаться, если ты «неубедителен»? Ясно же, что для своевольного человека только свое слово — закон, а к остальным он прислушивается лишь до тех пор, пока это не вступает в противоречие с его волей и желаниями.)

Уже не первый год либерально настроенные политики агитируют депутатов ввести в России систему так называемой «ювенальной юстиции», в рамках которой дети получили бы возможность подавать на родителей в суд, если те нарушают их права. В тех странах, где ювенальная юстиция введена, родителей могут лишить родительских прав за то, что они... не дают ребенку играть в компьютерные игры, наказывают за прогул школы, не пускают на дискотеку или в сомнительную компанию. Да-да! Ведь они лишают ребенка права на отдых, на общение, на творческую самореализацию... В Америке, по отзывам живущих там людей, многие дети теперь разговаривают с родителями с позиции силы, держа палец на кнопке мо-

бильного телефона и угрожая в случае отказа выполнить их требования, что они позвонят по телефону «911» и пожалуются на психическое насилие. «911» — телефон службы спасения. Не правда ли, симптоматично, что теперь она занимается еще и спасением детей от родителей?

А учителя Германии в начале 2006 года устроили массовую забастовку, требуя от правительства, чтобы им вернули хоть какие-то рычаги воздействия на детей.

— Их стало невозможно учить! — сетуют учителя. — Они нас совершенно не слушаются. Мы им говорим: «Дети! Сегодня мы будем проходить такую-то тему». А они в ответ: «Пожалуйста! Только без нас». И это в начальной школе! В старших же классах вообще творится полный бедлам. Пусть те, кто дал детям право издеваться над учителями, сами их учат. Мы умываем руки.

Чтобы нашим читателям, еще не увидевших воочию всех последствий ювенальной юстиции, было понятно, как именно выглядит детское своеволие в странах, опередивших нас в этом направлении, приведу пример из книги известного немецкого психолога Ирины Прекоп «Маленький тиран»: «Учительница что-то написала на доске. Внезапно Александр бросился к ней с криком: «Как ты можешь занимать всю доску — половина моя!» И он в мгновение ока вытер написанное на доске. Учитель-

ница спокойно велела ему вернуться на место. Александр закричал еще более злобно: «Я не уйду, убирайся лучше ты!» Тут он заметил, что учительница сохраняет полнейшее спокойствие и даже улыбается. (А что ей, бедняге, еще остается делать? Вывести хулигана из класса она не имеет права, а если прикрикнет — обвинят в жестоком обращении с детьми — *прим. авт.*). Одноклассники, как назло, стали смеяться. Тут Александр опрометью бросился в коридор и принялся стучать кулаками по стенкам шкафа и кричать: «Пусть она убирается! Пусть она убирается!» Изо всех дверей выбежали учителя и ученики. Они пытались утешить бедного ребенка, затем отвели его домой. И тогда у врачей появились подозрения на школьную фобию».

А вот примеры захвата власти над родителями:

«Свен будит мать по ночам, добивается, чтобы зажгли свет и дали бутылку с водой, из которой, однако, не желает пить. Позднее он издает свое «законодательство», согласно которому мать должна носить его на руках по всей квартире. Он диктует порядок пользования выключателем и, наконец, заставляет мать играть с его машинкой согласно его же режиссерским указаниям...

Ирене удается каждую ночь ровно в 2 ч. 20 мин. — по ней можно проверять часы — заставлять мать брать ее к себе в постель. Но после

этого мать не может снова лечь, а должна сидя, скрестив ноги, качать девочку на руках и напевать вполголоса мелодию колыбельной — причем именно мелодию, так как если мать начинает напевать слова, то Ирена протестует пронзительным криком...

Ральф, засыпая, настаивает на том, чтобы мать сидела на краю кровати и держала его руку в своей — до тех пор, пока он не заснет. Он не разрешает матери ни прилечь, ни погладить его, ни даже взять правую руку вместо левой...

Пятнадцатимесячного Яна принесли в детскую клинику по поводу крайнего истощения. Начиная с седьмого месяца Ян питался только материнским молоком, отказываясь принимать любую другую пищу. Мать охотно мирилась бы с этим и дальше, но у нее не хватало молока для насыщения ребенка. Ян будил мать трижды за ночь и добивался, чтобы его накормили грудью. Если же мать отказывала ему, он пытался порвать ее ночную рубашку и кусал грудь до крови...

Семилетний Марио ест только кексы и сухие хлебцы. Да, он может съесть какую-либо другую пищу, но при одном условии — если над ним будет раскрыт зонт...

Катрин был один год, когда родители отправились с ней в горы. Они хотели изменить на время городской образ жизни и решили обойтись без автомобиля, детской коляски и теле-

визора. Во время странствий по горам отец носил Катрин на плечах. Девочка особенно радовалась, когда отец прыгал с камня на камень. Однажды, запыхавшись, он хотел постоять, чтобы передохнуть, но Катрин требовала, чтобы он шел дальше — причем она со всей силой барабанила своими маленькими кулачками отцу по голове. Отец подчинился. Но так пошло и дальше, и ему удавалось отдыхать все реже» (Ирина Прекоп. «Маленький тиран», СПб., «Речь», 2004, стр. 98-99).

У нас подобное поведение пока что является поводом обратиться к психиатру. (Хотя даже тяжело больных детей обычно не распускают настолько, чтобы они позволяли себе так обращаться со взрослыми.)

После вышеописанного не удивляешься, прочитав в той же книге, что «в США статистика выявила два миллиона родителей, с которыми жестоко обращаются дети. (Речь идет именно о насилии детей над родителями.)» (И. Прекоп, там же, стр. 54).

Своеволие - ходкий товар

Однако приверженцы «антиавторитарной волны» не унимаются. Они всячески рекламируют детское непослушание, стараясь не только вывести его из числа пороков, но и ввести в ранг добродетели. Своеволие становится ходким товаром. Сейчас на мировой (и, стало быть, рос-

сийский) рынок усиленно «продвигают» кукол Братц, что означает по-английски, на жаргоне, «дерзкая, избалованная девчонка». Барби, еще недавно так шокировавшая взрослых своей недетской сексуальностью, теперь кажется образцом целомудрия по сравнению с новыми куклами, наделенными уже откровенно проститутской внешностью. А рекламный буклет вдобавок дает девочкам четкие поведенческие установки: «Почувствуй себя настоящей принцессой — уверенной в себе, озорной и ослепительной!.. Празднуй свою независимость, будь модной, проявляй свой яркий темперамент!.. Возьми власть в свои руки!.. Ночь! Самое время покорять город! Веселая компания Bratz высыпала на ночные улицы столицы! Их стиль — очень смело, даже дерзко! Прохожие так и замирают, как вкопанные, едва Братц появляются на горизонте».

Я думаю, мы тоже вскоре замрем, когда подросшее поколение Братц выйдет на наши улицы. Это будет уже не просто развязная, матерящаяся молодежь «поколения Барби», а нечто принципиально иное. Ребенок, с малолетства (Братц, как указано в том же рекламном проспекте, предназначены для детей от 3 лет) привыкший играть порнодивами и подражать их образу жизни, не может не повредиться. О глубине этого повреждения пока судить преждевременно: таких воспитательных экспериментов (во всяком случае, в массовом масшта-

бе) в нашей стране еще не было. Но то, что без последствий это не останется, очевидно.

Не в преддверии ли грядущих перемен в массовое сознание вбрасывается мысль, что «дети мудрее нас» и потому они должны учить взрослых, а не наоборот, как было всегда? Да и тема «детей индиго», якобы «новых», особых, «звездных», обладающих сверхъестественными способностями, ясновидением, тоже зазвучала в последние годы, думаю, неспроста.

Пропагандисты «феномена индиго» утверждают, что таких ценных личностей воспитывать нельзя. Они сами кого хочешь воспитают, поскольку «знают все и обо всем». «Мы даже слышим предостережения, скорее похожие на угрозы: дескать, из-за неправильного к ним отношения «индиго» запросто могут превратиться в детей-убийц, потому что когда они чувствуют, что на пути выполнения их «особой миссии» возникают препятствия, им «ничего не остается, как убрать то, что, по их мнению, мешает», — пишет журналистка А. А. Добросоцких, цитируя пособия по воспитанию таких детишек. И добавляет. — Для достижения своей высшей цели «индиго», по мнению тех, кто их раскручивает, не останавливаются ни перед чем» («Православная газета для простых людей». № 3 (57). 2006 г.).

Страшно представить себе, какая жизнь нас ожидает, если мы будем сидеть сложа руки и дадим мрачным пророчествам сбыться.

Почему несоблюдение иерархии - смерть?

В нашей с Ириной Медведевой книге «Проклятие Хама» мы уже цитировали это высказывание архимандрита Рафаила (Карелина). Но мне оно кажется таким важным, что я приведу его еще раз. «В душевном плане пятая заповедь представляет собой учение об иерархии. Нужно подчинить себя вышестоящему звену в единой иерархической цепи (как бы включить себя в некую энергетическую сеть) — подчинить, чтобы иметь возможность воспринять. Здесь непокорность старшим — это выключение себя из структуры. Без соблюдения иерархии и субординации (подчинения низшего высшему) невозможно никакое общество и никакая система, начиная с семьи и кончая государством, даже более того: начиная с атома и кончая космосом» (архим. Рафаил. «Умение умирать или искусство жить», изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2003, стр. 158).

И действительно, без соблюдения иерархии (которое непременно подразумевает послушание) все начинает деградировать. Бунт «детей» против «отцов» или «низших» слоев общества против «высших» ведет к мятежу, к революции. А революция сеет хаос. Государственные, общественные структуры оказываются парализованными, жизнь распадается. Смертность в

условиях хаоса, естественно, резко возрастает. И лишь с укреплением новой власти (то есть с установлением новой иерархии), либо с подавлением мятежа и восстановлением прежней иерархической структуры, наступает хоть какая-то стабилизация.

Схожая картина наблюдается и на уровне семьи. Там, где дети не слушаются родителей, а те борются между собой за главенство, царит разобщенность и даже враждебность. Такие семьи часто разрушаются. А если до развода не доходит, то дети все равно растут в атмосфере, калечащей их психику. Она хаотизируется, нередко развиваются различные психосоматические заболевания, что, естественно, не удлиняет человеческую жизнь. Многие подростки из неблагополучных семей бегут от родительских распрей на улицу, попадают в группу риска, могут рано погибнуть. И в любом случае, даже при самом благоприятном развитии событий, такой ребенок с раннего детства получает образцы неправильного, разрушительного поведения. Они глубоко запечатлеваются у него в душе, и потом ему бывает очень трудно избавиться от этих вредных стереотипов. А если он, повзрослев, будет так же реагировать на какие-то ситуации, как реагировали в его семье, или подобным образом выстраивать отношения, то и у него, скорее всего, не сложится семейная жизнь. А может, он и вовсе не захочет иметь семью и детей. Тем более, что в этом ему сей-

час есть кому помочь: антисемейные установки транслируются в массы по самым разным каналам, начиная от подростково-молодежных СМИ и кончая некоторыми школьными программами и даже детскими игрушками (см. выше про Братц).

В тех же семьях, где младшее поколение командует старшим, у детей, вдобавок к выше-сказанному, развивается множество пороков: эгоизм, своеволие, грубость, черствость, жестокость, лень, безответственность и другие вредные для нормальной жизни качества. Нетрудно себе представить, какой хаос возник бы, если бы большинство людей хотели всегда настаивать на своем и ни за что не отвечать. Это были бы даже не джунгли, потому что в звериных стаях очень строго соблюдается иерархия, а нечто совсем уж дикое, бесподобное.

Вот что говорит о духовных корнях непослушания игумен N, чья книга «От чего нас хотят спасти: НЛО, экстрасенсы, оккультисты, маги» уже выдержала не одно переиздание:

«В Евангелии мы читаем, как Сам Христос, Сын Божий, был послушен Своим родителям. Вот — краеугольный камень воспитания. Господом дана человеку пятая заповедь. В Священном Писании прямо сказано, как дети должны относиться к родителям: уважать их, почитать. В первую очередь это означает послушание. Оно совершенно необходимо нашей душе, потому что человек после грехопадения

заразился дьявольской гордостью. Именно послушанием врачуется и изживается грех гордыни, который присущ душе каждого человека. Поэтому обязательно надо воспитывать в ребенке умение подчинить свою волю воле любящих родителей. Для непредвзятого сознания совершенно очевидно, что отец и мать подчиняют и направляют волю ребенка, чтобы дать ему что-то доброе, уберечь от зла. Ребенок, не имея ни жизненного опыта, ни развитых аналитических способностей, не может проанализировать последствия своих желаний и поступков, и то, что ему кажется хорошим, может привести к тяжким последствиям. Поэтому послушание благотворно в плане Божественном для воспитания личности ребенка для уничтожения в нем чувства исключительности, которое является проявлением гордыни — главного из всех грехов. Когда же в ребенке превалирует злоба, невероятная гордыня, нежелание подчиняться своим родителям, учителям и т. д. (то, что раньше называлось расторможенностью), это признак болезненного состояния души этого ребенка. А с точки зрения Православия такой ребенок одержим злым духом. Такой дух — иначе говоря, демон, который может вселиться в человека, — чрезвычайно горд. Гордыня — это основа основ всего демонического мира. Демоны отпали от Бога именно через гордыню. Поэтому ребенок, одержимый злым духом, в первую очередь, вызывающе не-

послушен. Он не желает слушать никого» (интервью о детях-«индиго» в материале «Искушение сверхспособностями» в «Православной газете для простых людей», № 3 (57). 2006 г., стр. 5). И, — добавлю от себя, — неизбежно попадет в беду, поскольку сатана — враг рода человеческого, человекоубийца искони, о чем свидетельствует даже одно из его наименований — Аваддон, по-еврейски «губитель».

Ну, как тут не вспомнить, что именно за соблюдение пятой заповеди человечеству обещано счастье и долгожительство? Все остальные заповеди даны безо всяких обоснований, как императивы, а пятая — «чти отца твоего и мать твою» — единственная, которая указывает на последствия: ...да благо ти будет и да долготелен будеши на земли».

На какой почве произрастает послушание?

Л^асчастью, большинство российских родителей пока не успело заразиться духом либеральной педагогики и не готово стать марионетками в руках детей-тиранов. Даже те, кто позволяют ребенку в первые годы жизни сесть себе на голову, спохватываются, когда ребенок идет в детский сад и начинаются нарекания. Или когда приходит пора учиться, а своевольные дети не вписываются в группу, не слушаются учителя и упорно отказываются преодолевать

трудности. Поскольку сейчас престиж образования высок, отставание ребенка в учебе, пожалуй, как ни что другое способно активизировать родителей. И тогда они уже совсем иначе воспримут, например, такое высказывание: «Без послушания невозможно научиться чему бы то ни было по-настоящему; чтобы усвоить какие-либо знания, послушание необходимо. Поэтому гордый человек чаще всего обрекает себя на некое неистребимое невежество, особенно в духовном плане» (архим. Рафаил (Карелин), «Умение умирать или искусство жить», стр. 290).

Хотя и тут, конечно, могут быть исключения. Я знаю одну маму, которая настолько уважала свободолюбие своего сына, что в первом классе он полгода просидел под партой, но ее это нисколько не беспокоило.

— Что делать, если ему скучно? — пожимала плечами она. — В конце концов, это проблемы учительницы. К ребенку нужен подход.

Поскольку школа была частной, с Сашиним поведением мирились. Однако потом мальчишка пришлось забрать, поскольку, почувствовав безнаказанность, он начал срывать уроки, а родители других учеников оказались не столь большими поклонниками Сашиней свободы, как хотелось его маме.

Но такое пока встречается редко. Куда чаще, теоретически соглашаясь с необходимостью послушания, взрослые просто не умеют его до-

биться и ищут совета, как это сделать. Конечно, необходимо построить систему поощрений и наказаний, которая подошла бы для данного конкретного ребенка, учитывала бы его особенности и психологические ресурсы. Но эта система — лишь набор приемов. Лишенная серьезной основы, она не заработает в полную силу. А основой в данном случае служит родительское отношение к Богу, к государству, к окружающим людям и, конечно, друг к другу и к своим детям.

«Послушание, — предупреждал в свое время Ириней, епископ Екатеринбургский и Ирбитский, — есть такое растение, которое может расти и созревать не во всяком доме; это растение созревает только там, где почва для него благоприятна. Но, к общему прискорбию, есть такие семейства, в которых ничего нет благоприятствующего воспитанию детей в послушании. Это все те семейства, в которых господствует дух вольномыслия, неуважения законов Божеских и человеческих, тот дух, который не хочет знать никаких авторитетов. Обыкновенно ныне большей частью тогда только прибегают к защите Божеского или человеческого закона, когда это находят удобным для себя и полезным. Где родители заражены этим духом, там невозможно воспитать детей в послушании... В иных семействах Бог — самое последнее лицо, на которое обращают внимание; о Нем не принято говорить... Что есть обя-

занности к Богу, об этом многие совершенно не думают, и кто надлежащим образом исполняет их, тот, по меньшей мере, возбуждает в обществе удивление. Все это дитя видит и слышит. Какое же выведет оно отсюда заключение? Очень простое: если отец мой не почитает Бога, не слушается Бога, то и я могу не почитать, не слушаться отца; если Бог и заповеди Его — вымысел, то и пятая заповедь также; следовательно, родители для меня не имеют никакого значения. И согласитесь, при таком рассуждении логика ведь будет на стороне детей!..» («Чтобы дети были послушны и правдивы», М., «Даниловский благовестник», 1997, стр. 4-5).

Сказанные достаточно давно, еще до революции, эти слова с годами стали, увы, только актуальней. «Везде, где только не признается и не уважается Божеская и установленная Богом власть, где законы исполняются только страха ради, там воспитание к послушанию не имеет почвы, — писал епископ Ириней. — Кто презирает авторитет Божий, авторитет Церкви, авторитет всякого начальства, тот не может требовать от своих детей, чтобы они уважали родительский его авторитет; и кто добровольно и по чувству долга не следует названным авторитетам, тот никогда не может воспитать своих детей послушными» (там же, стр. 6-7).

А что с пеленок слышат и видят дети во многих современных семьях? Мать спорит с отцом;

мнение бабушек-дедушек в расчет не принимается, а зачастую и вовсе встречается в штыки; про милиционеров говорят, что они в сговоре с преступниками, про армию рассказывают всякие ужасы; критика правительства, Думы и прочих органов власти стала привычным фоном нашей жизни. В обществе царит атмосфера недовольства, для многих людей главным авторитетом являются они сами. Самость вообще всячески подчеркивается и превозносится. Ребенок, даже толком не понимая происходящего, все равно интуитивно улавливает суть и заражается духом анархии. Положение на самом деле трагическое. Думаю, мы даже не осознаем в полной мере его трагизма, поскольку сами в нем находимся и не можем от него как следует абстрагироваться, чтобы дать объективную оценку.

Ситуация осложняется еще и тем, что все вышеперечисленные люди и инстанции действительно нередко подают повод для критики, а то и борьбы. Разве можно, например, было смириться с проектом министерства образования ввести в школы секс-просвет? А как не возмущаться тем, что бывший министр культуры Швыдкой публично оправдывает матерные ругательства и всячески поддерживает непристойные спектакли, фильмы, выставки? И такого сейчас очень много.

Верующие люди знают, что слушаться начальства нужно, пока его распоряжения не

противоречат Божиим заповедям. Об этом даже публично заявлено в Социальной концепции Русской Православной Церкви: «Церковь должна указывать государству на недопустимость распространения убеждений или действий, ведущих <...> к разрушению личной, семейной или общественной нравственности, оскорблению религиозных чувств» (раздел III.6). А «в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную Божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он нирядился» (раздел IV.3).

Что конкретно следует делать?

Лотя условия для воспитания детей послушными сейчас, мягко говоря, непростые, родителям нельзя опускать руки. Иначе ни у кого не будет нормальной жизни: ни у них самих, ни у ребенка, ни у всего общества.

Что можно посоветовать?

1) Конечно, прежде всего внимательно следить за собой и не подавать дурной пример. Когда ребенок видит, что близкие относятся друг к другу уважительно, это и для него становится нормой. Причем выражаться это должно не только в чем-то главном, но и в мелочах, поскольку именно мелочи часто привлекают внимание детей. Они, будто обезьянки, ко-

пируют тон, словечки, повадки окружающих людей.

2) Не чувствуя со стороны взрослых защиты, ребенок начинает тревожиться. А тревога у детей часто выражается усилением непослушания. Право на защиту — одно из основных прав ребенка. Поэтому, пока дети маленькие, надо надежно ограждать их не только от реальных опасностей, но и от опасной информации — такой, которая способна вызвать запороговые страхи, подорвать веру в справедливость, вогнать в тоску и уныние. Ребенку для нормального развития совершенно необходимо верить, что мир — хороший и добрый, что «злых» — немного и их всех победят, что родители и люди, олицетворяющие в его представлении власть (милиционеры, солдаты и проч.), — на стороне добра.

3) Кроме того, никогда нельзя забывать о главной цели воспитания. «Хотя бы вся наша жизнь была благополучна, мы подвергнемся строгому наказанию, если не радели о спасении детей. Дети — не случайное приобретение, мы отвечаем за их спасение», — учит святитель Иоанн Златоуст. Поэтому важно почаще задавать себе вопрос: для чего нам нужно, чтобы дети нас слушались? Одно дело — запрещать или принуждать, заботясь о спасении души ребенка, и совсем другое — пытаться таким образом самоутвердиться, показать себя, свою власть.

Говоря о послушании, Н. Е. Пестов приводит следующие десять принципов:

1. Без крайней необходимости нельзя никогда отменять своих распоряжений и приказаний. <Добавлю от себя, что приказания, конечно, должны быть разумными, родитель не должен превращаться в капризного деспота — *прим. авт.*>.

2. Распоряжения должны быть точно выражены и сказаны категорически <но, конечно, не грубо и властно, как бывает в иных малокультурных семьях — *прим. авт.*>.

3. Выполнения приказаний следует требовать немедленно и приучать детей слушаться с первого слова. <Однако нервные, возбудимые, гиперактивные дети часто не могут соответствовать этому требованию. А родители, не понимая, что это болезненный симптом, раздражаются, кричат и, тем самым, только усугубляют состояние ребенка — *прим. авт.*>.

4. Родителям важно всегда взаимно поддерживать у детей свой авторитет. Для этого у них должно быть полное согласие между собой. Один из родителей не может отменять распоряжений другого, при детях нельзя спорить о необходимости или характере распоряжений. В присутствии детей вообще не должно быть у родителей разногласий, чтобы авторитет их ничем не колебался. Об этом так пишет в письме старец Амвросий Оптинский: «Никак не спорьте о своих разных взглядах при детях».

5. Не оставлять без наказания ослушания, усиливая наказание при повторном ослушании.

6. Не изменять требований, разрешая сегодня то, что было запрещено вчера.

7. Не командовать постоянно детьми и не давать им слишком частых приказаний, иначе будет притупляться послушание.

8. Не требовать от детей чего-либо слишком трудного для исполнения или несправедливого в каком-либо отношении.

9. Не позволять детям фамильярного к себе отношения. Любовь, ласка и нежность должны сочетаться с требованием полного к себе уважения и почтения. Маленьким детям нельзя позволять трепать себя за волосы или уши, ударять, хотя бы в шутку, и т. п.

10. Самим давать пример послушания: жены — мужу и обоим — своему духовному отцу (Н. Е. Пестов. «Путь к совершенной радости. Воспитание детей», «Христианская жизнь», Клин, 2003, стр. 110-111).

А если все равно не слушается?

Может ли вообще такое быть, что родители соблюдают вышеперечисленные правила, а ребенок все равно не слушается? — К сожалению, может. Нервные дети, которых сейчас достаточно много, отличаются импульсивностью, раздражительностью. Повышенная тревож-

ность у них оборачивается вспышками агрессии, они плохо переносят стрессовые ситуации, могут впасть из-за них в состояние неуправляемости. Дети, родившиеся с асфиксией (удушьем при родах), по моим наблюдениям, всегда более нервные, упрямые, часто склонные к истерикам. Естественно, плохо управляемы гиперактивные дети, многие дети с задержками развития, с проявлениями аутизма, дети, пережившие какую-то психическую травму.

Бывает так называемое «протестное поведение», причина которого коренится в том, что в младенчестве, когда только еще устанавливается система «мать — дитя», между мамой и ребенком не существовало полного взаимопонимания. Известный детский психиатр проф. Козловская Г. В. указывает на то, что очень многое в облике и манерах современных матерей противоречит традиционному образу материнства. Мать одевается в мужскую одежду, коротко пострижена, пахнет не молоком, а духами, не поет колыбельных, ведет себя с ребенком нервно, напряженно, раздражительно или равнодушно, ухаживая за ним чисто физически, но эмоционально не включаясь. Все это идет в разрез с генетически заложенными представлениями младенца о том, какой должна быть мама, вызывает отторжение, протест. А поскольку все это происходит на бессознательном уровне, причем в самом раннем возрасте, то запечатление дефектной модели поведения

О ПОСЛУШАНИИ

бывает очень прочным, и впоследствии она воспроизводится автоматически.

А бывает и просто своевольный характер, (который, кстати, нередко достается ребенку в наследство от матери с отцом или от каких-то более дальних родственников). Потакать непослушанию, конечно, не следует, но надо учитывать «отягчающие обстоятельства», понимая, что к таким детям требуется особый подход. В каждом случае — свой. Какой именно — лучше посоветоваться со специалистом.

О своеволии

Своеволие: своя ли воля?

В последние годы резко возросли жалобы родителей на детское своеволие. Причем, если раньше мать с отцом (или хотя бы один из членов семьи) честно признавались, что их чадо просто-напросто избаловано, то теперь все чаще под это дело подводится «научная», «психологическая» база.

То и дело приходится слышать:

— Наш ребенок совершенно неуправляемый. Ему все нипочем, ничто на него не действует.

Объяснения такой «неуправляемости» дают самые разные. От генетики до... экологии. Да-да! Это предположение выдвинула недавно одна мама, рассказывавшая мне об «отвязанном» поведении своей дочери-подростка. Из ее рассказа стало понятно, что так ведут себя почти все одноклассники дочки.

— Мы с другими мамами ума не приложим, в чем тут может быть дело. Говорят, сейчас многие родители маются. Растят детей, растят, вкладывают силы, средства, а потом вдруг раз — и все насмарку. Наверное, экология ви-

новата. Я уже где-то об этом читала. От плохой экологии дети становятся неуправляемыми.

Потом, правда, выяснилось, что в соседней школе дети почему-то другие: стремятся к знаниям, в кружки разные ходят, взрослых матом не кроют. Хотя экология та же самая: школа расположена на параллельной улице.

О причинах детского своеволия мы поговорим чуть позже, а сейчас хочу обратить ваше внимание на одну очень интересную особенность таких детей. Она не лежит на поверхности, но если копнуть поглубже, непременно окажется, что...

Своевольные дети на редкость несамостоятельны

Странно? На первый взгляд — да. Ведь они все норовят сделать по-своему. Но в том-то и смысл, что к истинной самостоятельности это отношения не имеет!

Поясню на примере. Шестилетний Ваня «не терпит никакого давления со стороны взрослых» (теперь это принято называть так). Больше того, он явно претендует на место старшего в семье: разговаривает властно, тоном приказа, чуть что — кидается на родителей с кулаками. И надо отдать мальцу должное, он добивается-таки своего! Все семейство пляшет под его дудку. Но при этом Ваня абсолютно беспомощен в повседневной жизни. Собраться на

улицу — для него огромная проблема, потому что он толком не умеет одеваться. О какой-либо помощи по дому речи и подавно не идет. Какая помощь, если он и себя-то обслужить не в состоянии? Ваня даже играть самостоятельно не способен. Да и засыпает только в присутствии взрослых: одному в комнате ему страшно.

Пойдя в школу, такой Ваня, конечно, научится с грехом пополам застегивать рубашку и завязывать шнурки на ботинках (он же все-таки не умственно отсталый в степени идиотии!). Но, в отличие от сверстников, не будет сам готовить домашние задания и собирать портфель. Да и уроки придется за него узнавать маме по телефону, ведь на Ваню ни в чем серьезном положиться будет нельзя.

Сверстников уже начнут отпускать в школу одних, а Ваню еще долго будут водить за ручку: мало ли куда его может занести, лучше не рисковать!

В подростковом возрасте он может прогуливать школу, и его легкомыслие станет настолько зашкаливающим, что окружающие, вполне вероятно, начнут задаваться вопросом, все ли у него в порядке с интеллектом? Ведь сколько ни объясняй, чем чревато такое поведение, до Вани все равно не доходит. Хотя на самом деле интеллект тут ни при чем. Просто Ваня ни разу еще не расплачивался за свои выходки. И наоборот, твердо усвоил, что ему все сходит с рук. А коли так, то «мели Емеля»! Предки погрозят-

погрозят, а потом сбегают в школу, задобряют училок, и все будет о'кей. А если задобрить почему-либо не удастся, то они что-нибудь другое придумают... Им не привыкать!

Еще немного — и Ваня становится взрослым, хотя в душе остается все тем же зависимым, но своенравным дошкольником. Что за семья будет у такого человека? Разве он способен взять на себя ответственность за чужую судьбу? Он ведь со своей собственной разобратся не в состоянии. Что бы такой человек ни вытворял, виноваты будут другие. И неудачи (которых, естественно, у подобных людей не счесть), они обычно объясняют не своей ленью, разгильдяйством или вздорностью, а происками врагов и фатальными обстоятельствами. При этом их все больше заносит «не в ту степь»: в пьянство, в наркоманию, в сомнительные аферы и в откровенное воровство. Короче, прогноз, как говорят медики, тут неблагоприятный. Можно, конечно, надеяться, что когда-нибудь жизнь научит такого человека уму-разуму. А если нет? И даже если научит, не слишком ли велика окажется цена?

Последствия своеволия

/7омимо тех, что перечислены выше (инфантильность, неудачи в личной жизни, часто профессиональная несостоятельность, асоциальное поведение), хочется особо подчеркнуть тот

вред, какой своеволие наносит развитию ребенка. Порой физическому, так как своевольный ребенок больше рискует «влипнуть» в какую-либо историю, заканчивающуюся травмой или увечьем. И почти наверняка — развитию интеллектуальному и эмоциональному.

Это тоже может показаться странным. Как же так? Вроде бы, своевольные дети больше проявляют свою индивидуальность, а значит, более склонны к экспериментам, к постижению чего-то нового... И опять это лишь кажущаяся закономерность. Не обладая волей к преодолению трудностей, такие дети как раз предпочитают идти по накатанному пути, делая лишь то, что им дается без труда (а это, в основном, развлечения).

И потом, развитие происходит, когда человек имеет какие-то образцы для подражания, идеалы, на которые он равняется и которых стремится достичь. Если же кроме себя, любимого, иных идеалов у него нет, то и развития никакого не будет. Зачем стремиться к чему-то, когда все уже есть? Зачем заниматься самосовершенствованием, если ты и так — верх совершенства?

Конечно, на самом деле полный отказ от идеалов — это тоже миф. Люди устроены таким образом, что совсем без идеалов они жить не могут. И у своевольного ребенка идеалы (а точнее сказать «кумиры»), разумеется, будут. Обычно это «крутые» киногерои, решающие

все жизненные вопросы кулаками и автоматными очередями, рок-певцы с интеллектом приматов и патологическими половыми наклонностями, «братва» на джипах, панки, рокеры, скинхеды и прочее. Только вот к чему приведет подражание таким кумирам? Ведь они еще более «отвязанные», чем он сам. Значит, в перспективе следует ожидать не развития, а деградации.

Своевольный ребенок попадает в ловушку: искренне веря в свою оригинальность и самостоятельность, он чем дальше, тем больше отстает от сверстников. Чем дальше, тем больше становится малоинтересным, шаблонным типажом с набором стандартных качеств и черт. Посмотрите на подростков, «тусующихся» по дворам, детским площадкам или городским площадям. Как они однотипны, хотя вроде бы каждый стремится подчеркнуть свою индивидуальность: у кого-то в ухе три серьги, у кого-то четыре, у этого волосы выкрашены в рыжий цвет, у того — в зеленый.

Почему же родители это допускают?

Вот именно! Почему? Почему, умом понимая, к каким страшным последствиям приводит разгулявшийся детский анархизм, многие родители бывают не в состоянии вовремя окоротить свое чадо?

Разгадка родительской беспомощности, на мой взгляд, коренится в двух обстоятельствах. Во-первых, своеволие часто путают со свободой, независимостью, раскрепощенностью. В жалобах взрослых на неуправляемость ребенка нередко звучит потаенная гордость: вот, дескать, какой он у меня свободолюбивый! Не то, что мы... мы росли зажатými, затюканными, и теперь вынуждены выдавливать из себя раба по капле. А наши дети другие, они с пеленок ощущают себя уникальными, неповторимыми, свободными личностями.

Подчас доходит до полного безобразия: пятилетний «свободолюбец» откровенно хамит пожилой женщине, сделавшей ему справедливое замечание, а мать стоит рядом и млеет от его «раскованности». (В школе, правда, и ей, и ребенку придется пожинать плоды такой «свободной педагогики». Если в начале перестройки многие учителя и родители радостно отказались от «авторитарных методов» обучения, то потом, ужаснувшись последствиям, поспешили вернуть во многие школы строгую дисциплину. И сейчас даже элитарные лица в своей рекламе делают особый упор на высокий уровень требований к знаниям и дисциплине учащихся, понимая, что именно это снова копируется среди родителей.)

Ну, и во-вторых, взрослые просто-напросто идут по пути наименьшего сопротивления. А значит, не особенно отличаются в этом от сво-

их сыновей и дочек. Их ребенку легче закатить скандал, чем убрать игрушки, а им легче «не связываться», не проявлять необходимую в данном случае твердость. Иными словами, родителям тоже не хватает положительного волевого потенциала и настоящей, взрослой самостоятельности. Они тоже снимают ответственность с себя и перекладывают ее на чужие плечи: на педагогов, психологов, врачей, милиционеров.

Недавно ко мне пришла на консультацию молодая женщина с сыном-дошкольником. Никаких серьезных психических отклонений у мальчика не было, но избаловать его уже успели страшно. Настолько, что неискушенному человеку он мог даже показаться не вполне нормальным. В последнее время своеволие ребенка начало переходить все допустимые границы, и мать забеспокоилась. Однако, когда речь зашла о том, что поведение сына надо ввести хоть в какие-то рамки, она неожиданно категорично заявила, что сама это сделать не в состоянии: и характер у нее чересчур мягкий, и убеждения не позволяют.

— Но ведь очень опасно пускать все на самотек, — возразила я. — Если он сейчас не признает никаких авторитетов, то что будет в подростковом возрасте? Мальчик и из дома уйти может, и с наркоманами связаться...

— Да я нисколько не сомневаюсь в том, что он попробует наркотики! — пожалала плечами

мать. — И НИЧЕГО МЫ С ЭТИМ НЕ ПОДЕЛАЕМ. Лишь бы не привык...

Ну, что тут скажешь? Сынишка еще и слова такого — «наркотики», наверное, не знает, а она уже расписалась в своей беспомощности. И главное, считает это в порядке вещей!

Так что во многих случаях безответственность детей — наследственная черта. И взрослым, если они действительно хотят изменить ситуацию, следует начать с себя. Звучит вроде бы просто, а в реальности это как раз самое сложное, ведь менять себя сложнее всего. Как говорится, в чужом глазу мы видим соринку, а в своем не замечаем бревна.

Счастье - это когда тебя понимают

— А как же все-таки приучить ребенка к самостоятельности? — спросите вы.

Прежде всего, необходимо поставить себя на его место и понять, почему он бунтует, отказываясь выполнять требования взрослых.

Может, это попытка хоть как-то проявить свое «я»? Ведь очень часто, жалуясь на своеволие детей, родители (обычно матери) следуют за ними по пятам и в буквальном смысле слова не дают бедолагам без спросу ступить ни шагу. Помнится, одна мама даже диктовала своему семилетнему сыну, когда ему ходить в туалет. А на замечание психолога, что дети

этого возраста вообще-то и сами в состоянии определить, назрела ли у них данная потребность, заявила, что ее сын еще слишком мал и несамостоятелен.

Ребенок, зажатый в тиски родительской опеки, естественно, воспринимает инструкции взрослых как очередное посягательство на свою свободу и норовит уклониться от их выполнения.

Так что нужно побороться с гиперопекой, сильно сократить количество замечаний, предоставить сыну или дочери больший простор для проявления своего «я», и тогда многое станет на свои места.

Сравнительно недавно к нам на занятия с Ириной Яковлевной Медведевой привели шестилетнего мальчика. Мама жаловалась на зашкаливающее своеволие, демонстративность, вспышки агрессии. На занятиях же ничем таким даже не пахло. Коля вел себя послушно, с огромным удовольствием выполнял наши просьбы и задания, жаждал всем услужить: поднимал упавшие игрушки, помогал расставлять стулья, уступал девочкам свою очередь. Дети такого возраста еще не поднаторели в искусстве лицемерия. Да и потом, на наших занятиях любой ребенок быстро раскрывается и становится видно, какой он на самом деле. Тем более, если в его характере действительно присутствует своеволие. Тут и ждать-то ничего не надо, все сразу проявится. В детском саду и в

изостудии, куда ходил мальчик, тоже, как выяснилось, к нему не предъявляли претензий. Поэтому мы предположили, что Колино своеволие является реакцией на травмирующую семейную ситуацию. И начали в ней разбираться.

Когда у ребенка много родственников, это отлично. Он не чувствует себя одиноким в мире, его окружают любовью и заботой. Но если все эти родственники чересчур активны, и почти вся их активность направлена на одного-единственного ребенка, они могут задушить его в объятиях. Как, собственно, и происходило в Колином случае (естественно, в переносном смысле). Взрослые не давали ему спокойно ступить ни шагу, постоянно давали инструкции, советы, одергивали, поучали, отчитывали. Делали они это из лучших побуждений, но мальчик начинал задыхаться и терял самообладание. Ему просто не хватало в семье жизненного пространства. Надо еще добавить, что мальчик был на редкость разумный и вообще-то ему практически никаких замечаний делать не приходилось, он и так все понимал с полуслова. В семье же его держали за несмышлениша. Когда родные начали следить за собой, воздерживаться от излишней опеки и прислушиваться к мнению мальчика, его своеволие вдруг куда-то испарилось.

Часто детская безответственность проистекает и от... страха родительской нелюбви. Идя

вразнос, ребенок стремится привлечь к себе внимание взрослых. Хотя взрослым может казаться, что они только им и занимаются. И очень может быть, что так оно и есть, но непослушный ребенок раздражает их своими выходками. А значит, внимание, которое они ему уделяют, носит сугубо отрицательный характер. Ребенку же необходимы положительные эмоции для того, чтобы поведение его начало налаживаться. Снова создается порочный круг, и размыкать его опять-таки необходимо взрослым.

Ну и, разумеется, бывает истинное своеволие — особый склад характера, в основном, присущий мальчикам. И тогда следует заниматься его облагораживанием, возвышением, элевацией. Об этом мы сейчас поговорим подробнее.

Как важно быть последовательным

балуясь на детское своеволие, многие взрослые произносят весьма характерную фразу:

— Что мы только ни делали! Отец даже ремнем его (ее) ПЫТАЛСЯ отхлестать — все без толку.

Здесь очень симптоматично слово «пытался». Как правило, родители своевольного ребенка мечутся из крайности в крайность, судорожно пробуют применить к нему те или иные воспитательные меры, но потом начинают его жалеть и смягчают наказание. Им хочется ве-

ритель, что он поймет и оценит их благородство. А он извлекает совсем другой урок.

«Предки — слабаки, — думает ребенок. — Если немного покапризничать, поканючить или закатить скандал, они сдадутся и сделают по-моему».

А упорства в достижении своих прихотей такому ребенку не занимать. Тем более, что обычно и напрягаться особенно не приходится. Родные сдают позиции практически без боя.

Поэтому непоследовательность родителей приведет к вполне предсказуемому результату: ребенок в борьбе укрепитесь и в следующий раз сможет еще дольше «выдержать характер». Если такое происходит часто, у него складывается определенный стереотип отношений с родителями. А у них создается впечатление, что он абсолютно нестигаем. Этаким стойком, Муций Сцевола.

Но ведь это совсем не так! Своенравные дети на поверку бывают гораздо зависимее от взрослых, чем их более покладистые сверстники. У них обычно масса просьб и желаний, то есть рычагов воздействия на своевольных детей предостаточно. Мало ли что они демонстрируют свое равнодушие в ответ на угрозу лишиться их каких-либо благ? Они вообще очень многое делают в расчете на то, что окружающие примут их демонстрации за чистую монету. Если хочешь воздействовать на такого ребенка, ни в коем случае не поддавайся на его удочку.

Окорачивая детское своеволие, совершенно необходимо проявлять последовательность. Иначе ничего не добьешься.

Как и для любого другого ребенка, самое страшное наказание тут — лишение общения. И к нему следует прибегать в крайнем случае, когда другие меры уже исчерпаны.

— Что ж мне полгода с ним не разговаривать? — нередко спрашивают матери.

Нет, конечно. Для дошкольника обычно хватает и дня. Школьники, уже привыкшие побеждать в этом поединке волю, могут выкаблучиваться дольше, но на моей памяти даже до недели никто из них не дотягивал.

— А как же еда, уроки, уборка игрушек? Если с ним не разговаривать, он ничего и делать не будет, — волнуются мамы.

Будет, когда поймет, что это не пустые угрозы. А если он пару раз не пообедает или опоздает в школу, ничего страшного. Очень полезно на собственном опыте, а не только со слов родителей, узнать, какие последствия бывают у нехороших поступков. И чем раньше — тем лучше. Ведь с возрастом последствия становятся все более тяжелыми. Хуже будет, если впервые своевольный ребенок что-то поймет только в колонии или в операционной.

Помните: на самом деле своевольным человеком управлять нетрудно, ибо он тщеславен и одновременно слаб волен. Еще один парадокс. Уж в слабости такого человека, казалось бы,

никак нельзя упрекнуть, но что такое уход от трудностей и снятие с себя ответственности, как не признак душевной слабости? А слабого человека рано или поздно кто-нибудь подчиняет своему влиянию. Причем далеко не всегда благотворному.

Посильность требований

Проме того, ваши требования должны быть посильными.

Бессмысленно говорить сыну-семикласснику, даже самому отъявленному прогульщику: «Иди, устраивайся в другую школу!» Это он дома и во дворе «крутой», а прийти к незнакомому взрослому, да еще с дневником, испещренным замечаниями, ему, конечно же, страшно.

Или, скажем, шестилетке, у которого плохо развита мелкая моторика (а попросту говоря, неловкие, непослушные руки), действительно трудно завязывать шнурки на ботинках и застегивать рубашечные пуговицы. Мало ли что его сверстники уже с этим справляются?! Попреками тут ничего не добьешься, лучше потратить силы на развитие пальцев. Тем более, что это и в школе пригодится.

Компромисс, но без авансов

Ну и, конечно, нужно прийти к разумному компромиссу. В чем, по мнению взрослых,

обычно должна проявляться детская самостоятельность? — В том, что дети без посторонней помощи готовят уроки, складывают в портфель тетради и учебники, прибираются в своей комнате и т. п. А как представляют себе самостоятельную жизнь дети? — Можно сколько хочешь гулять, без ограничения смотреть телевизор, играть на компьютере... короче, без удержу развлекаться. Иначе говоря, в представлении взрослых самостоятельность — это сплошные обязанности, а по мнению детей — максимально широкие права. И требовать от них, чтобы они наслаждались этими довольно скучными занятиями, по меньшей мере, наивно.

Но сбалансировать права и обязанности можно. Ты считаешь себя большим и хочешь попозже ложиться спать? — Пожалуйста, только у взрослеющего человека появляются новые обязанности по дому. Что ты предпочитаешь: мыть каждый день посуду, ходить за хлебом или пылесосить квартиру по выходным? (Очень важно предоставлять своевольному ребенку возможность выбора, однако в заданных вами рамках. Тогда он будет двигаться в нужном вам направлении, сохраняя при этом свое лицо.)

Надо показывать и на личном примере, и на примере окружающих, что свобода взрослых людей напрямую увязана с большим количеством обязанностей. Да, взрослые могут ходить,

куда хотят, покупать, что хотят, смотреть, что хотят, но при этом их обязанность — зарабатывать деньги, делать очень много вещей, которые им делать не нравится или трудно, и прочее, и прочее.

Имея дело со своевольным ребенком, крайне опасно расширять его права, не расширяя обязанностей. Если он привыкнет к пониманию свободы как вольницы (что хочу — то и ворочу), с ним потом будет нелегко совладать.

Очень часто своевольные дети не выполняют своих обещаний. И родители опять-таки записывают их в «невоспитуемые».

Между тем как всего-то навсего надо воздержаться от авансов.

Ваш сын пообещал сесть за уроки, если вы ему разрешите посмотреть телевизор, а когда фильм закончился, заявил, что уроками займется завтра? — Что ж, пусть в другой раз телевизор будет ему наградой только за ПРИГОТОВЛЕННОЕ задание. И никаких поблажек! Не бойтесь, что он закатит истерику или разнесет квартиру. Истерику вполне можно перетерпеть, а за битье посуды или крушение мебели должно неотвратимо следовать суровое наказание. Тут про свой мягкий характер лучше на время позабыть. Иначе у всех, в том числе у самого ребенка, может сложиться впечатление, что он действительно невоспитуем. А это не та победа, которой полезно гордиться.

О похвале

Хвалите с умом

В первой половине 90-х, еще только пробуя свои силы в работе с трудными детьми, мы с моей коллегой Ириной Яковлевной Медведевой обратили внимание на то, что многие родители как-то очень скупы и неохотно хвалят своих отпрысков. Им гораздо легче сделать замечание, одернуть, даже поругать. Конечно, они поступают так из педагогических соображений, желая ребенку добра. Но многие дети в результате подобной «педагогики» начинают думать, что мама с папой их не любят. А от этого озлобляются, вредничают, впадают в уныние.

С тех пор утекло много воды, произошли огромные перемены и в нашем обществе, и во взглядах людей. Не осталось неизменным и отношение к похвале. В данном вопросе, как и в большинстве других, произошло резкое размежевание, прямо-таки поляризация точек зрения. Либеральные родители хвалят детей даже тогда, когда гораздо логичней (и полезней!) было бы дать ремня. Как, например, в

случае с шестилетним Васей, который вел себя, пока его не окоротили, просто чудовищно. Даже при посторонних он не стеснялся обзывать маму нецензурными словами, таскал за волосы, кусал и бил, норовя попасть по лицу или по голове. А она, уворачиваясь от ударов, растерянно улыбалась и приговаривала, как научил ее психолог: «Вася! Васенька! Успокойся! Что с тобой? Я тебя не узнаю. Ты такой хороший, добрый, ласковый мальчик...»

Ну, а родители, которые стараются воспитывать ребенка в более традиционной манере, подчас впадают в другую крайность. Они боятся хвалить даже за дело, чтобы «не подпитывать гордыню». И, как шитом, защищаются цитатами из святых отцов. Правда, обычно оказывается, что цитируемые поучения относятся к монахам — людям, во-первых, взрослым, а во-вторых, духовно и душевно сильным, добровольно стремящимся к строгой, аскетичной жизни. При чем тут малые дети?

Впрочем, и ко многим взрослым подвижники христианского благочестия были весьма снисходительны. Святой преподобный Исаак Сирин, например, писал: «Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его. Целуй его руки и ноги, обнимай их часто с великой честью, возлагай их на глаза себе и ХВАЛИ ЕГО ДАЖЕ ЗА ТО, ЧЕГО ОН НЕ ИМЕЕТ» <выделено мной — *авт.*>. То есть в данном поучении святой Иса-

ак призывает не просто хвалить ближнего, но хвалить преувеличенно («честь выше меры его») и вроде бы незаслуженно. Почему?

Преподобный Исаак Сирин поясняет свою мысль так: «...этим и подобно этому привлечением его <ближнего — *авт.*> к добру заставишь его стыдиться той чести, которую ты оказываешь ему, и посеешь в нем семена добродетели. От такой приобретенной тобой привычки на тебе отпечатается добрый образ, ты приобретешь в себе высокое смирение и без труда преуспеешь в великом. А сверх того, если чувствуемый тобой и имеет какой недостаток, то легко примет от тебя исправление, пристыженный той честью, какую ты оказал ему».

«Некоторые положения из этого замечательного наставления преподобного Исаака могут вызвать недоумение, — говорит известный православный педагог первой половины XX века Н. Е. Пестов, чьи труды в последние годы достаточно широко издаются и пользуются большой популярностью. — Преподобный велит в глаза человека «хвалить его даже за то, чего не имеет». Но ведь это будет неправдой, здесь будет то, что называют лестью! Вместе с тем, говоря так, мы будем, возможно, развивать у ближнего тщеславие. Чтобы понять эти кажущиеся противоречия, приведем аналогию. Полезны ли лекарства? Чаще всего лекарство — это яды и могут только вредить здоровому организму. Но принятие их в соответствующей

дозе вылечивает болезнь. Следует учесть также, что те, кто нас окружает, в громадном большинстве духовно больны (грехом) и требуют лечения. Нелегко найти путь к их сердцу. А без этого ни наши слова, ни наш пример не будут на них действовать. И только стяжав их глубокое расположение к себе (а если возможно, и любовь), мы получим возможность влияния на них и через это достигнем и их исправления. Вот ради такой великой цели, следуя добродетели рассудительности, и рекомендует преподобный Исаак и преувеличение, и потворство тщеславию».

Но если многие взрослые люди нуждаются в похвале, которая, как лекарство, врачует их уныние, ободряет и придает сил, то что же говорить о детях? Они ведь от природы еще так слабы, легко расстраиваются, пасуют перед трудностями. А главное, оценка взрослых является тем строительным материалом, из которого в представлении ребенка постепенно складывается его собственный образ. Откуда ему знать, какой он на самом деле? Никаких особых свершений, объективных доказательств его состоятельности у него еще нет. Он не успел толком проявить себя ни на каком поприще, способность к самоанализу пока не развита. Поэтому основные «кирпичики», из которых строится детский образ «я», это слова.

Если ребенок постоянно слышит, что он то делает не так и это не этак, он начинает считать

себя неряхой, неумейкой, тотальным неудачником. Одни дети, как улитка, прячутся в свою раковину, у них развивается повышенная застенчивость (которая опять-таки не нравится родителям!). Другие, побойчее, бунтуют, своевольничают, злятся, вредничают, кривляются, идут вразнос. И вскоре создается замкнутый круг. Ребенок ведет себя настолько плохо, что хвалить его реально не за что, да и не хочется. Однако без этого улучшений не будет.

Хвалит - значит любит

Если не верите, представьте себе ситуацию, когда самый главный человек в вашей жизни, от которого вы вдобавок полностью зависите, все хорошее воспринимает от вас как должное, но зато при каждом удобном случае указывает на ваши промахи и недостатки. Вряд ли вы сочтете это проявлением любви. Скорее, наоборот, решите, что к вам относятся плохо, с предубеждением. Почему же ребенок должен рассуждать иначе? Разве у него какая-то другая, кривая логика?

А ведь дети эмоционально зависят от нас гораздо больше, чем мы от кого бы то ни было. Младенец еще не понимает обращенных к нему слов, но прекрасно «ловит» настроение матери. Мать с ребенком довольно долго, на протяжении всего дошкольного периода, связывает незримая психологическая пуповина. И если ре-

бенку кажется, что его не любят — а когда мать скупится на ласку и похвалу, подобные мысли посещают его непременно! — он получает тяжелейшую психическую травму, на которую может отреагировать различными болезнями, задержкой развития, возникновением патологических привычек.

Поэтому дошкольников совершенно необходимо хвалить! Хвалить часто, эмоционально и преувеличенно. Именно такой стиль общения соответствует потребностям ребенка на этом возрастном этапе, который в психологии принято называть «мифологическим». С подростком, конечно, нужно общаться иначе. Хотя похвала необходима и в этом возрасте, но уже другая, более «взрослая». Если вы назовете пятнадцатилетнего парня богатырем за то, что он принес из коридора стул, он сочтет это издевкой и обидится. А пятилетний малыш будет сиять от радости и побежит за вторым стулом. Это не значит, что он путает жизнь и сказку. Но ему так хочется хоть немножко побыть сказочным богатырем! А ведь игра в этом возрасте имеет огромное воспитательное значение. Так, один расторможенный мальчик стал вести себя гораздо сдержаннее, как только мать купила ему костюм витязя и он явился в нем на групповые психологические занятия. До этого Вадик постоянно лез вперед, выкрикивал какие-то глупости, к месту и не к месту вспоминал про «человеков-пауков» и всем своим

видом изображал «крутого парня». А тут, когда я при ребятах отметила, что Вадик в доспехах смотрится солидно, по-взрослому, совсем как настоящий рыцарь, он заметно подобрался, стал проявлять уступчивость, выдержку и даже начатки хороших манер. Чем немало удивил и порадовал маму, которая по сто раз на дню повторяла Вадику, как надо себя вести, но была уверена, что у него в одно ухо влетает — в другое вылетает. А оказалось, кое-что все-таки задерживалось, но до поры до времени было неактуализировано.

Кроме того, чувство отверженности как никакое другое подрезает ребенку крылья. Опять же поставьте себя на его место. Долго ли вы будете ублажать человека, который вечно вами недоволен? Сколько браков дает трещину именно потому, что супруги перестают церемониться и начинают друг друга «воспитывать». А по сути — говорить гадости, которые им и в голову бы не пришло сказать раньше, когда отношения были не такими тесными.

Самолюбие людей (и детей в том числе!) нужно щадить, а не ломать через колено. Эта мысль сейчас многим кажется крамольной — дескать, потакание гордыне. А ведь по сути к тому же самому призывал в процитированном поучении святой Исаак Сирий: не тыкать носом человека в его недостатки, а тактично исправлять их, опираясь на то хорошее, что в нем есть.

Похвала, как ориентир

Лроне того, похвалой мы устанавливаем для ребенка ту или иную систему координат. Жизнь для малыша — это безбрежное море. Он часто теряется, еще не освоив правил и норм поведения в обществе. Нам предстоит привить ему определенные ценности, и мы своей похвалой даем малышу правильные ориентиры. К сожалению, многие родители недопонимают воспитательного значения похвалы или применяют ее однобоко: в основном, хвалят детей за успехи в обучении.

Кто спорит? Учеба, конечно, дело важное. И очень хорошо, что в нашем обществе престиж образования так высок. Ведь в перестройку, казалось, набирала силу прямо противоположная тенденция. Даже отпрыски интеллигентных семейств нередко отказывались поступать в институт, ссылаясь на то, что в новой жизни вузовский диплом никому не нужен, разбогатеть можно и без него.

Но, во-первых, далеко не все дети добиваются блестящих успехов в обучении. Соответственно, и похвал им перепадает меньше, чем более способным сверстникам. В подобных случаях чрезмерная фиксация родительского внимания на учебе нередко дает обратный результат. Остро переживая свою неуспешность, ребенок начинает уваливать от занятий. Чем, естественно, вызывает нарекания. Быстро об-

разуется порочный круг, в результате чего проблемы ребенка будут только усугубляться.

А во-вторых, зададимся вопросом: какие качества мы выделяем как особо ценные, хваля детей за успехи в учебе? Ну, конечно, в первую очередь ум, сообразительность, стремление к знаниям. Но делая упор лишь на это, можно вырастить черствого, амбициозного эгоиста. В ребенке разовьется то, что святые отцы называли «гордыней ума» — самый, по их мнению, опасный и труднопреодолимый вид гордости. Конечно, на уроках ценятся также прилежание, аккуратность, усидчивость, трудолюбие. Однако очень многие «базовые» качества хорошего человека, вырастить которого (хотя бы на словах) стремятся родители, в данный набор не входят. Например, доброта. Отличник вовсе не обязан быть добрым. Даже наоборот. Если он по доброте душевной сжалится над двоечником, понуро стоящим у доски, и начнет ему подсказывать, то может схлопотать от учителя замечание, а то и двойку в дневник. И если подобные проявления доброты учащаются, то — по крайней мере, по поведению — он перестанет быть отличником.

Не способствует похвала за хорошую учебу и развитию многих других качеств, без которых трудно надеяться на успешную социализацию ребенка. Речь идет о миролюбии, об уживчивости в коллективе, чуткости, заботливости, верности. А как воспитать в мальчишке специфич-

чески мужские качества или в девочке — женские, если основное, на что их нацеливают, это, в общем-то, бесполоя роль ударника учебы?

Короче говоря, старайтесь хвалить ребенка разнообразно, не ограничивайтесь словами «умница» и «молодец». Давайте понять, что у него много достоинств и много возможностей проявить себя с хорошей стороны.

Похвала, как костыль

Ларактеры у всех разные. То, что одному ребенку дается легко, другой делает со скрипом. А то и вообще предпочитает не делать. Есть дети от природы щедрые, а есть прижимистые. Есть маленькие храбрецы, а есть трусишки. У кого-то сердце отзывчивое, всех ему жаль: и упавшего братика, и сгорбленную старушку. Он даже за колорадских жуков заступает, и никакие разговоры про то, что они уничтожают картофель, на него не действуют. «Все равно жуков нельзя убивать, им же больно! Ну и пусть кушают картошку, мы себе еще купим» А другого, наоборот, непонятно чем разжалобить, ему нравится дразниться, обижать слабых.

Те качества, которыми ребенок обделен, воспитывать довольно трудно. Но возможно. Относитесь к ним как к хилым росточкам, которые требуют особенной заботы, особенно тщательного ухода. Мы же не попрекаем их тем, что они плохо растут, а стараемся создать бла-

гоприятные условия. С детьми главных условий два. Во-первых, нужно особенно их хвалить за те поступки, которые даются им с наибольшим трудом. А во-вторых, стараться облегчить задачу. Скажем, застенчивого ребенка не следует посылать самого знакомиться с чужими ребятами, а когда он в энный раз откажется, прилюдно стыдить «в воспитательных целях». Лучше подойти вместе с ним, предложить детям игрушку, затеять игру, а дома сказать папе так, чтобы мальчик слышал: «Представляешь, какой Ваня сегодня был общительный: не постеснялся заговорить с ребятами и даже поиграл с ними в песок!» (Хотя на самом деле это они играли, а он стоял чуть поодаль, переминаясь с ноги на ногу.) Глядишь, через какое-то время сын и без вас начнет вступать в контакт с детьми. Примерно так же стоит справляться и с трусостью. Идя в поликлинику, заранее пообещайте ребенку приз за стойкость. И если он хотя бы чуть поменьше будет вопить, сдавая кровь, выполните свое обещание. А главное, расскажите о его храбрости всем домашним. Я знаю очень много историй, как именно «лавы в кредит» помогали детям преодолеть панический страх перед уколами, сверлением зубов и прочими малоприятными медицинскими манипуляциями.

В других случаях (например, при проявлениях жадности или своеволия), когда ребенок не то, чтобы не может, а не хочет меняться, ре-

агировать следует более жестко. Но потом, даже если вы чуть ли не силой вынудили его поделиться или послушаться, обязательно нужно похвалить. Это не будет лицемерием, ведь ребенок все равно хоть немного продвинулся по пути преодоления своих недостатков. Путь сей, как известно, нелегок, и похвала тут выступает в роли костыля, без которого порой вообще не получается сделать ни шагу. Окрепнет душа — отпадет нужда в этих психологических «костылях». А пока силенок не хватает, надо поддерживать, иначе упадет.

Похвала, как способ эмоционального и нравственного развития

Сейчас даже многие школьники имеют весьма примитивные представления о человеческих характерах. В последние годы все меньше детей понимает, чего от них требуют, когда просишь назвать чьи-либо достоинства. Еще несколько лет назад, видя, что ребенок затрудняется с ответом, мы заменяли непонятное слово синонимическим выражением «хорошие черты». Теперь и это порой бывает неясно. Приходится пояснять описательно: «Пожалуйста, скажи, что хорошего в твоём брате, маме, сестре... В их характере столько хороших черт!»

Но несмотря на разные ухищрения, ребята в последние годы все чаще называют не черты характера, а поступки: «Папа мне покупает то-

то... мама помогает делать уроки... сестра со мной играет». В первой половине 90-х годов так отвечали, в основном, малыши. Годам к пяти нормальные дети уже соображали, что от них требуется, и бойко перечисляли: «Мама красивая, добрая, умная, ласковая, заботливая, веселая. Папа — умный, добрый, сильный, много всего знает, с ним так интересно...»

Теперь и семи-восемилетние ребята подчас затрудняются дать даже такое, в общем-то, незамысловатое описание человека. Причем человека очень хорошо знакомого, с которым они теснейшим образом общаются с самого рождения! Что же говорить о ком-то более далеком?

А ведь подмена качеств человека его поступками — вещь отнюдь не безобидная. Во-первых, человек в нашем представлении превращается в набор неких функций, как бы роботизируется. Это машина может стирать, отжимать, гладить, про ее характер даже как-то смешно говорить. Но и отношение к ней у нас чисто утилитарное: перестала выполнять свои функции, не подлежит ремонту — на свалку. Когда мы так же функционально оцениваем людей, это, естественно, отражается и на нашем отношении к ним.

Во-вторых, при таком подходе дети не научаются разбираться в людях, что в дальнейшем доставляет им массу неприятностей. Сколько ошибок, подчас непоправимых, успевают совер-

шить человек, пока на собственном горьком опыте не убедится, как важна осмотрительность в выборе друзей, компаньонов, спутника жизни! Разумеется, и раньше никто не был застрахован от подобных осечек. Но все-таки и в воспитании, и в образовании очень большая роль придавалась привитию детям положительных нравственных качеств, формированию у них правильной системы ценностей. Вспомните хотя бы, сколько уроков литературы было посвящено разбору характеров литературных персонажей. Образ Онегина, образ Печорина, женские образы в творчестве Тургенева... Как обстоятельно учили нас анализировать поступки героев и по поступкам определять человеческие качества. Как порой это было трудно, а раз трудно, то и скучно.

Теперь зато весело. В гимназии, где училась моя дочь и которая считалась тогда одной из лучших в нашем районе, лирику Пушкина проходили следующим образом. Каждому ребенку велели выучить по стихотворению. Дочке достался отрывок из знаменитой «Деревни». Потом на уроке они продекламировали выученное, и с пушкинской лирикой было благополучно покончено. Со всем прочим дело обстояло не многим лучше.

— Почему вы почти не разбираете в сочинениях образы персонажей? — удивлялась я, пока до меня не дошло, что это теперь у нас такая новая образовательная политика.

Миновало около десяти лет, и сейчас я держу в руках список тем, который принес домой, готовясь к экзамену по литературе, мой младший сын. Из семнадцати тем «по Бунину*» нет ни одной (!) про «образ». Вернее, одна все-таки есть: «Образ России в прозе И. А. Бунина». Гоголю повезло чуть больше: из пятнадцати тем — две про характеры героев («Образ Манилова и Плюшкина», «Образ Ноздрева»). Ну, и еще одна — «Образ автора в поэме "Мертвые души"».

Остальные больше напоминают темы диссертаций или литературоведческих исследований: «Тема жизни и смерти в прозе И. А. Бунина», «Проблема человека и цивилизации в рассказе "Господин из Сан-Франциско"», «Настоящий писатель — то же, что древний пророк: он видит яснее, чем обычные люди», «Художник должен чувствовать вечность и в то же время быть современным»... Что напишут школьники о таких сложных философских проблемах, если у них не сформированы гораздо более простые понятия? Как может понять душу гения человек, не понимающий своих собственных чувств, не интересующийся чувствами окружающих и оценивающий происходящее, как правило, в категориях «клево», «прикольно» и «отстой»?

Так что не ограничивайтесь перечислением хороших поступков. Хваля ребенка, почаще называйте его хорошие качества. Помимо все-

го прочего, это будет способствовать духовно-нравственному развитию, которое сейчас, по ряду причин, нередко отстает от интеллектуального.

А если захвалим?

Это опасение высказывается очень часто, и я обычно отвечаю: «Не бойтесь!» Захвалить ребенка, у которого есть какие-то проблемы, просто невозможно. Слишком часто он чувствует себя «белой вороной», слишком много неудач уже успело омрачить его недолгое существование. Если он робкий, застенчивый, то можно только догадываться, сколько раз его успели обскакать в садике, в играх, на каких-нибудь конкурсах, соревнованиях. Сколько раз он оказывался последним, незамеченным, обиженным. Шумный, возбудимый ребенок, наоборот, то и дело вылезает вперед, мешает, задирается, получает нарекания и тоже страдает от своей неуспешности. Хотя далеко не всегда по нему это понятно, поскольку он от волнения ведет себя еще более шумно, может хохотать и дурачиться. Короче говоря, у каждого «трудного» ребенка свои промахи, которые он, будучи, как правило, повышенно чувствительным и ранимым, переживает тяжелее, чем обычные дети.

Поэтому родительская похвала может **ЛИШЬ ЧАСТИЧНО** вознаградить ребенка за

тягостные переживания, выпавшие на его долю с самого нежного возраста. Полностью компенсировать это невозможно. Дети без особых психологических проблем так остро в одобрении окружающих не нуждаются. Это, конечно, не означает, что похвала им совсем не нужна. Доброе слово, как известно, и кошке приятно. Но им не требуется постоянно «подслащивать пилюлю», поскольку у них все складывается достаточно удачно.

А еще, если мы не хотим подпитывать похвалой детский эгоизм, следует почаще хвалить ребенка за то, что он делает не для себя, а для других. Обычно же бывает наоборот. Дошкольника хвалят за то, что он все съел, сам оделся, убрал за собой игрушки. Школьника — за учебу. Но ведь и ест, и одевается, и учится ребенок **ДЛЯ СЕБЯ!** Конечно, родителям хочется, чтобы он был сыт, опрятен и умен. Но все же от голода, если сын плохо поест, будут страдать не они. Да и учатся теперь многие (увы!) не для того, чтобы послужить Отечеству или хотя бы, как бывало когда-то, выйдя в люди, поддерживать свою многочисленную малоимущую родню.

Конечно, поначалу, когда дети еще только осваивают самостоятельное одевание, чтение или письмо, их необходимо хвалить и подбадривать. Особенно если им что-либо дается с трудом. Но если вы видите, что тот или иной вид деятельности уже не вызывает у ребенка

явных затруднений, а он по-прежнему жаждет похвал, то сделайте так, чтобы плодами его деятельности могли пользоваться окружающие, и хвалите его за заботу о других.

Допустим, ребенку плохо дается рисование, поскольку у него проблемы с мелкой моторикой. Сперва, чтобы он не ушел в жесткий отказ, нужно одобрять любой его рисунок. Ну, а когда страх неуспешности будет преодолен, хвалите сына или дочь за то, что они нарисовали такую чудесную картинку В ПОДАРОК БАБУШКЕ. Или читали сказку БРАТИШКЕ, написали поздравление ДРУГУ; собираясь на прогулку, не только быстро оделись сами, но и помогли одеться СЕСТРЕНКЕ.

Протоиерей Василий Зеньковский, размышляя на тему похвалы, писал: «Но похвала может приносить вред и развивать в детях тщеславие и самомнение! Это действительно так, если детей всегда только хвалят. Поэтому на похвалу нужно смотреть как на лекарство, которое можно и должно применять умеренно, — с рассудительностью. Вместе с тем она является и могучим средством поощрения ребенка к трудолюбию, старанию, аккуратности, послушанию. Без нее не обойтись при воспитании. А тот вред, который приносит похвала (развивая тщеславие и самомнение), надо уничтожить развитием в детях христианского смирения. Это достигается примерами из жизни благочестивых христиан, изучением Евангелия и об-

разцами смирения из жизни святых и подвижников благочестия» («Как воспитать ребенка православным?» «Даръ», М., 2005, стр. 183).

Ну и, разумеется, не надо похвалой внушать ребенку, что он лучше других. Это и возгревает гордыню, и настраивает на соперничество. Наоборот, учите ребенка радоваться не только своим, но и чужим успехам, воспитывайте в нем дружелюбие и доброжелательность.

Я - самый лучший во Вселенной!

Все вышесказанное, разумеется, не означает, что ребенку не следует делать замечаний и исправлять его недостатки. Однако замечаний должно быть намного, в несколько раз меньше, чем похвал. Общий фон, настрой, обязательно должен быть позитивным. Иначе замечания цели не достигнут, а ребенок начнет бодрить себя сам. Только вряд ли вас его методы приведут в восторг.

— Я самый лучший во всей России! И в мире! И в космосе! И во Вселенной! — истерически кричал шестилетний Петя, отвергая любую критику со стороны родителей.

И это еще довольно невинный способ самоутверждения. Хотя итог его тоже плачевен, ведь ребенок пребывал в состоянии неуправляемости...

А еще за пренебрежением похвалой скрывается неблагодарность. В данном случае — Богу,

даровавшему вам ребенка, в котором — даже в самом трудном! — всегда есть много хорошего. Но мы, в силу своей поврежденной грехом природы, склонны воспринимать хорошее как должное и куда охотнее фиксируемся на плохом. Нам легче предъявить претензии, нежели сказать что-то приятное. Так что начинать, как всегда, нужно с себя и стараться не жить по пословице «что имеем — не храним, потерявши — плачем».

Слова: «Как я рада, что ты у меня родился, такой хороший» — хочет (и должен!) слышать каждый ребенок, чтобы нормально расти и развиваться. Хотя это, повторюсь, не исключает ни замечаний, ни наказаний, ни разумной строгости.

О поощрении

Поощрение или покупка?

Когда беседуешь с родителями «трудных» детей о похвале и наказании, они частенько спрашивают: «Можно ли давать ребенку за хорошее поведение какие-нибудь награды, педагогично ли это?» Но надо же, чтобы он слушался просто так, а не за конфетку! И они, родители, с этим совершенно согласны; им, естественно, не хочется растить эгоистов и вымогателей. Но «просто так» дети их не слушаются...

«Не знаю, что делать, у меня руки опускаются», — обычное окончание подобного монолога. Но мы руки опускать не будем, а попробуем разобраться.

Когда необходим приз за чистку зубов?

Для начала зададимся вопросом: когда человек нуждается в положительном подкреплении? Вам, например, нужен приз за чистку зубов? Нет? А почему? Вы скажете: «Потому, что мы и так понимаем: чистить зубы необходимо, иначе будет кариес».

Да, но в детстве наверняка не все (особенно мальчишки) были настолько сознательными. Многие от чистки зубов старались увильнуть. Казалось, есть дела поважнее: поиграть, побаловаться, поскорее выйти во двор, поглазеть в окно, в конце концов! А ведь взрослые не уставали повторять, что «нечистым трубочистам стыд и срам», да и сами вы, не в пример современным дошколятам, с которыми мало разучивают стихи, знали «Мойдодыра» наизусть. Однако еще не созрели до настоящего осознания важности водно-гигиенических процедур.

С возрастом уровень сознательности повышается, но не у всех и далеко не во всем. Многие ли готовы «просто так» участвовать в субботнике, в работе школьных родительских комитетов и уж тем более — в деятельности общественно-политических организаций? Как показывает опыт, таких единицы. У большинства находятся дела поважнее. Хотя нельзя сказать, что благоустройство двора, помощь школе, в которой учится твой ребенок или активное выражение своей гражданской позиции — вещи второстепенные. Только представьте себе, что никто не будет этим заниматься, а все сосредоточатся исключительно на достижении личного и семейного благополучия. Во что бы, например, превратилось современное российское образование, если бы люди, не согласные с разрушительными реформами и вредными «инновациями», не выражали своей протест, тратя

время и нервы на общение с оппонентами, участвуя в конференциях и круглых столах, заседавая в разнообразных комиссиях и экспертных советах, сочиняя в тысячный раз скучные, но необходимые бумаги для передачи «наверх»? И все это не только бесплатно, но зачастую с риском для своей карьеры и, соответственно, финансов. Будь таких людей больше — жизнь, думаю, была бы у нас иной. Но мы сейчас не об этом, а о том, что взрослые очень часто предъявляют к детям завышенные требования, сами таковым не соответствуя.

Итак, положительное подкрепление какого-либо действия необходимо, во-первых, при отсутствии более высокой мотивации. (А у ребенка она еще не сформирована в силу возраста.) И, во-вторых, тогда, когда что-то трудно, а преодолевать трудности неохота. Особенно наглядно это видно на примере дрессировки животных. Великий Лев Дуров произвел настоящий прорыв в цирковом искусстве, когда стал воздействовать на зверей лаской и вкусным прикормом. Выяснилось, что «за сахарок» они готовы выделывать такие номера, о которых другие укротители и мечтать не смели.

Человек, даже маленький, конечно, куда умнее животных, но для преодоления трудностей ему, кроме ума, еще требуются спортивный азарт, сила воли, желание доказать себе и другим свою состоятельность. А эти качества у многих детей проявляются (если проявляются)

гораздо позже, ближе к подростковому возрасту. Хотя даже спортсменов, людей безусловно волевых, любящих преодолевать трудности, поощряют призами и наградами. И никто не считает это предосудительным, а наоборот, радуются и поздравляют чемпионов.

А если будет просить за каждый чих?

Этот вопрос звучит практически всегда. Как ни старались в последние десятилетия привить России «рыночную» психологию, нам по-прежнему неприятны проявления меркантильности, особенно в отношениях с близкими людьми. В перестройку, поддавшись на усиленную пропаганду американского образа жизни, некоторые родители пытались с малолетства развивать в своих отпрысках практицизм и денежную сметку, но, увидев, во что это выливается, обычно приходили в ужас. Теперь же наблюдается явный откат. Даже в семьях «новых русских», по моим наблюдениям, нередко боятся вырастить жадин и рвачей, уже не соблазняясь лозунгами воспитания крепких хозяйственников и будущих предпринимателей.

Говоря о просьбах «за всяких чих», нужно прежде всего заметить, что навязчивое выклянчивание благ, как правило, является у детей ярким признаком депривации. Страдая от ревности, чувствуя хроническое раздражение или усталую отрешенность матери, испытывая

острый дефицит любви, они подсознательно пытаются утешить себя суррогатами: лакомствами, подарками, развлечениями, порой начинают красть деньги. Поскольку поведение такого ребенка оставляет желать лучшего, взрослые срываются, кричат, наказывают — короче, всяческими способами выражают свое недовольство. Если такое положение вещей длится долго, в семье закрепляются стереотипные реакции, возникает замкнутый круг: ребенок ведет себя так, что хвалить и поощрять его не за что, но без поощрений его поведение не улучшится.

Столкнувшись с такой ситуацией, взрослым необходимо понять: уже одно то, что ребята вдруг вместо привычных, но все равно травмирующих их упреков начнут получать какие-то поощрения, разрядит обстановку. Причем это будут заслуженные награды, а не выключенные подачки, которые родственники, устав от нытья и капризов, кидают ребенку просто, чтобы он от них отвязался. Одно дело быть молодцом, умницей, и другое — назойливой мухой. Разница принципиальная, ее даже четырехлетки прекрасно чувствуют.

Уменьшится уровень невротизации ребенка — снизится и потребность в суррогатах. Да и потом, опасения разжечь наградами алчность зачастую оказываются сильно преувеличенными. От сложных детей заранее ждут подвоха и уже одним этим невольно настраивают их на

плохое поведение. Ведь такие дети повышенно чувствительны, особенно к импульсам, исходящим от матери. Уловив тревогу и недоверие, они начинают нервничать и, естественно, реагируют ухудшением поведения. И наоборот, когда взрослый дает понять, что он верит в ребенка, доволен им, тот успокаивается и ведет себя лучше.

Да и потом, кто сказал, что поощрения должны быть непременно материальными? Совместная игра, лишняя сказка, прочитанная мамой на ночь, разрешение чуть подольше не ложиться спать или пригласить в гости приятеля — все это тоже может быть преподнесено в качестве награды. Хотя в дошкольном и младшем школьном возрасте, когда дети еще недостаточно социализированы и в них ярко выражено биологическое начало, конфетка или мороженое бывают сильным стимулом, способствующим выработке необходимых навыков поведения. Пройдет несколько лет — и сладкая награда утратит свою привлекательность. Легко себе представить реакцию подростка, если кто-нибудь, добиваясь от него того, чего он делать не хочет, вздумает посулить ему конфетку. А для дошкольника такая награда еще актуальна. Зачем же ей пренебрегать?

Ну, а если вдруг начнутся торговля и вымогательство, прекратить это проще простого. Скажите: «Хорошо, но тогда ты мне тоже всякий раз, когда я что-то для тебя сделаю, бу-

дешь давать приз в виде игрушки. Начнем прямо сейчас. Ты ведь собрался завтракать, не так ли?»

Увидите: поняв, что в таком темпе он быстро лишится всей своей собственности, юный Меркурий (так, если не ошибаюсь, назывался у древних римлян бог торговли?) поумерит прыть.

Поощрение, но не заискивание

Важно также, чтобы поощрение ребенка не выглядело заискиванием. Этаким задабриванием дикого зверя. Дети прекрасно чувствуют, когда родители их боятся, и, соответственно, еще больше тогда распоясываются. Как распоясывался семилетний Алеша, при чужих людях боявшийся подать голос, но зато дома учинявший настоящий террор. Мать еще как-то, с грехом пополам, могла призвать мальчика к порядку, зато отца он демонстративно игнорировал, изводил на его глазах младшего брата и делал всякие другие пакости. Отец же — сейчас, в эпоху либерализма, такое не редкость — «не знал, как на это реагировать» и боялся оставаться с сыном один на один. Причем обсуждал это с женой при мальчике, который в результате таких обсуждений, естественно, укреплялся в мысли, что он абсолютно непобедим.

Однако на самом деле Алеша очень нуждался в общении с отцом, поскольку его терзала

ревность к младшему брату. А значит, совместные игры и занятия с папой могли стать для мальчика важнейшим стимулом, самой ценной наградой. Прислушавшись к советам психолога, родители начали выстраивать систему поощрений и наказаний. Алеша стал вести себя заметно лучше. Теперь за хорошее поведение в течение дня он получал возможность вечером поиграть с отцом в шахматы. Игра доставляла им обоюдное удовольствие, Алеша явно этого жаждал, и через пару недель папа даже отважился остаться с ним дома наедине. И все шло прекрасно, пока мать не принялась в волнении названивать мужу по сотовому, выясняя, как ведет себя Алеша. Несколько бесед состоялось не при ребенке, поэтому он продолжал вести себя хорошо. А вот при последнем разговоре присутствовал. Услышав, как отец успокаивает маму: дескать, не бойся, у нас все в порядке, я его занимаю, чтобы он ничего тут не натворил, — Алеша вновь почувствовал себя хозяином ситуации и моментально вошел в привычную для него роль домашнего злодея. Интересно, какими словами он сопроводил эту «смену вех»:

— Значит, ты не просто так со мной играешь, а чтобы я не хулиганил? Ну, так я вам сейчас устрою порядочек!

Может ли ребенок яснее дать взрослым понять, что в нем не следует видеть монстра и, тем более, угождать ему из боязни?

Родитель, поощряя ребенка, должен выступать в роли доброжелательного, но требовательного арбитра. Судии строгого, но милостивого.

Нас-то почему не поощряли...

— «А-да! Нас-то почему не поощряли, а мы все равно старались! — возмущаются взрослые. И тут же сами фактически отвечают на свой вопрос. — Носишься тут с ними, как с писаной торбой — и все без толку...

Конечно, очень многие проблемы с нынешними детьми возникают от элементарной избыточности. И сейчас, уверяю вас, есть семьи, в которых дети не ждут наград ни за самостоятельное одевание, ни, тем более, за съеденную котлету. Но там и взрослые не увлекаются новомодными теориями «воспитания без огорчений», а по-прежнему воспитывают детей в разумной строгости. В такой семье вышеописанному Алеше, как бы он ни был раздосадован, и в голову не придет, что папе можно сказать подобные слова. Потому что Алеше с малолетства определяют границы дозволенного и будут следить за их соблюдением. Хотя и там без поощрений не обойдутся, как не обходились и двадцать, и сорок, и сто лет назад. Просто неизбалованному ребенку меньше нужно, чтобы почувствовать себя счастливым...

Детей послевоенного поколения не принято было часто брать на руки, чтобы они «не при-

выкли». Поэтому любая, даже мимолетная родительская ласка воспринималась как награда. Мне на всю жизнь врезалось в память, как в феврале, на мой день рождения, мы с отцом торжественно шли в 40-й гастроном, славившийся на всю Москву тем, что там можно было раздобыть «дефицит», и покупали свежие огурцы. Кого сейчас из московских детей потрясешь таким подарком?

А как же любовь?

Лонечно, очень хочется, чтобы дети слушались нас просто из любви. Ведь когда по-настоящему любишь, стремишься угодить любимому, порадовать его, не требуя за это никаких наград. «Любовь не ищет своего», — писал Иоанн Богослов, которого в христианском мире принято называть Апостолом любви.

И родители, особенно верующие, зная это, расстраиваются, видя, что отношения в семье далеки от идеала. Но любви надо учиться. Это не что-то, развивающееся в нас как бы само собой, без усилий с нашей стороны. Человеку дана возможность любить, однако реализовать ее удастся не всем.

Святые отцы говорят, что, возрастая в любви к Богу, человек проходит три этапа. Первый — «стадия раба», когда он старается не грешить из страха наказания, боясь адских мук. Вторая — «стадия наемника». Тот, кто

поднялся на эту ступень, противится греху уже не из страха, а в надежде на спасение, ради того, чтобы войти в Царствие Небесное. Но лишь достигнув «стадии сына», он начинает слушаться Бога не из-за угрозы наказаний и не ради обещанных благ, а «просто» из любви. Многие, по свидетельству святых отцов, оканчивают свои дни, так и не дойдя до третьей, наивысшей стадии.

В человеческих взаимоотношениях тоже прослеживаются эти закономерности. И тоже далеко не все «дотягивают» до третьей стадии. Сколько бы ни твердили поклонники свободы о непреодолимой сладости запретного плода, но для многих не особо сознательных членов общества именно страх наказания служит главным сдерживающим фактором, не позволяющим преступать закон. А наша любовь к ближним (например, к собственным родителям), разве она всегда свободна от эгоистических примесей? А если вспомнить себя в детстве? Не таких, какими мы хотим из воспитательных соображений предстать в глазах наших детей («то ли дело я в твои годы...»), а настоящих? Мы что, все дружно с пеленок перескочили на третью стадию? Или тоже боялись, что нас за шалости «заругают», и мечтали о велосипеде в подарок за успешно оконченный учебный год? Да и став взрослыми, наверное, мы не всегда являем собой пример самоотверженного служения окружающим. Особенно когда их просьбы

нарушают наши планы, входят в конфликт с нашими интересами. Иначе в семьях не было бы столько взаимных претензий, обид, ссор.

Безусловно, надо учить детей бескорыстия, учить настоящей любви, которая отдает себя, ничего не требуя взамен. Но как в любой учебе, учитель должен владеть предметом гораздо лучше учеников и быть методически грамотным. Будь он хоть кандидатом, хоть доктором наук, но если начнет преподавать первоклашкам, как студентам ВУЗа, толку не жди. Почему же, когда речь идет об обучении детей английскому или математике, мы понимаем эти нехитрые истины, а при воспитании забываем? Поощрения и похвала для детей — аналог наглядных пособий, без которых давно уже немыслима учеба в школе. Мы ведь не протестуем против них, заявляя, что дети должны учиться «и так» — взрослые же учатся без картинок, вот и они пусть привыкают.

Нервных детей нужно поощрять больше

Советую учесть вот еще что: нервных детей по сравнению с предыдущими поколениями стало заметно больше. «Повсюду в мире наблюдается ошеломляющий рост расстройств детской психики», — пишет известный немецкий психолог и психотерапевт Ирина Прекоп. Да, честно говоря, это ясно и без специалистов: достаточно зайти в любой детский сад, школу, похо-

дить по улицам, побеседовать с людьми, почитывать газеты.

Но ведь расстройство психического здоровья практически всегда отражается на поведении! Именно соблюдение тех или иных поведенческих норм зачастую представляет главную трудность для «проблемных» детей. Как ребенку со слабыми мышцами физически трудно заниматься спортом, так этим детям психически трудно слушаться взрослых, трудно дружить, трудно любить. И если мы хотим их этому научить, то должны действовать так же, как действуют умные учителя, имея дело с учениками, которые, мягко говоря, не блещут способностями. С одной стороны, им облегчают задачу, а с другой, стараются заинтересовать, усиленно подбадривают, стимулируют. Именно такая тактика, как показывает опыт, дает наилучшие плоды.

Когда на занятиях в нашем психологическом кукольном театре появляется трудно управляемый ребенок — а в последние годы это случается все чаще и чаще — он, естественно, не желает подчиняться общим правилам. Один перебивает остальных и выкрикивает что-то свое, другой отказывается участвовать в играх, третий задирается, четвертый молчит, как партизан...

Мать после пары неудачных попыток повлиять на ребенка опускает руки, ей начинает казаться, что он не впишется в группу.

— А вы пообещайте, что если в следующий раз он будет вести себя лучше, то получит награду. Посулите что-нибудь, действительно для него притягательное, — обычно предлагаю я. — Только четко обозначьте задачу. Не просто «веди себя хорошо», а «не перебивай преподавателя», «поиграй с ребятами в перерыве», «не дерись», «скажи хотя бы два слова».

— Попробую, — кивает мать, но и в тоне, и в глазах ее явственно читается. — «Эх, будь все так просто, разве бы я к вам обратилась?»

Однако такой простой метод в подавляющем большинстве случаев дает положительные результаты. Хотя, конечно, нельзя сказать, что работа с трудными детьми этим ограничивается. Иначе и вправду незачем было бы обращаться.

А вот рассказ человека, который взял на себя сложнейшую задачу — воспитание приемного ребенка-аутиста. Причем аутиста крайне тяжелого: в четыре года этот мальчик не разговаривал, не умел одеваться, играть, рисовать. Он вообще почти ничего не умел! Теперь ему десять лет. В семье Сошинских он не только заговорил и приобрел навыки самообслуживания, но и научился читать, считать, писать, рисовать, играть с детьми. Он уже учится в школе (хотя по индивидуальной программе) и занимается музыкой. Каждый шагок по пути адаптации Андрюши к нормальной жизни давался с огромным трудом. И очень многого уда-

лось достичь как раз благодаря положительно-му подкреплению. Причем самому примитивному — лакомствам, потому что ко всему прочему он в своем болезненном состоянии был равнодушен.

«Ключевое место в интересах Андрюши занимала еда, — пишет С. А. Сошинский в книге об Андрюше «Зажечь свечу» (РОО «Образование и здоровье», М., 2005). — Когда ему давали печенье, сок, конфету, он порой трясся от восторга. Он не хватал, не уминал мгновенно то, что дали, а кружился над ним, как коршун над добычей или влюбленный перед объектом своей любви. Он устраивал из еды священнодействие и в то же время игру... И до сих пор еда составляет одно из сильнейших его влечений... Но эта страсть сослужила в жизни Андрюши и добрую службу — стала нашим орудием влияния на него. Часто не было другого способа заставить его работать, кроме приманки вкусной едой».

Вот как, в частности, преодолевались многочисленные Андрюшины страхи, столь характерные для аутистов: «В конце сентября 1999 года (через девять месяцев после появления у нас Андрюши) Наташа <супруга Сошинского — *авт.*> ввела его в метро, в январе 2000 года я ввел его в лифт. Лифт и метро — два его великих страха. Андрюша боялся близко подойти к тому и к другому... Наташа запаслась бананом, взяла Андрюшу крепко за руку (она под-

черкивает, что это было очень важно, чтобы крепко, это означало для Андрюши ее непоколебимость) и ввела его в метро. Он открыл рот, завопил, и банан оказался во рту, рот заткнут. Прошел час, прежде чем они вышли из метро, час был непростой. Но страх отступил».

А чего добились бы эти люди, если бы они, как многие принципиальные родители, боялись «испортить» Андрюшу поощрениями?

Что может быть стимулом?

Логда помогаешь семье «трудного» ребенка построить систему поощрений и наказаний, выясняется еще одна любопытная подробность. Взрослые часто не знают, чем стимулировать детей.

— Вот Вы говорите: «Надо поощрять...» А как? — растерянно спрашивают они. — Ему ничего не нужно, он ни к чему не привязан. Лишишь мультика, а в ответ: «Ну и ладно!» Гулять не любит, без конфет и мороженого тоже вполне обходится. Тут на днях его в цирк не взяли. Казалось бы, он хотел, даже поплакал немножко. А теперь и не вспоминает.

На самом же деле своевольные и демонстративные дети (а вышеописанная картина типична именно для них) — вовсе не бесстрастные аскеты, за которых их можно принять по таким описаниям. Наоборот, они повышенно конкурентны, а значит, потребностей у них

обычно больше, чем у других детей этого возраста. Ведь они не только не хотят ударить перед сверстниками в грязь лицом, но и жаждут выделиться из общей массы.

Поэтому стимулов тут достаточно много. Просто родители не к тому апеллируют. Для демонстративных детей главный стимул — не конфеты, а общение и публичное признание их заслуг. Внешне демонстрируя независимость, они на самом деле повышенно зависят от окружающих. Что, впрочем, совершенно понятно: продемонстрировать что-либо можно только публице. А если зрителей нет, то и сама идея демонстрации обесмысливается. Так что без конфет, игрушек и прочего такие дети действительно могут обойтись (хотя все равно не столь безболезненно, как пытаются из гордости изобразить). А вот без внимания близких им становится в высшей степени неудобно. Многие демонстративные дошкольники вообще не выносят, когда мама перестает с ними разговаривать. Они тут же начинают «липнуть» к ней, дергают за рукав, ноют, канючат, уверяют, что больше не будут. Даже такие упрямцы, как тот, которого не взяли в цирк, в ситуации бойкота не могут долго выдерживать характер. Значит, подкреплять хорошее поведение демонстративного ребенка нужно именно общением: совместными играми, прогулками, ласками, разговорами, похвалой. А то частенько получается, что демонстративным детям неза-

чем вести себя хорошо, поскольку ими тогда занимаются меньше, чем когда они выкрутасничают. А должно быть наоборот.

Так что надо просто приглядеться к детям: что они любят, ценят, просят. Беда многих современных семей в том, что они спешат дать своему ребенку по максимуму, часто даже не дожидаясь его просьб. А потом недоумевают: отчего он толком не радуется подаркам, не бережет их и, главное, не испытывает чувства благодарности. Столько его развлекали, столько всего купили, а он только еще больше распоясался. Но если человека, не успевшего проголодаться, закармливать пусть даже наивкуснейшими продуктами, его вообще может стошнить. И, конечно, ни о какой благодарности речи не будет — вы же еще окажетесь виноваты.

«Конечно, знает Господь, что нам нужно, но Он хочет, чтобы мы молились Ему, — читаем в «Миссионерских письмах» святителя Николая Сербского. — Поэтому и заповедал Спаситель: «Непрестанно молитесь», — и научил нас молиться. Это легче объяснить родителям, чем тебе, холостяку. Ведь и родители знают, что нужно детям, но ждут, пока ребенок попросит их. Знают родители, что прошение умягчает и облагораживает детское сердце, делает его смиренным, кротким, послушным, милостивым и благодарным».

Если вам нелегко понять предпочтения ребенка, то советую поиграть в «Жетоны радос-

ти». Правила просты. Из картона или из бумаги вырезаются небольшие кружочки. На одной стороне рисуется улыбающаяся мордашка, а на другой самому ребенку или вам с его слов нужно в конце дня кратко написать, что его сегодня больше всего порадовало: «прогулка», «новая игрушка», «пошли в гости», «бабушка приехала» или что-то еще. Сохраняйте эти жетоны, периодически просматривайте, и вскоре вам станет ясно, какие стимулы наиболее привлекательны для вашего ребенка.

Стоит ли поощрять деньгами?

— /Маленьких детей, конечно, не стоит. Невзирая ни на какие ваши умные объяснения, они сочтут это примитивной платой за услуги и настроятся на соответствующую волну: не на послушание родителям, не на соблюдение возрастной иерархии, а на модель «работник — работодатель». Что в современных рыночных условиях означает жесткий прагматизм, беззастенчивую торговлю и примат экономических интересов над всеми прочими. А поскольку ребенок — личность еще незрелая, без сформировавшегося внутреннего стержня, все это быстро приобретет карикатурно-уродливые формы. «Работник», как правило, становится наглым вымогателем, который норовит увильнуть от своих обязанностей или сделать все тяп-ляп, но зато права свои знает назубок и с ножом к гор-

лу требует выполнения договоренностей. А поскольку родители, естественно, не относятся к нему как к настоящему работнику, они часто проявляют снисходительность, непоследовательность, уступают детским капризам, и это смешение жанров лишь закрепляет поведенческую патологию.

В тех же редких случаях, когда маленький ребенок отличается повышенной ответственностью и в течение длительного времени честно выполняет взятые на себя обязательства, радоваться все равно рановато. Судите сами. Вот идиллическая (с точки зрения авторов) картинка, нарисованная в письме, присланном в редакцию одного известного православного (!) журнала: «Наша старшая дочь считать деньги и говорить начала практически одновременно. В ее два года дедушка с ней играл в заключение торговых сделок. Понятия «предоплата» и «проценты за использование чужих средств» дочери были знакомы с ранних лет. В середине первого класса между нами был уже официально заключен договор (в простой письменной форме) о том, что если год будет закончен на пятерки, ей будет куплен мобильник. Стороны выполнили свои обязательства. Дочь деньги копит, иногда одалживает мне под проценты, бабушке дает беспроцентный кредит, а чаще всего списывает этот расход на «благотворительные цели». Муж шутит: «Ну, хоть кто-то в нашей семье сможет деньги делать, может

рассчитывать на обеспеченную старость». Когда сотрудник редакции обратился ко мне с просьбой о комментарии, я посоветовала показать девочку психиатру. В любом случае, даже если она изначально была здорова (хотя столь ранняя фиксация на деньгах настораживает), такое грубое искажение семейных отношений, когда маленькая девочка выступает в роли ростовщика, одалживая маме деньги под проценты, вряд ли прошло бесследно для детской психики. С духовной же точки зрения это, по-моему, и вовсе чудовищно. (Вспомним хотя бы пятую заповедь и запрет христианам заниматься ростовщичеством.)

Но и в более старшем возрасте, когда деньги перестают быть для ребенка неправильно его взрослеющей игрушкой, а становятся насущной необходимостью, к финансовой стимуляции следует подходить очень осторожно. Опасно не только установление тарифной сетки («мытьё посуды» — три рубля, «пятерка по алгебре» — пять), но и малейший намек на то, что добрые дела денежно оплачиваются. Наоборот, нужно всячески развивать и поощрять бескорыстие. А деньги давать (конечно, не на что-то вредное) как бы просто так, но в знак того, что вы ребенком довольны. Тогда это будет не «плата за труд», а, скорее, подарок или, если использовать финансовую терминологию, премия. Этакая нечаянная, но вполне заслуженная радость.

О ПООЩРЕНИИ

Ну и, конечно, если семья серьезно относится к духовно-нравственному воспитанию ребенка, то постепенно он проникается сознанием важности вечных, непреходящих ценностей. По мере его духовного возрастания материальные (да и прочие тоже) стимулы становятся для него все менее значимыми. Никакое поощрение не сравнится с той радостью, которую получает человек, творящий добро «просто так» — из любви к Богу и людям.

О наказаниях

Наказывать с любовью

Жизнь идет вперед, и если про какие-то изменения можно сказать, что они становятся заметны сразу или почти сразу, то другие вызывают постепенно, как детская болезнь типа скарлатины, которая имеет свой инкубационный период, а потом вдруг обнаруживает себя сыпью или другими характерными симптомами.

Такой «скарлатиной» стала, на мой взгляд, либерализация взглядов родителей на проблему наказаний. Еще в конце 90-х годов обсуждение данной темы не вызывало в родительской аудитории ни большого ажиотажа, ни особых разногласий. Все понимали, что без наказаний, увы, не обойтись, и интересовались обычно конкретикой: «педагогично» ли шлепать ребенка по мягкому месту или лучше перестать с ним разговаривать? Ну, и порой кто-нибудь мог пожаловаться, что его отпрыск «невоспитуемый» — никакое наказание на него не действует. (При ближайшем рассмотрении обычно оказывалось, что дело не в ребенке, а в ошибках родителей.) Но гораздо больший интерес вызывали

совсем другие темы: опасность раннего сексуального просвещения, зачем детям патриотизм, нужно ли прививать с малолетства «рыночную психологию», почему лучше смотреть наши, отечественные мультфильмы.

Теперь же актуальность вышеупомянутых тем очень зависит от состава аудитории. Православные родители многие вещи понимают и без дополнительных объяснений. Да и далекие от Церкви люди уже заметно охладели ко многим западным новшествам, увидев, как они тесно связаны с так называемой «культурой рока-секса-наркотиков». А кто-то даже убедился в этой связи на горьком опыте своих старших детей или младших братьев.

Но зато теперь, когда заводишь речь о необходимости наказаний, это производит эффект разорвавшейся бомбы. Видишь по лицам, что люди потрясены и даже шокированы, а потом со всех сторон раздаются вопросы, возгласы, начинаются горячие обсуждения... Впервые столкнувшись с такой реакцией, я списала ее на случайность. Затем — на «закон парных случаев». Но когда «бомба» стала взрываться практически в любой аудитории, поняла, что произошли серьезные изменения. Пока с либерализмом воевали на одном фронте, он открыл второй и обошел нас с тыла.

Параллельно усиливаются жалобы родителей на детскую неуправляемость, агрессивность, грубость. И ничего странного: ведь не по-

строив, как следует, систему поощрений и наказаний, родители лишаются рычагов воздействия на ребенка. Так что теперь эта тема стала, можно сказать, «хитом сезона».

Доходит как до жирафа или дело в другом?

Лто спорит, что лучше вообще обходиться без наказаний? Это прекрасно, когда ребенку все можно объяснить. А еще замечательней, если он вас понимает и без лишних объяснений. Чуть только брови нахмуришь — инцидент исчерпан. Беда только в том, что таких детей — разумных, чутких, спокойных, покладистых — сейчас довольно мало. И обычно это не мальчики. Впрочем, и среди девочек как-то все больше в последнее время попадаетея такие, которые вполне могли бы послужить Шекспиру прообразом героини его знаменитой пьесы «Укрощение строптивой».

И вообще, разве дети плохо себя ведут, потому что НЕ ПОНИМАЮТ? Или дело в чем-то другом?

Безусловно, бывают случаи непонимания ситуации. Скажем, ребенок принес из садика матерные ругательства. Но если он и после десятикратного объяснения, что это «плохие слова», продолжает их повторять да еще вызывающе глядит на взрослых, неужели стоит продолжать разъяснительную работу?

А вот вторая ситуация. Пятилетний Гоша по сто раз на дню слышит, что маме грубить нехорошо. И все равно грубит, а то и кидается в драку.

Спрашиваешь:

— И как вы его за это наказываете?

В ответ — растерянная заминка.

— Ну, бывает, накричим, хотя, конечно, это непедагогично. Но, в основном, беседуем, внушаем, что так вести себя нельзя.

— И давно?

— Что давно?

— Внушаете.

— Да года два уже, но почему-то никак не доходит!

А ребенок, между тем, уже и читать научился. Это почему-то до него «дошло». Да и порассуждать он горазд, за словом в карман не лезет, права качает почти как подросток. А вот что маму бить нельзя, никак до бедняги не «дойдет».

И уж совсем изумляет родителей то, что их неуправляемые дети как бы сами нарываються на наказание. Сколько раз приходилось слышать примерно такие речи: «Я терплю-терплю, потом сорвусь, накричу, стукну — и он как шелковый. Такое впечатление, что ему даже легче становится. У меня потом полдня на душе кошки скребут, а он... Знаете, мне порой кажется, он даже доволен, что его наказали! Правда же, это ненормальная реакция?»

Конечно, реакция ненормальная, поскольку в ребенке таким образом возвращается садомазохизм, но подмечают родители правильно: нарвавшись, наконец, на отказ, он действительно вздыхает с облегчением. Ведь очень часто дети не слушаются вовсе не потому, что не понимают, как надо себя вести, а потому, что **НЕ ХОТЯТ ПОНИМАТЬ**. Хотят настоять на своем, показать, что они главнее. Однако в глубине души любой ребенок сознает, что поступает плохо. Совесть-то есть у каждого. А в детской душе, еще по-настоящему не поврежденной пороками, голос совести звучит гораздо отчетливей, чем у взрослых. Стыд вызывает тревогу. Да и ощущение, что ты сильнее родителей, не способствует укреплению детской психики. У таких детей всегда много страхов, поскольку если маму с папой можно не слушаться, значит, их слово ничего не весит. Стало быть, родители — люди слабые, не авторитетные. А как может защитить тебя слабый человек? Вот и получается, что ребенка снедают страх, беспокойство, чувство вины, которые он подсознательно пытается заглушить суетливостью, дурашливостью, кривляньем, агрессией.

И когда взрослый все-таки дает понять, кто в семье главный, ребенок успокаивается. Значит, мир еще не сошел с ума. Значит, это не полный хаос, в нем остались хоть какие-то опоры. Ведь даже самые буйные, непослушные дети на самом деле жаждут гармонии и поряд-

ка. Жаждают, чтобы семейные роли были распределены правильно, и все было как у людей.

Вседозволенность - психотравма

А в последние годы на моем горизонте все чаще появляются дошкольники, поведение которых поначалу наводит на самые печальные мысли — настолько они агрессивны, неуправляемы, неадекватны. Хочется сходу направить их к психиатру, но я уже знаю, что торопиться не стоит. Очень может быть, что это просто жертвы «свободной педагогики» — дети, которых лет до четырех воспитывали «без огорчений», ничего не запрещали и не наказывали. А в случае демонстративного неповиновения беспомощно разводили руками, либо даже начинали ребенка бояться. И чтобы не связываться, готовы были уступить ему буквально во всем.

Вроде бы сверхкомфортные условия, а на деле — жесточайшая психологическая травма, причем перманентная. Пока такой корабль без руля и ветрил носится только по семейной гавани, он еще более-менее держится на плаву. (И то, если в семье есть другой ребенок или бабушка с дедушкой, которые еще не забыли, что детей распускать нельзя.) Но неизбежный выход в открытое море — социум чреват кораблекрушением.

Как могут чужие взрослые реагировать на дикие выходы такого свободолобца? Если уве-

щевания не помогают, то способ обычно один — отвержение. А ребенок-то привык, наоборот, быть в центре внимания, так что он переживает свое изгойство особенно остро. Неудачи порождают обиды и новый виток агрессии... Выход из порочного круга — в изменении позиции родителей. Если они вовремя спохватятся, построют четкую систему поощрений и наказаний, ребенок может измениться в лучшую сторону почти до неузнаваемости. (С ранними психотравмами так бывает, ведь родители еще не успели узнать, какой их ребенок на самом деле, а его истинный характер уже исказился под влиянием психотравмы.)

Если же затянуть процесс «свободного воспитания», очень может быть, что визит к психиатру станет неизбежным, и одной встречей дело не ограничится.

Но порой (к счастью, пока еще редко) родители так проникнуты либерализмом, что им легче пойти к врачу и пичкать ребенка таблетками, нежели поменять свои установки. Одна моя знакомая пришла посоветоваться по поводу своего шестилетнего сына, который неоднократно был пойман на воровстве. В основном, он тащил разные мелочи, но дела это не меняло. Ситуация все равно была не из приятных. На мой вопрос, как Игорька в первый раз наказали, мать неожиданно жестко ответила: «Я его НИКОГДА НЕ НАКАЗЫВАЛА и НЕ СОБИРАЮСЬ наказывать. Это моя прин-

ципиальная позиция». И сколько я ни пыталась донести до нее нехитрую мысль о том, что в школе, куда Игорек пойдет через полгода, никто не будет смотреть на его «маленькие шалости» сквозь пальцы, а от дурной славы потом не избавишься, мама упрямо твердила свое. Наконец, я, думая ее этим напугать, предложила дать координаты детского психиатра. Может быть, ребенка надо серьезно лечить? Каково же было мое удивление, когда на это мама согласилась с легкостью и даже радостно! А ведь Игорек был не больной. Просто, как в старину говорили, «непоротый ребенок». Но маме проще было записать его в психически больные, чем прогневить идола свободы, которому она так истово и безрассудно поклонялась.

Иерархия запретов

.Запреты должны быть. Взрослые ведь тоже, хоть и любят порассуждать о том, что запретный плод сладок, тем не менее, понимают, что без законов (то есть юридически установленных правил, нарушать которые запрещено под страхом определенного наказания) мир погрузился бы в хаос. И, несмотря на свои либеральные рассуждения, сами очень многих запретов никогда не нарушали и нарушать не собираются. Например, не грабят чужие квартиры, не убивают в пылу ссоры своих обидчиков, не уча-

ствуют в террористических актах. А многие уважают даже неписанные законы, моральные запреты: не изменяют своим супругам (хотя за это никакого юридического наказания не последует), не бросают на произвол судьбы больных детей или престарелых родителей, не дерутся, не матерятся, не пьянствуют, не потребляют наркотики. Хотя если бы сладость запретного плода была такой невыразимо притягательной, как об этом принято говорить, все поголовно стали бы преступниками.

Так что и детская тяга к непослушанию сильно преувеличена. Но для того, чтобы запреты действовали, их должно быть немного. Если шаг вправо, шаг влево расценивается как побег, ребенок рано или поздно начнет бунтовать. Нельзя зажимать его так, чтобы было не вздохнуть. Когда человека душат, он судорожно дергается, пытаюсь вырваться. Так и ребенок, слишком сильно зажатый в тиски родительской строгости, начинает на пустом месте упрямиться, проявлять агрессивность, демонстративно не слушаться.

Кроме того, необходимо установить иерархию запретов. Сейчас в этой области чаще всего видишь этакую кашу-размазню: ребенка с равной строгостью (или снисходительностью) порицают за капризы при умывании, за отказ учить буквы и за хамское обращение с бабушкой. А бывает, что за хамство и грубость вообще не наказывают, целиком сосредоточившись

на вопросах соблюдения бытовой гигиены и на правилах поведения за столом. Двойка же по английскому считается чуть ли не преступлением против человечности! За нее и в либеральной семье ребенок может получить нагоняй.

А ведь на самом деле непочищенные зубы или недоеденный суп — пустяк по сравнению с криками: «Мама плохая! Уйди от меня!» (А то и похлеще, типа: «Дрянь — мама! Убью! Ненавижу!») В последние годы даже дети из интеллигентных семей подчас выдают подобные «перлы».) Грубость по отношению к взрослым — это не просто несоблюдение бытовой дисциплины. Это — грубое нарушение заповеди («Почитай отца твоего и мать твою»). Ведь маленький ребенок не нарушает почти никаких других заповедей. Он не убивает, не прелюбодействует, не крадет, не желает жены ближнего своего. Так что непочитание родителей — это, пожалуй, самый тяжкий грех, в котором повинны дети.

И когда этот тяжкий грех уравнивается с мелкой провинностью, ребенок теряет ценностные ориентиры. Он растет в искаженной, а то и вовсе перевернутой системе ценностей. Его представления о черном и белом (и, соответственно, поведение) искажаются. Совесть подсказывает, что тут что-то не так, но сам ребенок разобраться в столь сложных вопросах не может. Возникают хроническое раздражение, тревога, страх, которые выплескиваются

опять-таки прежде всего на самых близких людях. Отношения в семье разлаживаются.

Поэтому, если вы хотите, чтобы ваши слова имели для ребенка вес, прежде всего составьте для себя (лучше письменно) перечень запретов, расположив их в иерархическом порядке.

На мой взгляд, главные детские провинности, за которые должно следовать суровое наказание, это хамство по отношению к взрослым, ложь и демонстративное непослушание.

В последнем случае обязательно нужно понять, действительно ли это демонстративность или нечто иное. Ведь ребенок может вас не послушаться по разным причинам. Может быть, он устал, перевозбужден или просто неспособен соблюдать определенные правила. К примеру, бессмысленно наказывать гиперактивного мальчика за то, что он вертится на уроке и мешает соседям. Из-за особенностей своей нервной системы он не в состоянии усидеть на одном месте в течение сорока минут. Здесь наказаниями добьешься прямо противоположного эффекта.

Но если мама запрещает сыну смотреть телевизор, а он нарушает ее запрет, это уже демонстративное непослушание, которое ни в коем случае не должно оставаться безнаказанным.

Конечно, к разряду самых тяжелых провинностей следует отнести и попытки воровства. Слава Богу, этим грешат далеко не все дети, поскольку нормальные родители обычно очень

рано стараются привить ребенку уважение к чужой собственности. В полтора-два года, играя в песочнице, практически любой малыш может схватить чужую игрушку. Но мама (если она хоть как-то озабочена проблемой его воспитания) отнимет ее и скажет, что чужое брать без спросу нельзя. Рано или поздно большинство дошкольников усваивает эти нехитрые уроки и не поддается соблазну что-то украсть.

Не стоит относить к пустяковой провинности и хулиганские выходки. Только опять-таки определитесь с тем, что называть хулиганством. Мне не раз приходилось сталкиваться с родителями, которые считали хулиганством... детский энурез. И ругали (а то и наказывали!) ребенка за мокрую постель («Я тебе говорила: «Не пей на ночь, а ты...»). Некоторые не очень внимательные взрослые считают кривляньем тики, искажающие лицо ребенка, наказывают за такие невротические проявления тревожности, как привычку грызть ногти и обсасывать воротник рубашки (дескать, он делает это назло).

Но если ребенок показывает взрослым язык, кривляется в ответ на замечание, плюет на пол, делает неприличные жесты, кукарекает на уроке и т. п., к таким «шалостям» проявлять снисхождение не стоит. Даже очень нервные, но нормально воспитанные дети подобных выходок себе не позволяют.

Чтобы наказание действовало...

Угобы наказание действовало, родителям нужно быть последовательными. Нельзя сегодня за какой-то проступок наказывать, а завтра, когда маме будет некогда, на то же самое не обратить внимание. Поверьте, ребенок не оценит маминого благородства, а решит, что нужно просто подольше поплакать, поупрямиться, потопать ногами — и он добьется своего.

Важен и семейный консенсус относительно требований, предъявляемых к ребенку. Если нельзя — значит, нельзя, и за нарушением запрета непременно следует наказание. Иначе ребенок привыкнет манипулировать взрослыми, и в итоге авторитет всех членов семьи будет подорван. Но прежде, чем что-либо запретить, спросите себя: а так ли это необходимо? И вы увидите, что очень многое вполне можно не запрещать, а находить разумный компромисс или даже просто, безо всяких условий, соглашаться с пожеланием ребенка. Скажем, ребенок не хочет обедать, а вы настаиваете, считая, что нужно соблюдать режим. А теперь примерьте эту ситуацию к себе и задумайтесь: всегда ли вы питаетесь по часам или же едите, когда проголодались? Разве не бывает так, что время обеда подошло, а есть не хочется? И что тогда? Уж, наверное, вы не набиваете свой живот насильно. Но коли так, то почему бы не оставить аналогичное право за ребенком? Он ведь

тоже не автомат, а живой человек, и его организм, как и ваш собственный, далеко не всегда действует по расписанию.

Подобных примеров можно привести великое множество. Сократив количество запретительных сигналов на воспитательной трассе, вы не будете лишней раз раздражать ребенка, и ему станет легче соблюдать ваши требования. Не превращайте его в водителя, который попадает в «полосу красного света» и вынужден останавливаться на каждом перекрестке. Даже взрослый в такой ситуации рано или поздно начинает свирепеть и, оглянувшись по сторонам — нет ли поблизости милиционера? — порой проскакивает на красный. А у ребенка и нервы послабее, да и вы, какое бы строгое лицо ни делали, на официального стража порядка все-таки не похожи...

Градация наказаний: от шлепка до ремня

Лак-то так сложилось, что многие современные родители считают телесные наказания недопустимыми. Видимо, сыграли свою роль теле- и радиопередачи, в которых муссировалась тема насилия над детьми, причем таким страшным словом назывался даже легкий шлепок. А другие считают шлепок допустимой, но крайней мерой и недоумевают, почему она на ребенка не действует.

В действительности же трудно найти более безобидное наказание, чем шлепок. Мало того, что приходится он по мягкому месту, с младенчества привыкшему к ударам (когда ребенок учится ходить и падает на попку, он порой стучается гораздо сильнее — и то не плачет!), так еще это действие может иметь другой, прямо противоположный смысл. Играя с ребенком, мы похлопываем его по попке, как по барабану; можем шутливо «наподдать» ему, когда он пробегает мимо или немного расшалился. (Кстати, и между взрослыми людьми шлепок — это форма неуклюжего, грубоватого заигрывания, а вовсе не вид расправы.)

Так что использовать наказание в виде шлепка имеет смысл только лет до четырех-пяти и обязательно в сочетании с «грозной маской» — нахмуренными бровями, подчеркнуто строгим выражением лица. А то ребенок решит, что это такая игра, и будет своим поведением вас провоцировать. Особенно часто подобным образом поступают возбудимые дети, которых хлебом не корми — дай повозиться, побороться, подраться. У них повышенная потребность в таких, с точки зрения спокойного человека, странных телесных контактах, и шлепки их только раззадоривают.

Если же лет с полутора-двух, когда ребенок уже активно исследует окружающий мир, интуитивно пытаюсь определить границы дозволенного, но еще недостаточно реагирует на сло-

ва (хотя взрослым нередко кажется, что он все прекрасно понимает, поскольку умеет говорить), так вот, если в этом возрасте шлепать его, видя, что он упорно добивается чего-то запретного, то уже годам к четырем-пяти достаточно бывает вопроса: «Что с тобой? Неужели тебя, такого взрослого и умного, придется бить, будто несмышленного малыша?» И ребенок, у которого включается, как говорят актеры, «память физических действий», обычно успокаивается и не добивается повторения вышеупомянутых действий. Совсем иное дело — наказание ремнем. Это по-настоящему больно и отрезвляет даже самых буйных. Потому и применять его стоит только при тяжелых провинностях. А то некоторые особо нервные мамы хватаются за ремень по любому поводу. Зубы отказывается чистить — ремень, гулять не хочет — ремень, перед сном куролесит — опять испытанное средство... Таким образом можно, конечно, ребенка только запугать и озлобить.

Еще одна крайняя мера — это бойкот. Но ее то как раз таковой обычно не считают и прибегают к ней непомерно часто. В итоге наказание обесценивается и даже превращается в форму приятельского, равноправного общения: «Ах, ты так?! Ну, тогда я с тобой не вожусь...» Естественно, воспитательный эффект при этом сходит на нет. Ребенок быстро перенимает эту модель поведения и начинает обращаться с мамой как с подружкой: поругались — помири-

лись, опять поругались — опять помирились...
Вместе — тесно, врозь — скучно.

Когда же к крайней мере прибегают в крайних случаях, наказание весьма эффективно. Взрослые — и те очень переживают, если кто-то из близких перестает с ними разговаривать. А ребенок этого вообще не выдерживает, ведь для него мама с папой — самые главные люди на свете. Без них у него возникает чувство, будто он один во Вселенной. Обычно дети тут же раскаиваются и просят прощения. Упрямый ребенок, конечно, еще немного погнет свою линию, но и он долго не выдержит.

Бойкот или развязывание рук?

У7редставив себе, что они не разговаривают с ребенком, многие мамы растерянно спрашивают: «А как же его кормить, водить на подготовку к школе, укладывать спать?»

Но вовсе необязательно уподобляться девушке Элизе из сказки «Дикие лебеди», давшей обет полного молчания в течение года. Можно сухо сказать два-три слова («иди есть», «еда на столе»), можно даже помочь ребенку раздеться и лечь в постель, но сделать это так, что он поймет: шутки кончились, пора браться за ум.

Если же вы объявили ему бойкот, а он в ответ: «Ну и пожалуйста!» и начинает демонстративно играть или смотреть мультики, значит, надо отобрать игрушки и кассеты. Пусть

сидит и думает о своем поведении, ведь бойкот не должен превращаться в праздник непослушания. Книжку оставить можно: в дошкольном и младшем школьном возрасте самостоятельное чтение редко бывает любимым занятием, так что пусть хоть от скуки прочитает пару страниц. Глядишь — и понравится...

Какие еще бывают наказания?

— Самые разные: временное лишение сладостей, игр, телевизора и компьютера, походов в гости, других развлечений, отказ в покупке подарка, изоляция в отдельной комнате. Только не запирайте ребенка в ванной или в туалете — может развиться страх закрытого пространства. А если еще, как делают некоторые «воспитатели», гасить свет, то появится и страх темноты.

Все мы с детства знаем и еще одно классическое наказание — «в угол носом». Но на возбудимых, истеричных детей оно подчас действует, как красная тряпка на быка. Ребенок рыдает, упирается, цепляется за мать. Наконец, она все же доволакивает его до угла, но он там все равно не стоит, а бежит за ней... В таком случае лучше не превращать свой дом в драматический театр, а изменить тактику — пойти по пути лишения ребенка каких-то жизненных благ.

Детей постарше в угол уже, конечно, не ставят. Но им зато можно дать усиленный «на-

ряд» на кухне, дополнительное задание по русскому, математике или английскому (в зависимости от того, что следует подтянуть).

Работая над этой брошюрой, я побеседовала на тему наказаний со священником, у которого семеро своих детей и один приемный. Он сказал, что помимо ремня, внеочередного мытья посуды за обширным семейством и музыкальных экзерсизов вместо прогулки, очень вразумляюще действуют земные поклоны. Дескать, набезобразничал, согрешил — пойди, попроси у Бога прощения. Результат обычно не заставляет себя долго ждать: только что до озорника было не достучаться, а тут «дурная энергия» куда-то улетучилась, лицо приобрело осмысленное выражение. Значит, можно уже вести душеспасительные беседы.

А вот какие интересные сведения сообщила мне об элитарном воспитании в современной Англии девушка, несколько лет проработавшая няней в семье «новых русских». Решив отправить своего старшего отпрыска на учебу за границу, эти люди выбрали очень престижную школу для мальчиков из аристократических семейств, гордящуюся своими многовековыми (чуть ли не восьмисотлетними!) традициями. Одной из таких традиций являются строгие наказания за плохую успеваемость и дисциплину. До двенадцати лет ребят порют розгами, а после двенадцати заставляют, как в армии, чистить сортиры.

— И что? Неужели чистил? — удивилась я.

— Как миленький! Причем рассказывал об этом безо всякой обиды, даже с затаенной гордостью. И тут же добавил, что его наказали таким образом всего два раза, а некоторые из сортиров не вылезают... Мне было забавно это слушать, ведь дома у них все делают горничные, и Марк не то, что туалет никогда не мыл, а и брошенный на пол носок не желал поднять.

А если будет ненавидеть?

Вот ЧЮ на самом деле останавливает многих родителей даже в тех случаях, когда «меры пресечения» совершенно необходимы. Скроенные по западным образцам журналы и проникнутые духом либерализма психологи наперебой убеждают пап и мам, что дети не простят «жестокости обращения», будут всю жизнь припоминать, затаят зло... А кому охота прослыть садистом? Тем более, в глазах родного сына или дочери.

Но почему тогда не было массовой ненависти к родителям у предыдущих поколений? Отдельные случаи, конечно, встречались всегда — в жизни вообще всякое можно встретить — но такой закономерности («будешь наказывать — возненавидит») совершенно не просматривалось. Напротив, дети с гораздо большим уважением относились к родителям. До самого недавнего времени в некоторых деревнях сохранял-

ся обычай называть родителей на «Вы». И не где-то за тридевять земель, чуть ли не в «затерянном мире», а не так уж и далеко от Москвы. В моей студенческой группе учился парень из под Владимира, который, попав в Москву, был шокирован тем, что мы родителям «тыкали», были с ними «на ты». Для него и его сверстников-односельчан это была недопустимая вольность. А таких искренних благоговейных стихов о матери, как писал Василий, среди моих московских сверстников не писал никто...

Веками, из поколения в поколение, сохранялось почтительное отношение к родителям там, где воспитание детей опиралось на традиционные религиозные принципы. «Дети почтительны к старшим, даже боязливы», — сообщает этнограф XVIII века, описывая жизнь крестьян Пошехонского уезда. «В крестьянстве здешнем родители очень чадолюбивы, а дети послушны и почтительны. Не видано еще примеров, чтобы дети оставляли в пренебрежении отца или мать устаревших», — писал другой наблюдатель о Тульской губернии на рубеже XVIII-XIX веков (цит. по кн. М. М. Громыко, А. В. Буганов. «О воззрениях русского народа», с. 355). «Уважительное отношение к родителям и старшему поколению в целом прослеживается по источникам по всей территории расселения русских, хотя уже в XVIII веке, а особенно в XIX веке <по мере проникновения и укрепления либеральных взглядов

на жизнь — *прим. авт.*> отмечалось некоторое ослабление авторитета стариков. Но общественное мнение по-прежнему резко осуждало лиц, позволивших себе непочтительное отношение к старшим» (там же, с. 355).

А ведь наказания были неотъемлемой частью традиционной системы воспитания! Больше того, они считались не только правом, но и обязанностью родителей. «Ненаказанный сын — бесчестие отцу», — гласит народная мудрость (В. И. Даль. «Толковый словарь живого великорусского языка, М., «Русский язык», 1989, т. 2, с. 420).

И это неслучайно, ведь наказания имели под собой глубокую религиозную основу. Позволяя ребенку безнаказанно грешить, родители потворствуют нарушению заповедей и губят детскую душу, за что рано или поздно дадут ответ перед Богом. Очень определенно и даже грозно высказался на сей счет святой Иоанн Златоуст: «А те отцы, которые не заботятся о благопристойности и скромности детей, бывают ДЕТОУБИЙЦАМИ и ЖЕСТОЧЕ ДЕТОЙБИЙЦ <выделено мной — *авт.*>, поскольку здесь дело идет о погибели и смерти души».

Наказания же святой Иоанн называет «матерью спасения», говоря: «...подобнотому, как если ты видишь лошадь, несущуюся к пропасти, то набрасываешь на уста ее узду, с силою поднимаешь ее на дыбы, нередко и бьешь, что правда составляет наказание, но ведь наказа-

ние — это мать спасения. Так точно поступай и с детьми твоими, если они погрешают; связывай грешника, пока не умилостивишь Бога; не оставляй его развязанным, чтобы еще более не быть связану гневом Божиим. Если ты свяжешь, Бог затем не свяжет, если же не свяжешь, то его ожидают невыразимые цепи».

«Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его» (Прит. 19, 18), — задолго до святого Иоанна Златоуста поучал иудеев премудрый Соломон, который вообще ставил знак равенства между наказанием и... родительской любовью: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Прит. 13, 25).

Очень похоже звучат и наставления из «Домостроя»: «Наказывай сына своего в юности его — и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей; и не жалея, бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровей будет, ибо ты, наказывая тело, душу его избавляешь от смерти».

Можно, конечно, презрительно хмыкнуть и пробормотать что-нибудь про «дремучую отсталость» — устойчивое клише советских времен, которое как бы само собой приходит в голову даже многим православным людям, стоит только при них произнести крамольное слово «Домострой». (Вот, кстати говоря, пример успешного зомбирования безо всяких новейших психотехнологий.)

Но не лучше ли задуматься о том, что эти «отсталые взгляды» находятся в полном соответствии с евангельскими принципами? «Ибо Господь, кого любит, того наказывает, — читаем в Послании Апостола Павла к Евреям, — бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остае-тесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» (Евр. 12, 6-8).

А вот слова Самого Господа: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю» (Откр. 3, 19).

Так что рассуждения о недопустимости наказаний, как и многие другие либеральные сентенции, с виду гуманные и благомысленные, на деле подрывают устои жизни, заложенные Богом. А значит, по сути своей являются богоборчеством.

И в предостережение людям на все века дан в Библии пример того, как сурово покарал Господь человека, который не наказывал должным образом своих негодных сыновей. Причем человек этот, священник Илий, сам жил добродушно и беззакониям детей не потакал, а даже пытался их увещевать. Да и дети его были уже не маленькие, а взрослые. Казалось бы, причем тут отец? Но «Я накажу дом его на веки за ту вину, что он знал, как сыновья его нечествуют, и не обуздывал их», — сказал Господь (1 Цар. 3, 13). И пришлось Илию пере-

жить страшные события: разорение храма и гибель обоих сыновей. А из его потомков никто, по слову Божию, не дожил до старости. («Я подсеку мышцу твою и мышцу дома отца твоего, так что не будет старца в доме твоём» (1 Цар. 2, 31); «все потомство дома твоего будет умирать в средних летах» (1 Цар. 2, 33)).

Конечно, вина Илия усугублялась тем, что дети его, будучи священниками, не исполняли надлежащим образом своих обязанностей, развращали народ и, как говорится в Библии, «бесславили» Бога. Потому и кара была столь тяжелой. Но мне кажется, тут и нам есть над чем задуматься. Особенно тем из родителей, кто старается следовать рекомендациям, которые приводятся сейчас во множестве книг и журналов по педагогике и психологии. Например, таким: «Если вы скажете, что в задачу родителей входит подавить... приступы агрессии детской — *авт.*», то тысячу раз ошибетесь. Оказывается, цель родителей должна быть совершенно иной: научить ребенка признавать свой гнев, а значит, и свои чувства вообще, и выражать его в приемлемой для окружающих форме».

«Часто можно слышать, как мамы в ответ на фразу своего ребенка: «Я тебя ненавижу» и в ответ на физическую агрессию говорят примерно следующее: «Я знаю, что ты на самом деле любишь свою мамочку и совсем не хотел сделать мне больно». Это страусиная попытка

смягчить ситуацию, может быть, и успокоит немножко маму, но ребенку принесет только вред. На самом деле в этот момент он именно ненавидит вас и как раз хочет причинить вам боль, а вы заявляете, что все это — неправда, подрывая таким образом веру маленького человека в правомерность своих чувств и эмоций».

«Но ведь нельзя оставлять без внимания такие поступки — так считает большинство родителей. И они, конечно, правы. Вся трудность в том, чтобы выбрать правильную стратегию. Для начала каждая мама должна определить, где граница дозволенного, то есть надо решить для себя, какие слова и действия ребенка вы согласны стерпеть или попытаться обратить их в шутку. Меня, например, совсем не обижает, когда сын заявляет: «У тебя нет мозгов, ты глупая». Чаще всего я сочувственно вздыхаю: «Значит, тебе крупно не повезло, у тебя такая глупая мама». Он, конечно, задумывается всерьез и, как правило, забывает, почему, собственно, подверг меня оскорблению. Но мой сын не ходит в садик, а там дети узнают гораздо менее конкретные обзывалки, чем те, что я привела. Какие из них считать безобидными, вам придется решать самостоятельно» (В. Малыгина. «Дети бьют родителей. Что будем делать?», «Улица Сезам для родителей», октябрь 1998 г.).

Дальше цитировать не буду, направление мысли, наверное, ясно. Скажу лишь, что я, на

месте некоторых пап и мам, куда больше боялась бы не «потерять связь с ребенком» (еще одно клише, которым прикрывают нынче попустительство детскому безобразию), а вырастить морального урода и расплачиваться потом за сей «мичуринский эксперимент» как в этой временной жизни, так и в жизни вечной. Практика показывает, что люди, вырастая, пересматривают очень многие свои взгляды. По крайней мере, мне не раз и не два доводилось слышать от взрослых мужчин слова благодарности своим отцам за то, что в критические моменты они не определяли границы «дозволенных оскорблений», а молча и решительно брались за ремень. «Иначе плакала бы по мне тюрьма», — признался недавно очередной поумневший сын. — Я тогда на отца злился, а сейчас, когда сам отцом стал, понимаю: без наказаний, порой и суровых, в воспитании мальчишки-сорванца не обойтись».

И, напоследок, о главном...

Заказывая детей, совершенно необходимо сохранять самообладание и даже... мирное расположение духа. Нельзя делать это в припадке раздражения, злобы, в отместку. Ведь любящие родители наказывают ребенка не для того, чтобы с ним посчитаться, а чтобы остановить его, когда сам он остановиться не в состоянии. Наказание — шлагбаум, препятствующий про-

О НАКАЗАНИИ

движению ребенка по порочному пути, а вовсе не орудие пытки. Поэтому сперва успокойтесь, отдышитесь, возьмите себя в руки и только потом применяйте санкции.

Об ответственности

Триединый принцип

Лачну с характерной сцены. Пришли на консультацию мама с папой. Оба в расцвете сил. Папа — рослый, плечистый, натренированный. Этакий «мистер Мускул» с обложки культуристского журнала. И первоклассник Саша — щупленький, хиленький, папе по пояс. Но сладу с ним, несмотря на малый рост и низкую весовую категорию, нет никакого. Это единодушно признано всеми родственниками и педагогами. Картина и впрямь неутешительная: непослушание, инфантилизм, запредельное хамство. И главное, что больше всего пугает родителей, — у Саши напрочь отсутствует чувство вины, совершенно нет ответственности за свои поступки! Домашние за сердце хватаются, а ему хоть бы хны. Его, собственно, и привели, чтобы посоветоваться: не пора ли к психиатру?

Спрашиваю:

— А что бы сделал ваш отец, если бы Вы говорили ему такие вещи, какие говорит вам Саша?

— Я? — папа даже не сразу включается в ситуацию. — Но я этого не делал! Мне такое и в голову не приходило!

— А если бы пришло?

— Не знаю... Трудно себе представить...

— Ну, постарайтесь...

— Я думаю, последствия были бы ужасны, — впустив, наконец, в сознание такую дикую возможность, вздыхает отец.

«Последствия» — понятие, почти полностью выпавшее из обихода современных родителей. А ведь это третий кит, на котором всегда держалось воспитание детей (два первых — поощрения и наказания). Отказ от любого из них приводит к неустойчивости «конструкции». А в последние годы система воспитания нередко лишается всех трех опор, поскольку родители боятся ребенка поощрять (дескать, это подкуп), не желают его наказывать (разве можно применять насилие над детьми?), и, тем более, не приучают его к тому, что у всех поступков человека есть последствия (под каким псевдогуманистическим лозунгом происходит отказ от этого «кита», скажу чуть позже). В результате система воспитания трещит по швам. Попытки изобрести что-то новое, более соответствующее духу нашего либерального времени, обычно ни к чему не приводят. Отказавшись от триединого принципа поощрений-наказаний-последствий, взрослые лишаются рычагов управления детьми.

Чем наказания отличаются от последствий?

Сказать по правде, грань тут довольно тонкая, но она все-таки есть. Наказания зависят от вашей воли. Вы можете поставить шалуна в угол, а можете закрыть на его проделки глаза. Можете купить мороженое, а можете за дурное поведение лишить любимого лакомства. Последствия же объективны. Они зависят не от вас, а от самого поступка.

У плохого поступка — плохие последствия, у хорошего — хорошие. Классический пример предлагает нам народная педагогика. Наверное, каждому из нас в раннем детстве был преподан такой урок. Малыш тянется к горячему чайнику. Ему говорят: «Горячо! Обожжешься». Он капризничает, не желает верить предупреждениям взрослых. Тогда дают на секунду притронуться и, сделав страшные глаза, повторяют: «Горячо! Ух, горячо! Нельзя...» Обычно усваивается с первого предъявления.

Конечно, принцип последствий следует применять в разумных пределах. Объясняя ребенку, что опасно выходить одному на балкон, вовсе не нужно дожидаться, пока он оттуда вывалится. Просто покрепче закройте балконную дверь. И предупреждая об опасности машин, не стоит ждать, пока шалун убедится в вашей правоте на собственном горьком опыте. Лучше всыпать ему по первое число, если он, невзирая

на предупреждения, выскочит на проезжую часть. И переходя через дорогу, крепко держать его за руку. А будет сопротивляться — наказать дополнительно.

Но в жизни ребенка таких драматичных последствий бывает немного. Пока он маленький, последствия тоже несерьезны. Промочил ноги — раньше времени ушел с прогулки. Затеял драку в песочнице — лишился возможности достроить гараж. Баловался за общим столом — отправился доедать к себе в комнату или даже вообще остался без еды до следующей кормежки. Это не наказания, это именно последствия! Раз выкрутасничаешь, значит, не голоден. Нагуляешь аппетит — будешь есть нормально. И такого очень много. То, что для взрослого мелочи, для ребенка — важные события, ведь вся его жизнь складывается из таких мелочей, и для него они имеют огромное воспитательное значение.

Приведу пример из собственного родительского опыта.

Однажды на прогулке моя дочка, которой было тогда два с половиной года, раскапризилась и стала снимать варежки. Уговоры не помогали, угрозы наказания не действовали. Если бы такое произошло возле дома, прогулка моментально завершилась бы (что опять-таки было бы подано не как наказание, а как неизбежное последствие ошибочного поведения, ведь зимой без варежек не гуляют). Но до

дома оставалось ходу минут пятнадцать, и пришлось поступить иначе.

— Хорошо, — сказала я, — не хочешь надевать варежки — не надевай. Но учти, руки замерзнут и будут болеть. Поняла? Смотри...

Конечно, если бы на улице был сильный мороз, я бы так не поступила. (Впрочем, и дочка вряд ли принялась бы тогда скидывать варежки!) Но погода была не очень холодной, до обморожения дойти не могло. А вот замерзнуть ручки действительно немного замерзли, пришлось их растирать и даже подержать под струей горячей воды. Кристинка, естественно, заплакала. А я ее, естественно, пожалела. Но при этом добавила: «Видишь? Я тебя предупреждаю, что зимой без варежек нельзя. Если в другой раз не наденешь — опять будет больно...» Однако другого раза, как нетрудно догадаться, не было.

Между прочим, при таком подходе существенно сокращается число наказаний. Испачкал на прогулке одежду? — Вместо того, чтобы ругать сына за небрежное отношение к вещам, лучше дайте ему мыло и таз с водой. Пусть отстирывает грязь. Насвинячил, пролил на пол компот? — Тряпку в руки, пусть вытирает лужу. Даже если она будет вытерта кое-как, это не страшно. Огрехи вы потом подправите, но зато у ребенка возникнет ЧУВСТВО СОПРИЧАСТНОСТИ ПРОИСХОДЯЩЕМУ. И это самое главное.

А то, совершая неблагоприятные или неправильные поступки, он как бы остается в стороне и не учится за них отвечать. Вернее, мы не учим его. А потом спохватываемся, что хотя детина вымахал ростом уже выше папы, ответственности у него как у годовалого.

Почему мы им потакаем?

Что же удерживает родителей от применения таких, в общем-то, несложных приемов народной педагогики? Почему сейчас даже люди с высшим образованием зачастую не понимают того, что полвека назад понимали родители с неполным средним, а еще раньше — и вовсе неграмотные. «Умел ошибиться, умеи и поправиться», «ошибся, что ушибся: впредь наука!», «не ошибается тот, кто ничего не делает», — читаем в «Толковом словаре» Владимира Даля.

Причин, как мне кажется, несколько.

Во-первых, родителям легче самим устранить последствия детских шалостей или оплошности: самим убрать, постирать, вытереть. А ведь в дошкольном возрасте, когда ребенок учится (или не учится) брать на себя последствия своих проступков, ему практически все еще интересно. «Взрослые дела» пока в новинку, и дети с удовольствием ими занимаются. Это возвышает их в собственных глазах, и не воспользоваться таким важнейшим стимулом в воспитательных целях просто абсурд! Если

дотянуть до подросткового возраста, то того же самого придется добиваться с боем. А сейчас малыш, как правило, с удовольствием (пусть и с вашей помощью) заклеит порванную книжку или застирает пятно на рубашке.

Во-вторых, иные родители панически боятся детских ошибок. И не только потому, что их пугают истерики. Начинаешь разбираться, в чем дело, — почти всегда упираешься в проблему гиперопеки. Оказывается, совершенно невозможно оставить безобразничающего за столом сына без обеда — у него моментально начнется гастрит или разовьется дистрофия. А как можно пропустить прогулку, когда ребенок сам не желает одеваться? А маме одеть себя тоже не разрешает, уворачивается, носится по квартире или именно в момент сборов затевает неотложные игры! Вы предлагаете оставить его дома? Но дети же не могут без свежего воздуха!

«Классика жанра» — приготовление домашних заданий. Сколько раз на дню слышит непослушный ребенок: «Садись за уроки, а то получишь двойку! Делай математику, а то получишь двойку!» Но он и в ус не дует. Потом, наконец, его все-таки засаживают за письменный стол. К вечеру уроки с грехом пополам приготовлены, разговоры о двойке стихают. Назавтра же все повторяется вновь. Родные изумляются его непонятливости и ведут парня к психологу. А парень-то как раз очень даже

понятливый. С какой стати ему менять свое поведение, если обещанных двоек он не получает (и со временем вообще перестает верить в такую возможность), а в семье только им и занимаются, он — в центре внимания, сладу с ним нет. Значит, он крутой, непобедимый, самый главный!

Изумляться тут приходится непонятливости взрослых. Как можно воспитать ответственность, не давая человеку реально ответить за свои поступки? Вместо того, чтобы стоять у шалопая над душой, нужно предоставить ему возможность пойти в школу с невыученными уроками и получить-таки двойку. Это будет вполне естественное последствие безответственного отношения к занятиям. А за двойку, конечно же, надо ощутимо наказать.

Но очень может быть, до двойки не дойдет! Большинство детей, столкнувшись с переменой родительского поведения, сперва не верит в серьезность их намерений. Но убедившись, что шутки кончились, в панике хватается за учебник. Некоторые особо упорные выдерживают характер до позднего вечера, но, увидев, что привычный сценарий нарушен, вскакивают в шесть утра и доделывают-таки домашнее задание.

Есть и еще одна причина, по которой современные родители боятся применять «принцип последствий»: они не хотят прослыть... шантажистами. Сколько раз доводилось слышать от

самых разных мам и пап: «Вот вы говорите: ставить ребенку условия. «Не сделаешь уроки — не пойдешь гулять...» Но ведь тогда получается шантаж?»

Прямо диву даешься: когда успели людей так заморочить, что они массово забыли значение этого, в общем-то, совсем не редкого слова?

Спрашиваешь:

— Скажите, если человек прогуливает работу, ему дают за это премию?

Естественно, отвечают:

— Нет.

— А если хозяин фирмы предупредит работника, что в следующий раз он его за прогул уволит, это будет шантаж?

— Нет, конечно.

— А как это называется?

— Ну, не знаю... нормальная реакция. Он предупреждает, какие будут последствия. Зачем ему работники, которые халатно относятся к своим обязанностям?

— А почему ребенок за халатность по отношению к своей работе — урокам — должен получать премию в виде гулянья с друзьями? И почему предупреждение о том, что этого не будет, называется шантажом?

— Но ведь это условие...

— Разве любое условие — шантаж?

Раскрываем нормативный, классический «Словарь русского языка» под редакцией С. И.

Ожегова. (К Далю прибегать бесполезно, поскольку это слово тогда еще в русский лексикон не вошло и в словаре Даля отсутствует.) «Шантаж — неблагоприятные действия, угроза разоблачения, разглашения компрометирующих сведений с целью вымогательства, а также вообще угроза, запугивание чем-нибудь с целью создать выгодную для себя обстановку».

При чем тут дети с неприготовленными уроками, необранными игрушками или с невымытой посудой? Разве только родителям «выгодно», чтобы они хорошо учились и приучались к порядку, а их отпрыскам это не только не нужно, но даже во вред?

Удивительно, как с помощью минимальных языковых манипуляций можно парализовать волю множества взрослых, образованных, интеллигентных людей! Обзови любое, даже самое легкое наказание ребенка «насилием», а совершенно естественное, нормальное условие «шантажом» — и праздной победу. Какой нормальный человек захочет прослыть насильником и шантажистом?

О вреде ранних объяснений

***Амы** предупреждаем, что будет плохо — и все равно не действует! — говорят родители, не поддавшиеся на удочку «шантажистской» манипуляции, но зато павшие жертвой другой, не менее опасной. — Сколько сил мы положили

на то, чтобы с детства научить ребенка договариваться. Никогда ничего не запрещали просто так, все старались объяснить, логически обосновать. А результат — нулевой. Наши объяснения для него — пустой звук. Хотя мы вовсе не бросаем слов на ветер! Наверное, у него что-то с головой. Иначе как понять, что никакие последствия его не впечатляют? Он все равно не делает правильных выводов!»

Тех, которые чуть ли не с пеленок «все стараются ребенку объяснить», в последние годы заметно прибавилось. По-видимому, эта метода нынче усиленно пропагандируется среди молодых родителей, и, соответственно, в полку детей, которых «никакие последствия не впечатляют», скоро, увы, прибудет.

Дело в том, что воспитание не должно нарушать законов возрастной психологии. А она такова, что в раннем детстве ребенок часто бывает не в состоянии воспринять логические объяснения взрослых. Он еще не дорос до логической стадии психического развития, она наступает позднее. То, что он уже умеет говорить и даже о чем-то рассуждает, не значит, что ему все можно втолковать «как большому». «Внушаемость посредством слова — глубинное свойство психики, возникшее гораздо раньше, нежели способность к аналитическому мышлению. Это видно в ходе развития ребенка, — пишет отечественный исследователь проблемы манипуляции сознанием С. Г. Кара-Мурза. —

В раннем детстве слова и запреты взрослых оказывают большое суггесторное воздействие <суггестия — внушение — *авт.*>, и ребенку не требуется никаких обоснований. «Мама не велела» — это главное. Когда просвещенные родители начинают логически доказывать необходимость запрета, они только приводят ребенка в замешательство и подрывают силу своего слова» («Манипуляция сознанием. Учебное пособие», М., «Алгоритм», 2004 г.).

Поэтому утверждение, что ребенок не делает никаких выводов, неверно. Свой главный вывод он сделал: родители — не авторитет. А поскольку произошло это на раннем этапе его развития, то очень прочно застряло в подсознании, запечатлелось чуть ли на уровне импринтинга. И разрушить этот стереотип, вредный как для ребенка, так и для всей семьи, невероятно сложно. А в результате формируется личность группы риска, ведь ребенок, привыкший противоречить родителям, гораздо чаще оказывается в критических ситуациях, чем дети, для которых родительские запреты и советы не являются бессмысленным сотрясением воздуха.

Почему не действует ругань?

Очень многие родители считают наказанием ругань и крик. И удивляются, почему такой сильный раздражитель на ребенка не действует. Но если применять сильные раздражители

постоянно, дети перестают их воспринимать. Привыкают же подростки к оглушительному грохоту рок-музыки, и он им вроде бы не мешает, а у взрослого с непривычки моментально разболится голова. Но, конечно, для психики (а в случае с громкой музыкой — и для уха!) этот бесконечный ор не проходит бесследно. Ребенок становится еще менее управляемым, родителям приходится прибавлять децибелы, отношения в семье совершенно разлаживаются... Так что это не метод.

— Но почему? — не сдаются некоторые. — Почему «не метод»? Мне, например, в детстве для вразумления было достаточно не то, что крика, а строгого маминого взгляда! А тут можно голос сорвать — и никакой реакции...

Когда начинаешь разбирать ситуацию более подробно, обычно выясняется два обстоятельства. Во-первых, маму очень уважали, и потому ей не приходилось прибегать к крику, а достаточно было слегка выразить свое недовольство, чтобы дети взялись за ум. А во-вторых, детей так не баловали, как сейчас. То есть не оставляли их непослушание без последствий. Ребенок рано усваивал, что не реагировать на мамин строгий взгляд или замечание нельзя — будешь наказан. Причем так, что мало не покажется. И до крика просто не доходило.

Родительское порицание имеет вес только тогда, когда родителей уважают. А если это, как во множестве современных семей, скорее

напоминает отношения приятелей («я с тобой не вожусь!»), то и порицание утрачивает силу. Нет, конечно, не до конца. Нельзя сказать, что родительская ругань воспринимается ребенком как нечто совсем нейтральное или даже с оттенком плюс. Но в детстве ссоры с приятелями — дело совершенно обычное. Поругались — помирились, вместе — тесно, врозь — скучно. Сегодня один мальчик обзывал другого «дураком» и грозился убить, а назавтра он уже — сама доброжелательность, протягивает вчерашнему врагу машинку, и они весело играют... до следующего конфликта.

Так что если ребенок систематически вас не слушается, не считайте ругань наказанием. И уж тем более — последствием плохого поведения ребенка. Вот увидите, порочный круг куда быстрее разомкнётся, если за очередное опоздание с прогулки вы вместо дежурной нотации и две тысячи двести двадцать второго грозного предупреждения проявите, наконец, твердость и лишите сына недельки на две разрешения гулять во дворе. Причем подадите это не как наказание, а как вполне естественное последствие его безответственности. Раз не умеешь следить за временем и соблюдать договоренности, значит, еще не дорос до самостоятельных прогулок... Что? Ты считаешь, дорос? Но слов мало, их надо подкреплять делами. Давай посмотрим, как у тебя получится хотя бы самостоятельно соблюдать режим дня: не тянуть с

уроками, вовремя ложиться спать, успевая без понуканий почистить зубы и собрать портфель. Напиши расписание, повесь на стенку и попробуй его соблюдать.

Метаморфоза наказаний

Ни «принцип последствий» дети обычно реагируют спокойней, чем на наказания. Что вполне понятно, ведь последствия — это объективная реальность. Что толку обижаться на стенку, по которой ты ударил кулаком, или на йод, которым теперь приходится смазывать ссадину на костяшках пальцев? Уж если на кого и дуться в такой ситуации, так на самого себя.

А поскольку «объективная реальность» ребенка во многом зависит от взрослых, то большинство наказаний легко «переформатируется» в последствия. Все зависит от того, как это подать. У одних моих знакомых четырехлетний мальчик Федя вдруг начал кусаться. Зубки в этом возрасте острые, так что он легко прокусывал руку до крови. Ни объяснения, ни «ссылка» в угол, ни даже ремешок не помогли. Дело в том, что у мальчика так проявлялась ревность: родители завели щенка, с которым вся семья с восторгом возилась. А с другой стороны, щенок-то, резвясь, кусался, и никто его за это не ругал! Тот факт, что щенок кусался совсем небожно, Федей в расчет, естественно, не принимался.

Выход подсказали старшие дети. Однажды, когда семейство отмечало какой-то праздник, Федя, разбуянившись, сильно укусил сестру. И, не проявляя ни малейших признаков раскаяния, заявил, что всегда будет кусачим.

— Значит, ты не человек, а злая собака! — сказала сквозь слезы сестра в надежде его об-разумить.

Но Федю это только раззадорило. Грозно за-рычав, он снова попытался тяпнуть ее за палец. И тяпнул бы, если пятнадцатилетний брат не схватил бы его под мышки со словами: «Злых собак сажают на цепь!»

Брат сказал это в шутку, но папа, которому надоели Федины выходки, неожиданно для всех отнесся к такому предложению всерьез и велел принести поводок. Феде объяснили, что кусачих собак запрещено держать в городе без привязи. А на особо опасных положено наде-вать намордник. Такие правила. Если он будет кусаться, то придется ему все время быть на поводке.

На поводке Федя просидел не больше трех минут. Намордник надевать вообще не при-шлось. От его неистребимой «кусачести» не осталось и следа. Но зато щенка, когда он, раз-задорившись, чуть посильнее обычного при-хватывал Федину нежную кожицу, регулярно сажали на поводок и привязывали к дверной ручке. А Федя наставительно говорил ему: «Кусаешь друзей — сиди на цепи».

А вот ситуация, с которой наверняка сталкивались очень многие родители.

Сын-дошкольник в гостях, особенно в компании детей, становится неуправляемым: кривляется, безобразничает, грубит взрослым, стараясь привлечь всеобщее внимание. С одной стороны, он перевозбуждается. А с другой, понимает, что при чужих людях вы его наказывать постесняетесь, и беззастенчиво этим пользуется. Предупредите его по дороге в гости, что если он пойдет вразнос, то веселье мигом кончится. И уведите, если предупреждение не подействует. (А оно наверняка не подействует с первого раза, ведь сын уже привык совсем к другому событийному ряду.) Но подчеркните, что это не наказание, а закономерное последствие его безобразий. И что в другой раз обязательно будет то же самое. В приличном обществе так себя не ведут. Хочешь ходить в гости — учись сдержанности. Можно даже завести особый «Дневник сдержанности» и в конце дня записывать туда — непременно обсуждая это вместе с ребенком! — когда у него получилось проявить сдержанность, а когда нет. А потом выставлять оценки (опять-таки совместными усилиями, таким образом подспудно обучая сынишку анализировать свое поведение и подкрепляя успехи какими-то небольшими наградами). Только смотрите, не придирайтесь! Мало ли что другие дети гораздо быстрее достигают тех же самых результатов? Совер-

шенство бывает в таких случаях почти недостижимо, ведь вы стараетесь выработать у малыша то, чем он как раз от природы обделен. Главное, чтобы ребенок стремился исправиться и чувствовал, что у него это получается. Иначе он разуверится в своих силах и вообще откажется напрягаться.

Сам себе воспитатель

Родители нередко задают вопрос: «Как быть, если ребенок, попросив прощения, практически тут же берется за свое? Его снова наказывают, он опять умоляет его простить, потом опять — и так до бесконечности... Это выматывает нас, выматывает его, но нам никак не удастся выйти из замкнутого круга...»

И вряд ли удастся, если не включить такого ребенка в ситуацию. Ведь формально участвуя в ней и даже являясь, можно сказать, главным героем травмирующего сюжета, он внутренне отстранен и действует стереотипно, не вникая в смысл происходящего, повторяя одни и те же ошибки. Ситуация как бы развивается помимо его воли, сознание подавлено стихией эмоций. Ребенка, что называется, несет, как несет бурным потоком утлую лодочку с растерянным гребцом на борту. Вывать в такие минуты к совести или хотя бы к здравому смыслу («ты же себе хуже делаешь, нарываясь на наказание») обычно бывает бесполезно. Ребенок, выража-

ясь просторечным языком, «заходится». По сути, его бушуют страсти.

И то, что он просит прощения, ничего не значит! Это типичная фигура речи, формальность, которую, как он понял, необходимо соблюсти, чтобы наказание было отменено. То есть его «прости» манипулятивно. Разве можно его сравнить с извинением самолюбивого ребенка, для которого одно это — уже серьезное наказание?! Для гордеца смириться и попросить прощения все равно, что для Маяковского «наступить на горло собственной песне». Когда такие дети начинают признавать свою вину, они обычно стараются не повторять проступков, дабы вновь не испытывать позора, который для них мучителен.

А тут-то совсем другой характер, и обращаться с ним следует по-другому. Когда сын или дочь в очередной раз придут с извинениями, скажите: «Я, конечно, могу тебя простить, но ведь не пройдет и получаса, как ты снова сделаешь то же самое. И мне опять придется тебя наказывать. Честно говоря, я от этого уже устала».

Ребенок, естественно, примется уверять, что он больше не будет.

— Ну, а если будешь?

— Не буду! Точно не буду! — уверяет вас чад, старательно изображая паиньку. И, очень может быть, говорит это искренне. Ему сейчас действительно так кажется!

— Ну, хорошо, — отвечаете вы. — Посмотрим.

Ждать долго не приходится.

— Вот видишь, — делаете вы строгое лицо. — Тебя предупреждали, что так получится, а ты не верил... Но уж теперь тебе, хочешь — не хочешь, а придется придумать, как с тобой быть, если ты опять не сдержишь обещания. Ну? Как мне поступить?

— Не знаю.

— Тогда иди в свою комнату и думай. Пока не придумаешь, прощения не получишь. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Вот он, ключевой момент «перевода стрелок»! Отныне плохое поведение ребенка становится его, а не вашей проблемой. До сих пор вы пытались с ней справиться в одиночку. Сердились, расстраивались, раздражались. А тут вы лишь очертили границы, решение же оставили за ним. То есть он впервые столкнулся с необходимостью самостоятельно расхлебывать последствия своих неблагоприятных поступков. По крайней мере, вы его этим озадачили.

Теперь важно не выказывать заинтересованности. Если вы будете каждые две минуты заглядывать в комнату с вопросом: «Ну что, придумал?», ситуация опять зайдет в тупик. Ребенок ни в коем случае не должен ощутить, что вам его решение нужнее, чем ему самому. Если он попытается общаться с вами как ни в чем не бывало, в надежде, что прошло время и вы все

позабыли, спокойно верните его к исходной точке.

Когда же «юный правонарушитель» наконец предложит какие-то санкции (вполне вероятно, минимальные, суть не в этом), советую не спешить с амнистией, а задумчиво произнести: «По-твоему, поможет? Хорошо, давай попробуем. Конечно, все зависит от тебя... Но если не удастся, придется тебе придумать что-нибудь посерьезней».

Очень наглядно этот момент «перевода стрелок» проявляется на наших коррекционных театральные занятия, когда дети разыгрывают кукольные сценки с собачками, сшитыми из двух перчаток. Каждая такая собачка наделяется характером, который напоминает характер ее юного хозяина. И, проявляя его, ставит ребенка перед необходимостью ее воспитывать.

Впервые столкнувшись с тем, что ему нужно принять какие-то меры по отношению к распоясавшемуся питомцу, ребенок зачастую даже не понимает, чего от него требуют. А порой, изображая в сценке себя, но солидаризируясь с Бобиком, с которым он интуитивно чувствует свое сходство, может заявить, что Бобик все равно настырничал. И никто с ним ничего поделать не мог!

— Даже ты, Кирюша? — картинно изумляется психолог, ведущий занятия. — Ты, его хозяин? Неужели он и тебя ни в грош не ставит?

Пятилетний Кирюша, только что с удовольствием наблюдавший за демонстративным непослушанием Бобика в исполнении мамы, неожиданно оказывается в непростой ситуации. Признать свое бессилие перед другими детьми ему неловко. Но душа-то, душа — на стороне Бобика!

— Ну, ладно, — уступает психолог, — ты дома вместе с мамой подумай, какие меры принять, чтобы Бобик больше так не хулиганил. А то он даже на тебя кидается, никакого с ним сладу нет! Сложно воспитывать непослушную собаку, да? Но ничего, ты обязательно справишься, мы уверены!

И мы многократно убеждались, что когда такие дети, пусть на своем детском уровне, но все же предлагают какие-то воспитательные меры, взрослым уже гораздо проще до них «достучаться». Но, конечно, не надо рассчитывать, что тактика «сам себе воспитатель» даст мгновенный и непоколебимый результат. Поведенческие стереотипы ломать непросто, человек — не компьютер: вставили другую дискету, запустили новую программу. Так что рецидивы тут вполне вероятны, особенно если ребенок импульсивен и сперва что-то делает, а потом уже думает. Но именно так, постепенно, методом проб и ошибок вырабатываются, как сейчас принято выражаться, «навыки ответственного поведения», на отсутствие которых жалуется столько родителей.

О любви

Почему не хочется хвалить ребенка?

Л'психологу обычно обращаются, когда назрела необходимость что-то переосмыслить, переоценить, изменить. В своей жизни, в отношениях с супругом, друзьями, сослуживцами, родителями, детьми. Но хотя на уровне сознания человек хочет измениться, на бессознательном уровне он очень часто сопротивляется попыткам поменять его установки, сломать привычные стереотипы поведения. Это подтвердит вам любой практикующий психолог. Естественно, сталкиваемся с таким парадоксом и мы.

Работая с трудными детьми, мы стараемся как можно скорее донести до их родителей мысль, что нервному, плохо управляемому ребенку, неспособному по тем или иным причинам вписываться в коллектив и соблюдать установленные там правила, совершенно необходимо положительное подкрепление. Необходимо, как воздух. Без похвалы и различного рода поощрений он не сможет исправиться, не сможет двигаться вперед.

И теоретически большинство родителей с этим соглашается. Но как доходит до дела, нередко возникает пробуксовка. Совершенно очевидно, что маме не хочется хвалить ребенка. Она это делает (если делает) формально, торопливо, смазанно, словно выполняя тяжелую повинность. Порой контраст бывает вопиющим. Сидят рядом два ребенка. Один — инвалид с явными последствиями родовой травмы, задержкой развития, плохой моторикой, отвечает невпопад, внимание снижено. А для мамы он все равно самый лучший, дорогой, ненаглядный. Она готова в любой момент его приласкать, поддержать, пользуется любой возможностью, чтобы отметить какие-то его успехи, сказать ласковое слово. А другой малыш — что называется, все при нем: как с рекламной картинки, милый, ласковый, ловкий, развит не по годам. Но у мамы к нему масса претензий, и в результате ребенок «загнан» в невроз. От чего претензии, естественно, возрастают, ведь с невротиком и впрямь нелегко. Мама спешит, опаздывает, а он вместо того, чтобы поторопиться, делается как сонная муха. Вечером двадцать раз бегаем в туалет, капризничает, просит попить, поесть, полежать с ним. Одежда его раздражает до слез: там трет, тут тесно, это не надено. Теперь еще и ногти стал грызть, а по ночам мочится в постель. Хотя прояви его мать хотя бы часть того терпения и любви, которые проявляет мама первого мальчика, гля-

дишь — и не пришлось бы ходить по психологам и врачам.

Не знаю, может, я ошибаюсь, но, по моим наблюдениям, подобный «расклад» встречается довольно часто, и в этом, похоже, есть высшая справедливость. Ведь тяжелобольному ребенку и так трудно жить на свете, а если его еще и мама отвергает, то и вовсе невыносимо. (Хотя, конечно, и тех, других, более благополучных, но недоласканных, недохваленных детей очень жаль...)

А все-таки, почему не хочется хвалить ребенка, не хочется его поощрять? Да, он плохо себя ведет. Но не всегда же! И потом, разве сидящий рядом мальчик с задержкой развития или аутист ведет себя идеально? — Отнюдь! Его поведение бывает порой просто диким, и мама устает от него гораздо больше, а все равно хвалит! Так что логические обоснования тут вторичны, а первично внутреннее сопротивление. И нужно попытаться понять, почему оно возникает, а не доказывать себе и другим, что ты все делаешь правильно.

Любовь не ищет своего

/Прежде чем разбираться в отклонениях, поинтересуемся нормой.

А в норме с первых же дней жизни младенца у мамы должно возникнуть безусловное, полное, безоговорочное принятие малыша. И

даже еще раньше, еще находясь в материнской утробе, он должен чувствовать, что любим и дорог, НЕЗАВИСИМО ОТ ТОГО, КАКИМ ОКАЖЕТСЯ, ПОЯВИВШИСЬ НА СВЕТЕ. Однако на практике так получается далеко не всегда.

— Какой он красивый! — воскликнула моя дочь, глядя на только что родившегося сынишку. И, позабыв про усталость и боль, не могла налюбоваться им до позднего вечера. А посторонним он вряд ли показался бы тогда красавцем — красно-фиолетовый, сморщенный, с паучьи-тоненькими ручками и ножками и непропорционально большой, как обычно у новорожденных, головой. Но для Кристины краше его не было на целом свете, и между ними фактически сразу установилась та пуповинная связь «мать — дитя», без которой, как утверждают специалисты, невозможно гармоничное психическое развитие ребенка.

А вот другая мать. Жалуется на тяжелые отношения с четырехлетней дочкой. В процессе беседы речь заходит о настроении мамы в первые месяцы жизни Анюты.

— Настроение? Если честно, то: «Уберите от меня ЭТО»... Мне к ней ни подходить не хотелось, ни на руки брать... Нет, я, конечно, за ней ухаживала, но просто потому, что помощников не было: муж работал, а бабушки у нас далеко, в другом городе. Первые несколько месяцев у меня было полное отчуждение от ребенка. Сама не понимаю, в чем дело. Вроде бы ждала, ра-

довалась — и тут такое... Потом как-то отлегло, я включилась. Но мне кажется, то мое состояние не прошло для нее бесследно.

Разумеется, не прошло. Послеродовая депрессия, симптомы которой описала женщина, наносит тяжелейшую психическую травму новорожденному ребенку. В первый год жизни он острее всего нуждается в телесном и эмоциональном контакте с матерью, ей же не хочется его ласкать, а хочется отгородиться, уйти в себя. Однако депрессия — это все-таки крайность, болезнь (хотя и не такая уж редкая, в последние годы такой диагноз слышишь все чаще). Но есть немало здоровых людей, которым что-то мешает безоговорочно принять своего ребенка. Не то, чтобы они его не любят. Любят, стараются быть хорошими родителями, но что-то стоит между ними и их отпрыском, какая-то невидимая, но прочная преграда. Почему же она возникает?

•Любовь не ищет своего», — пишет Апостол Павел (1 Кор. 13, 4). Та любовь, которая, говоря его же словами, «никогда не престаёт» и которой нам так не хватает в современном мире. Нас отделяют друг от друга гордость, обидчивость, подозрительность, самолюбие — короче, грехи. Но у младенца ничего этого еще нет, так что процесс тут не обоюдный, а односторонний: матери что-то мешает проявлять безусловную, беззаветную любовь. Она почему-то «ищет своего». Подрастая, ребенок, конечно, начина-

ет на это реагировать, и потом уже бывает нелегко распутать клубок взаимных претензий и обид. Поэтому, анализируя ситуацию, имеет смысл вернуться к истокам, к раннему детству ребенка, когда отношения только начинали складываться.

Ребенок - утешение или обуза?

Ни для кого не секрет, что очень многое в нашей жизни зависит от нашего взгляда на эту самую жизнь. А он, в свою очередь, зависит как от личностных особенностей «глядящего» (человек оптимистического склада даже в трудных обстоятельствах ищет лучшую сторону, пессимисту же ничем не угодишь), так и от господствующего в обществе взгляда на то или иное явление. Престижна какая-то профессия — множество юношей и девушек жаждут ее получить, хотя, может быть, она им вовсе и не подходит. В Великую Отечественную войну, на волне патриотического подъема мальчишки стремились записаться добровольцами, нередко завышая для этого свой возраст. Сейчас (пусть и не все, но многие) внуки этих мальчишек под влиянием прямо противоположных настроений считают доблестью «откосить» от армии.

Отношение к детям тоже изменилось за последний век радикальным образом. Чем больше обуревала общество жажда потребитель-

ства, тем меньше возникала потребность в многодетности. Оно и понятно: каждый следующий ребенок снижает уровень благосостояния семьи и воспринимается остальными его членами как конкурент. Параллельно набирала силу идеология ограничения рождаемости, ставшая в XX веке мощнейшим инструментом геополитического давления и уничтожения традиционных обществ. Организации типа «планирования семьи» и либеральные средства массовой информации очень старались достичь заветной цели: убедить население разных стран в том, что иметь много детей не в их интересах. «Пусть один ребенок, но здоровый и желанный. Зачем плодить нищету?» А сексуальная революция, затеянная с теми же целями, привела к тому, что теперь миллионы людей, никогда не читавших русского писателя Вересаева, отвечают на вопрос: «Вы любите детей?» — словами его героя: «Нет. Но мне нравится то, от чего они получают».

В последние годы с распространением Православия в нашей стране, правда, наметились кое-какие подвижки. Церковь старается поднять престиж многодетности, донести до государства и людей мысль о недопустимости абортов и греховности «свободной любви». Но пока это капля в море. Пока что планировочно-контрацептивная психология не собирается сдавать своих позиций. А она вся построена на том, что ребенок — это обуза. Не величайший

Божественный дар, который только может получить человек, а обуза. Этот ключевой образ задает тон отношений, подсказывает логику развития сюжета. Если обуза не ко времени, то от нее надо поскорее избавиться. Ну, а если уж вы решили взвалить ее на себя, то на себя и пеняйте. Вас ждет множество трудностей и лишений.

И когда трудности начинаются, далеко не все родители бывают готовы безропотно все терпеть и пенять на себя. Тем более, когда все вокруг настраивает не на преодоление трудностей, а, наоборот, на уход от них, на максимальный комфорт. Быстро возникают недовольство, раздражение, которые нужно куда-то выплеснуть. Кто-то выплескивает на свою вторую половину, а у других актуализируется заложенный, как мина, образ помехи, обузы. Какое уж тут будет безусловное принятие ребенка?

Причем объективно сейчас растить детей гораздо легче, чем, скажем, в послевоенные годы или в дореволюционной России. Моя бабушка, живя в самом что ни на есть ближайшем (на тот момент) Подмоскovie, на станции Лосино-островская, таскала домой ведрами воду из колодца, грела ее на печке и мыла детей (а потом и внуков) в корыте. А свекровь, имея двух крохотных сынишек, ходила по воду за несколько километров. И обе они каждый день руками стирали детские пеленки и подгузники. Но множество современных мам устает от ухода за

ребенком гораздо больше, чем они. Хотя стирает за них машина, а о подгузниках они не хотят даже слышать. Зачем, когда есть памперсы?

И главное, им действительно тяжелее! Ведь определяют все не объективные обстоятельства, а их субъективное восприятие. Сколько женщин, потерявших мужа в войну, радовалось, что у них остались дети. Радовалось, хотя поднимать их в одиночку было невероятно трудно. Но общество настраивало их на то, что дети — это отрада, утешение, память о погибшем, его живое продолжение. А теперь нередко слышишь (причем от женщин из вполне обеспеченных семей):

— Родить еще детей? Да вы что! А вдруг с моим мужем что-то случится? Как я их буду растить одна?

Так что одно из основных условий установления (или восстановления) нормальной связи с ребенком — это устранение разрухи в голове. Ключевой образ должен быть правильным. Дар, особенно драгоценный, принимают с благодарностью, бережно хранят его, любят его им. С обузой же в лучшем случае можно смириться. И если уж благодарить за нее Бога, то как за крест. Чувствуете разницу?

Когда ребенок — дар, то слова любви, одобрения и похвалы не нужно из себя вымучивать, они изливаются сами собой вместе с потоком нежности. Хочется продлить эти невозврати-

мые мгновения: вот, он, такой маленький, беззащитный, так в тебе нуждается... Даже в ситуациях, объективно причиняющих неудобства, видишь положительные стороны.

— Моя дочка долго просилась на руки, — рассказывает одна из таких матерей. — В три года, помню, идем мы домой с прогулки. Устанет — «хочу на ручки!» Я ее никогда за это не ругала, не стыдила. Мне на самом деле приятно было носить ее на руках. Я понимала, что это очень скоро кончится и никогда больше не повторится. Пронесла я ее, правда, всего несколько шагов — она уже была тяжелой — но Марусе этого хватало. Ей важно было ко мне прижаться, почувствовать биение моего сердца. От этого она успокаивалась, ощущала прилив сил.

Когда же ребенком тяготятся, то мечтают, чтобы он поскорее вырос, охотно перепоручают уход за ним и воспитание другим людям. А главное, живут с ощущением, что ребенок постоянно отвлекает их от чего-то более важного, что время, проведенное с ним, потрачено впустую.

— Вот Вы говорите: «Нужно с Мишей заниматься, учить его играть», — с нескрываемой досадой воскликнула мама пятилетнего мальчика с явной педагогической запущенностью. — Но нами с братом родители вообще не занимались! Мы росли как-то незаметно для них — и ничего, выросли нормальными людьми.

Конечно, при таком настрое чаще видишь отрицательное. И досада, возникающая из-за обстоятельств, быстро переносится на причину, из-за которой так все сложилось. То есть на ребенка.

Мама не готова

Очень часто ситуация усугубляется еще и тем, что мать с отцом сами росли в однодетных семьях и не имеют навыка общения с маленькими детьми. У матери нет опыта ухода за малышом, она всего боится, нервничает. Младенцу передается ее тревога, он тоже начинает беспокоиться, кричит. Это еще сильнее выбивает молодую маму из колеи. Она не понимает ребенка, он — ее. Возникает замкнутый круг. Ребенок воспринимается уже не только как обуза, но и как источник угрозы, неприятности. Сначала неопытная мама терзает себя и окружающих страхами за его здоровье и безопасность. Потом, когда он начинает проявлять самостоятельность, панически боится, как бы он чего не вытворил.

Конечно, любой родитель присматривает за малышом и в каких-то случаях за него волнуется. Но тут и того, и другого с избытком: тревога постоянна, недоверие к ребенку — хроническое.

— А вдруг он вырвется и побежит? — отвечала одна такая мама на вопрос, почему она ни

на шаг не отпускает от себя на прогулке шестилетнего сына, совершенно не расторможенного и вполне разумного мальчика.

И что самое ужасное — он действительно как-то вырвался и побежал, не разбирая дороги! Чем, естественно, укрепил у матери ощущение ее правоты. А вот с другими людьми Славик никогда себе ничего подобного не позволял. И в детском саду на него не было нареканий.

Точно так же родители пятилетней Вики жаловались, что девочка ведет себя совершенно неуправляемо: бегают по храму и не реагирует на замечания, в магазине, в транспорте толкается, все время куда-то лезет. Там же, где она оставалась без родителей (например, на занятиях по подготовке к школе, в студии хорового пения) Вика держалась даже несколько скованно. А в ее играх с детьми вообще не было никаких отклонений.

Приглядываясь ко многим таким мальчикам и девочкам, пытаюсь осмыслить, почему они так дико ведут себя с близкими, нередко видишь, что на самом деле это близкие невольно навязывают им такую модель поведения, поскольку относятся к ним либо как к несмышленишкам, либо (когда ребенок проявляет агрессивность) как к дикому зверю. Умному, хитрому, но опасному и непредсказуемому. Подобное отношение тоже чаще всего возникает у родителей из однопородных семей, никогда

прежде не имевших дело с маленькими детьми. Естественно, такое отношение отгораживает взрослых от ребенка.

Но ведь в действительности ребенок уже к концу первого года жизни понимает достаточно много. А тут — пяти-шестилетние дети без серьезных психиатрических диагнозов! Конечно, никакой «несмысленности» у них нет, а есть глубоко травмирующее их чувство отверженности. И с другой стороны, подстройка под родительское отношение. Вы хотите видеть несмышленища? — Пожалуйста! Дикого зверя? — Получайте! У маленьких детей все это происходит на бессознательном уровне. Потом, постепенно осознавая какие-то вещи, ребята безобразничают из чувства протеста. Ну и, конечно, пытаются манипулировать родителями: с несмышленища-то какой спрос?

Любой ребенок очень хочет (но не всегда может) соответствовать родительским ожиданиям. И если взрослые ждут от него подвоха, неприятности, они обязательно дождутся. И наоборот, поборовшись со своими тревожными ожиданиями, дав ребенку понять, что ему доверяют (хотя, конечно, действовать надо по принципу «доверяй, но проверяй»), родители с удивлением замечают: сын или дочь стали спокойней, ведут себя более разумно и адекватно.

Тяжелее всего обычно приходится первенцам. Со временем мамы набираются опыта,

воспитание других детей дается им легче. У многих современных женщин, испытывавших психологические трудности в связи с уходом за первенцем, наконец-то просыпается дотоледремавший материнский инстинкт, который лучше всяких специалистов подсказывает им, как обращаться с ребенком. Сама пройдя этот путь трижды, я могу засвидетельствовать, что с каждым следующим малышом тяготы материнства ощущаются все меньше, а радости — все полнее. Подавляющее большинство моих многодетных знакомых говорит о том же.

Наш уже читает. А ваш?

безусловному принятию ребенка очень мешает и столь популярная нынче ориентация на успех. Дошкольникам не дают насладиться детством, не дают поиграться. Их рано начинают учить, ждут от них достижений, сравнивают со сверстниками. И ладно еще, если мама дома, в спокойной обстановке попробует научить малыша чтению и счету. Не получится — ей самой скоро надоест с ним бороться, и она это дело забросит. Но сейчас совсем маленьких ребятшек водят на групповые занятия. А это уже дело другое. Чужая обстановка, чужая тетя в роли учительницы, эффект группы — все это повышает значимость занятий. Соответственно, и неудачи воспринимаются более остро, чем дома один на один с мамой. А если еще

и мама начинает переживать, видя, что сын или дочь справляются с заданиями хуже сверстников — а обычно мамы, конечно же, переживают, — то для малыша это двойная травма. К страданиям из-за своих неудач прибавляется страх родительского гнева, отвержения, нелюбви.

Но и если малыш на занятиях — в первых рядах, излишняя фиксация на его успехах в учебе тоже небезопасна. С одной стороны, она разогревает тщеславие, а с другой, у ребенка может возникнуть чувство, что его любят не просто так, а за достижения. Особенно если родители скуповаты на ласку и похвалу.

Разумеется, когда дети идут в школу, учеба и связанные с ней успехи или неудачи волей-неволей занимают большое место в их жизни. Но даже тогда нельзя допускать, чтобы все разговоры родных с ребенком вертелись вокруг уроков и оценок. А уж дошкольнику, у которого отношения с родителями только еще складываются, совершенно необходима уверенность в том, что его любят не за красиво нарисованный рисунок или без ошибок прочитанную фразу, **А ЗА ТО, ЧТО ОН ВООБЩЕ ЕСТЬ.**

В этом отношении тоже тяжелее всего, как правило, приходится единственному ребенку или первенцу. Они нередко становятся и жертвами воспитательных экспериментов, и объектом приложения родительских амбиций. Подустав, поумнев, разочаровавшись в каких-то

новшествах, родители «сбавляют обороты» и к другим детям уже не предъявляют таких завышенных требований. Однако первенцам от этого не легче.

Психология Барби

Психологи всего мира, предостерегая родителей, высказали немало нелестных слов в адрес популярной куклы Барби. В частности, говорили, что девочки не могут занять материнскую позицию в игре с этой куклой, поскольку она имеет вид взрослой женщины и не годится на роль дочки. А игра в дочки-матери имеет для девочек огромное значение, поскольку готовит их к будущему материнству. Усвоенные в детстве установки и модели поведения потом воспроизводятся на бессознательном уровне, автоматически.

Играя с обычной куклой, изображая ее маму, девочка подражает своей собственной матери и учится ухаживать за малышом. Все эти игры, в основном, являют собой имитацию домашнего труда и процесса воспитания ребенка: куклу пеленают, кормят, укачивают, купают и причесывают, возят в коляске на прогулку, наставляют, как надо правильно себя вести, хвалят и наказывают. Для нее шьют одежды, стирают ей платья, гладят их игрушечным утюжком. Все это происходит в том же самом мире, в котором живет девочка, и она четко

усваивает модель: пока она нянчит малютку • понарошку», а когда вырастет, то будет мамой по-настоящему. Как ее любимая мамочка. А поскольку собственная мать для девочки дошкольного возраста — идеал, то и мир, окружающий малышку, и будущее материнство, и домашний труд кажутся ей очень привлекательными.

В Барби играют совершенно иначе. Начнем с того, что у Барби свой собственный мир, не имеющий ничего общего с домашним миром ребенка (во всяком случае, с миром подавляющего большинства наших детей). В «империи Барби» все шикарно, по первому разряду. Фактически это воспроизведенные в миниатюре атрибуты сладкой «гламурной» жизни. Играя за Барби, девочка вживается в роль богатой красотки, каждый день которой — сплошной праздник. Она принимает гостей, ездит в роскошном лимузине, купается в бассейне, а затем загорает в шезлонге, пьет коктейли, сидя под зонтиком на краю бассейна, смотрит телевизор, играет в теннис, катается на лошади. Дети у Барби тоже могут быть — в продаже есть даже беременная кукла с открывающимся животом — но для девочки это совсем не то, что обычная игра в дочки-матери. В обычной игре нет эффекта отстранения, а тут-то не она — мама, а Барби, так что примерить к себе роль матери гораздо труднее. И потом, дети если и существуют, то лишь на периферии Барбиной

жизни, как приложение ко всему остальному. В результате девочка получает установку не на труд, а на развлечения, не на материнство, а на гедонизм. И в дальнейшем, с большой степенью вероятности, будет тяготиться ролью жены и матери, требующей большого трудолюбия и самоотверженности. Тем более что установка на «красивую жизнь» мощно подкрепляется современной масс-культурой: рекламой, глянцевыми журналами, телесериалами и проч.

Теперь появилась возможность проверить правоту психологов. Первое «поколение Барби» выросло и вошло в брачный возраст. Конечно, однозначно судить обо всех невозможно, разные бывают судьбы, разные люди. Но уже ясно, что множество девушек не торопятся обременить себя семьей и детьми. А среди тех, кто вышел замуж и стал матерью, очень многие страшно тяготеют бытом, уходом за ребенком, его воспитанием. Он ведь, в отличие от игры в Барби, никак не хочет переместиться на периферию жизни, а занимает в ней центральное место, поглощая почти все время и уйму сил.

Когда же ребенок немного подрастает, именно такие мамы чаще всего перегружают его занятиями в студиях, секциях и мини-лицах. С одной стороны, это бессознательная попытка оправдаться: да, самой мне тяжело заниматься ребенком, но зато я никаких денег не жалею

на его обучение и развитие. А с другой стороны, актуализируются полученные в детстве установки. У Барби все было по высшему разряду. Почему же у ее подражательницы все должно быть иначе? «Ты достойна самого лучшего!» — внушает реклама. И ребенок, естественно, должен оправдать эти ожидания.

Такие мамы особенно остро переживают, если их дети не соответствуют современному эталону успешного ребенка. Помню, ходил к нам на занятия малютка. Очаровательный, большеглазый, с милой, кроткой улыбкой. Он преданно любил маму с папой, был покладистым и добрым. И вообще-то для своего пятилетнего возраста очень много чего умел. Даже сам пек блины! Но маме, которая и внешне напоминала Барби, все это казалось неважным. Ее ужасно расстраивало, что Миша на занятиях английским языком не выбился в отличники. (А у него было такое заикание, что удивительно было, как он вообще решался раскрыть рот, поскольку дети его дразнили немилосердно.) Зато же, что он боялся высоты, мать его откровенно презирала.

— У нас все друзья увлекаются горными лыжами. Их дети, его ровесники, знаете как уже катаются? А наш трусит спуститься даже с малюсенькой горочки! Я мужу сказала, что больше мы Мишку в горы брать не будем. С ним одно расстройство. Главное, нам за него стыдно, а ему — нисколечко. Муж говорит: «Не

дрейфь! Ты же мужик!» А он в ответ: «Я не мужик, я мальчик...»

Чтобы помочь малышу, у которого помимо заикания были лицевые тики, а в придачу — энурез, пришлось гораздо больше заниматься не им, а мамой. Причем изменить мамины установки оказалось невероятно трудно. Вроде бы неглупая женщина, она упорно отказывалась понимать простейшие вещи: что ребенок ее страдает, что его надо не обвинять, а поддерживать, что в нем очень много хорошего и что вообще-то ей грех жаловаться, жизнь ее пока что складывается весьма удачно, надо лишь научиться это ценить и не гневить Бога безмерными претензиями. В ее сознании словно был выставлен блок. Все, что не вписывалось в картину блестящей, успешной жизни, жестко отсекалось. А робкий, плаксивый, заикающийся ребенок туда, естественно, не вписывался.

Подобных случаев можно привести немало. Конечно, мамы, недовольные ребенком, встречались всегда. Но «поколение Барби» — это немного другое. Все-таки раньше (по крайней мере, на нашей памяти) не было такой открытой и массовой ориентации на шикарную жизнь. Не было и такой выхолощенности жизни, когда за яркими, красивыми оболочками — полная пустота, вакуум. Полагалось тянуться к культуре, поэтому даже те, кто этого особо не жаждал, вынуждены были «держаться марку» — читать стихи и классику, а не бульварные по-

лупорнографические романы (которых, впрочем, тогда и не было). И знакомясь с настоящей литературой, смотря настоящее кино (даже в комедиях тех времен было много по сути серьезного и поучительного, не было пошлости, а актерская игра поражала своим профессионализмом), люди волей-неволей становились более развитыми, осмысленными, у них появлялись какие-то интеллектуальные, культурные, духовные интересы. Теперь же вопрос об интересах, увлечениях, хобби часто ставит молодых женщин в тупик. Мамы, о которых идет речь, если и читают, то, в основном, какую-нибудь разрекламированную ерунду, а в основном, ссылаясь на занятость, ограничиваются глянцевыми журналами. Одна молодая женщина без тени юмора заявила, что она увлекается дорогой косметикой. Другая — что они с мужем любят ходить в сауну, третья вспомнила про боулинг. Общение с ребенком ничем не наполнено. Многие прямо спрашивают: «Вот вы советуете нам с ним побольше разговаривать. А О ЧЕМ ГОВОРИТЬ? На какие темы?» И действительно, затрудняешься с ответом. Такие мамы не знают ребенка, не интересуются им. Своих содержательных интересов, к которым они могли бы привлечь сына или дочь, у них тоже нет. Это жизнь рядом, но не вместе, хотя формально они ребенком занимаются: водят его на занятия, совершают совместные прогулки, ездят в совместные поездки, ходят в

кафе и т. п. Естественно, и хвалить ребенка для них затруднительно. Для этого ведь тоже нужно всматриваться, вдумываться, анализировать, а у них уже укоренилась привычка скользить по поверхности, ни во что особо не углубляясь.

В ловушке обиды

безусловному принятию ребенка мешают и обиды. Они бывают разноплановыми.

Обижаясь на судьбу, мать может винить в своих несчастьях ребенка. Обижаясь на близких, — срываться на детей, поскольку они постоянно рядом и чаще других попадают под горячую руку. А еще обижаются на самого ребенка. Это наиболее тяжелый вариант. В двух предыдущих случаях можно апеллировать к разуму взрослого человека, разъясняя нелепость ситуации, взывать к его совести, которая и сама обычно подсказывает, что ребенок не виноват и что срывать на нем зло — грех. В последнем же случае эта тактика не работает. Ребенок и вправду бывает виноват. Он плохо себя ведет, грубит, обманывает, проявляет неблагодарность, «качает права», пытается шантажировать, не жалеет родных, хотя видит, что они выбиваются из сил... Это, конечно, неприятно и потакать детским безобразиям, естественно, не следует. Однако обижаться на детей, как на равных, значит загонять себя в ловушку. Оби-

жаясь, вы становитесь в слабую позицию, в позицию жертвы, чем фактически даете карт-бланш ребенку, стремящемуся командовать взрослыми (а ведь именно таким детям обычно свойственно вышеописанное поведение). И если потом из этой позиции попытаться на ребенка воздействовать по-взрослому — наказать, вразумить, пристыдить, — то ничего не получится. Ребенок либо откажется подчиниться, либо начнется выяснение отношений, напоминающее сцены из мелодрам, и если и уместное (хотя и нежелательное) между супругами или влюбленными, то уж никак не уместное между родителями и детьми. Когда такая схема домашних конфликтов делается привычным стереотипом, воспитание практически сходит на нет. У ребенка развивается истеричность, а родители, измученные его бесконечными капризами, тихо (или громко) звереют. И, конечно, им не до похвал.

Не раз и не два доводилось слышать горестные признания:

— Я понимаю, это ужасно, но мне все чаще кажется, что я его (ее) ненавижу.

На самом деле это, конечно, не так. Просто любовь была еще незрелая, невзрослая, а обид накопилось слишком много, и они начали ее заслонять. Так бывает и в отношениях с другими людьми. И выход тут один-единственный: простить и больше не обижаться. Иначе вы так и будете ходить по кругу, разъедавая и ослабляя

душу обидами. А чтобы воспитать детей — особенно трудных и особенно сейчас, когда вокруг столько всего препятствует нормальному воспитанию! — нужно много душевных сил. Ну, а простить своего ребенка легче, чем кого бы то ни было. И потому что он плоть от плоти вашей, с ним вас связывают особые узы. И потому что это, как ни крути, а все же противозаконно — когда взрослые всерьез обижаются на детей.

Что еще мешает принять ребенка?

Очень сильно мешает установлению нормальной детско-родительской связи и раздражение, которое ребенок вызывает у родителей. Причин тут тоже немало. Бывает просто раздражительный характер, когда любой пустяк, любая мелочь человека «бесит», а он не привык с собой бороться и чем дальше, тем больше распускается. Еще раздражение может возникать вследствие хронической усталости и истощения нервной системы. Тут опять-таки особенно достается первенцам, поскольку для матерей все в новинку, они чувствуют себя неуверенно, много плачут, тревожатся, к повышенным нагрузкам пока не привыкли. Сверхответственные мамы с так называемым «комплексом отличницы» стараются достичь в уходе за малышом идеала. А дети-то разные. Одних можно приучить к горшку с пятимесячного

возраста (как советовали чешские специалисты в конце 70-х годов), а другие только к двум годам еле-еле осваивают эту премудрость. Одни спокойно играют, а другие везде лезут, за ними нужен глаз да глаз. И если мать хочет, чтобы все было, как написано в книжках, ее нередко постигает разочарование. С чем отличнице ох как нелегко примириться! Она удваивает, утраивает усилия, естественно, перенапрягается и начинает срываться.

Раздражение может возникать и из-за того, что женщина подсознательно делает перенос с мужа, с которым не сложились отношения, на ребенка. Особенно если малыш на него похож. А порой бывает наоборот: мать видит в ребенке себя, но ее это не радует, поскольку она собой страшно недовольна и, соответственно, переносит это отношение на сына или дочь. Конечно, христиане должны относиться к себе критически, видеть свои грехи и стараться исправиться. Но это не тот настрой, о котором говорю сейчас я. Такие матери пребывают в унынии, считают себя неудачницами, пустым местом, не верят в возможность изменения к лучшему. Будучи чересчур зафиксированы на плохом, они уже не замечают в своей жизни ничего хорошего, живут безрадостно, угнетая близких мрачным видом и бесконечными придирками. Им трудно найти в ребенке какие-то достоинства, зато недостатков они вам перечислят целую кучу.

А бывает, ребенок просто иноприроден. Есть в нем что-то чуждое, непонятное. Иногда такие чувства испытывают родители к детям с какой-то психической патологией, иногда — к тем, в ком видят совершенно неприемлемые, по их мнению, черты, а иногда — вообще непонятно почему. Несколько лет назад ко мне на консультацию пришла мать четверых детей. Двое были родные, а двое — приемные. Оба взяты в младенчестве. И с одним приемным ребенком у нее сразу возник контакт, а с другим никак не возникал.

— Не понимаю, в чем дело, — сокрушалась она. — Первый — заморыш, жалкий такой, а этот красивый, кудрявенький, кровь с молоком. Все от него в восторге: и муж, и дети, и бабушки с дедушками. А я в нем все время чувствую что-то чужое и не могу этого преодолеть, раздражаюсь. Знаю, что нехорошо, что надо его принять — куда, в конце концов, денешься? — но не могу...

Очень разлаживает отношения и несоблюдение иерархии «взрослый — ребенок». Вина в данном случае тоже на взрослых. У детей сперва создают иллюзию равенства старшим. А когда они, в соответствие с заданной установкой, начинают вести себя как полноправные «партнеры» — проявлять непослушание, спорить, торговаться, делать замечания, настаивать на своем, — старшие возмущаются и раздражаются.

Чувство вины, которое возникает у родителей после того, как они в раздражении обрушиваются на ребенка, тоже далеко не всегда продуктивно. Теоретически, раскаявшись в своем гневном порыве, взрослые должны были бы впредь держать себя в руках и не допускать подобных вспышек. Но для многих это остается сухой теорией. Одни пытаются оправдать себя словами: «Я все понимаю, но ничего не могу с собой поделать» (а от ребенка при этом требуют исправления!). Другие, искренне раскаиваясь в совершенных ошибках, не могут себе их простить, пытаются загладить свою вину и начинают ребенка баловать, закрывать глаза на множество его проступков. Когда же, рано или поздно, доходит до крайности, они спохватываются, но проявлять строгость боятся, поскольку не хотят повторения прежних диких сцен. В результате ребенок распоясывается, а родители совершенно запутываются, и, обвиняя себя, раздражаются на него. Или стараются с ним «не связываться», а по сути — отгораживаются, лишая ребенка полноценного общения и воспитания. При этом в той же семье могут быть другие дети (как правило, младшие), с которыми у матери с отцом не было изначально особых сложностей, и с ними отношения установились нормальные. Соответственно, и общаться, и хвалить их легче.

Что же делать?

— *Тем*, кто еще только на пути к материнству, — готовиться к нему заранее, благо сейчас во многих местах открылись курсы подготовки к родам, на которых будущие мамы узнают очень много полезного об уходе за малышом. Да и в литературе на эти темы сейчас нет нехватки, важно лишь выбрать что-то толковое. Кстати, родив несколько детей, вы не только себе, но и им облегчите в дальнейшем проблему установления детско-родительской связи. У молодых людей из многодетных семей (при условии, что они в свое время понянчили братишек и сестреноч, а не только с ними играли) уход за младенцем, как правило, не вызывает ни страха, ни особых трудностей. Для них это дело привычное.

Заранее нужно бороться и с собственным эгоизмом, лежащим в основе того, что ребенок воспринимается как обуза. Людям, привыкшим жить «для себя», трудно в одночасье перестроиться. Поэтому для плавности перехода стоит — часто даже через силу! — побольше заботиться о ближних, прежде всего о своих младших братьях, сестрах или племянниках, опекать больных и престарелых, помогать в уходе за чужими детьми (например, подруге или какой-нибудь многодетной семье). И вообще, заниматься не только тем, что интересно или приносит деньги, но и тем, что называет-

ся «служением». А то из жизни многих молодых людей это понятие практически полностью выпало. Тем, что их увлекает, они готовы заниматься часами, а на неинтересный, но необходимый домашний, бытовой труд сил никаких нет.

Тем же, кто уже обзавелся детьми, важно прежде всего поверить, что ситуация поправима. Конечно, раннее нарушение детско-родительской связи для ребенка — огромная травма, и полностью изгладить ее последствия не всегда возможно. Но из этого не следует, что надо продолжать в том же духе! Разобравшись в ситуации, нужно сломать привычный сценарий. Поняв причины своего раздражения или отчуждения, сдерживать свои неправильные реакции, бороться и с собой, и с тем, что вам мешает в ребенке.

Конечно, трудным детям необходимо ставить четкие и достаточно жесткие рамки. Не стоит верить безответственным призывам принимать их «такими, какие они есть». Следование подобным призывам, как правило, плохо кончаются и для ребенка, и для родителей, и для многих других людей, страдающих впоследствии от его безобразий. Однако фон, на котором происходит воспитание, обязательно должен быть позитивным. Надо гораздо больше фиксироваться на хорошем, а не на плохом, стараться увидеть в ребенке максимум достоинств. До трех лет, говорят психологи (например, И. Л. Ботнева —

один из ведущих наших специалистов по половозрастному развитию детей и подростков), ребенок обязательно должен слышать от матери, что он самый лучший, что все у него отлично. Иначе у него возникает отторжение себя, развивается комплекс неполноценности, зажатость, неуверенность, агрессивность. Могут возникнуть и проявления аутоагрессии.

Если происходит так называемый «перенос» — когда ребенок напоминает отца, с которым не сложились отношения и потому напоминание о нем мучительно, — старайтесь изменить угол зрения, увидеть в ребенке свои черты, что-то общее с вами. А на различное усилием воли закрывайте глаза. Не сразу, конечно, но со временем у вас произойдет перестройка восприятия, и то, что раньше выпячивалось, буквально вопияло, уже не будет так заметно. Это как человек, надевший темные растровые очки с дырочками, сперва ничего не видит, а затем глаза привыкают глядеть сквозь это мелкое решето и уже не замечают перегородок. А с годами, когда страсти улягутся, вполне может стать так, что и черты, роднящие сына или дочь с отцом, уже не будут казаться такими неприемлемыми, какими казались вначале.

Тем же, кто угнетается сходством ребенка с собой и в связи с этим прочит ему мрачное будущее, тоже имеет смысл пересмотреть свои взгляды: увидеть в ребенке что-то отличное от себя (в конце концов, он же не ваш клон!), а

также найти в себе, в своей жизни не только отрицательные стороны. Подмечая свои мелкие недостатки, человек порой не видит гораздо более важного — того, что, впадая в уныние, он начинает роптать на Бога. Мне неоднократно встречались женщины, судьба которых складывалась в общем-то очень удачно. Господь дал им верного, работающего мужа, двух, трех, а то и четырех смышленных, здоровеньких ребятишек. Сейчас, когда столько бесплодных пар, столько пьющих, безответственных мужчин и детей с пороками развития, это огромная удача — иметь полную, тем более многодетную семью. Но женщины считали себя несчастными, несостоявшимися личностями. А родственники вместо того, чтобы их переубедить, наоборот, подливали масла в огонь. Бабушка, в свое время родившая только одного ребенка и «горевшая» на работе, попрекала дочь тем, что она «как крольчиха» — нарожала и теперь губит свою жизнь, а могла бы жить интересно, содержательно, быть уважаемым человеком, профессионалом. Дедушка, с которым бабушка давно развелась, выражался не столь категорично, но тоже был разочарован, что дочь «ничего не добилась». А тут еще и подруги: у одной своя фирма, другая работает в крупной компании и огребает кучу денег, третья зарабатывает немного, но зато защитила диссертацию. Короче, у всех все нормально, только одна она недотыкомка...

Иногда в подобных случаях бывает достаточно просто ободрить маму, сказать ей, что как раз она-то уже состоялась и что дети нисколько не мешают самореализации, а напротив, дают массу возможностей раскрыть свои таланты — педагогические, художественные, литературные, музыкальные и проч.

В других случаях, чтобы вывести мать из депрессии, требуется более глубокая психологическая работа, а то и помощь психиатра. И, конечно, серьезное духовное окормление.

С раздражением и гневом тоже нужно бороться прежде всего на духовном уровне. «Когда видишь враждующего против тебя, и приходит тебе на мысль все, что претерпел или выслушал ты от него прискорбного, то старайся это забыть, а если остается в памяти, припиши все диаволу, — учит преподобный Нил Синайский. — Собери же в мысли, что сказал или сделал полезного когда-либо такой человек, и если остановишься на этом припоминании, то весьма скоро успокоишься, избавившись от своей суровости и от ожесточения» («Настольная книга для монашествующих и мирян», Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2004, стр. 347). Мы, например, на наших занятиях часто просим родителей составить «лестницу достоинств» своего ребенка: на верхней ступеньке указать самое, по их мнению, ценное, на нижней — что-то хорошее, но, может быть, не самое важное. Задание легкое, ведь в своем

ребенке обычно видишь массу положительных черт. Но для тех, кого дети раздражают, это бывает совсем непросто. Порой мать со вздохом признается, что она вообще ничего хорошего указать не может. (К счастью, такая категоричность встречается все-таки редко.)

Борясь с раздражительностью, полезно вести дневник, приучать себя к самодисциплине, записывая туда случаи, когда не удалось сдержаться. А успокоившись, анализировать происшедшее, пытаться разобраться, в какой момент ситуация вышла из-под контроля и как можно было ее удержать. Часто бывает, что родители слишком долго терпят детские выходки, раздражение постепенно накапливается, и, наконец, они в гневе обрушиваются на ребенка. В подобных случаях лучше до взрыва не доводить, а наказывать раньше, пока вы еще сохраняете самообладание. А где-то, может быть, и уступить (опять-таки пока ситуация не успела накалиться), ведь нередко и родитель проявляет излишнюю принципиальность, желая, чтобы все было, как ему хочется. И тогда, как говорят, нашла коса на камень.

Часто имеет смысл идти не только от внутреннего к внешнему, но и, наоборот, от внешнего к внутреннему. Человеку, привыкшему разговаривать вежливо, тяжело наругать, даже когда его совсем вывели из себя. А если все же сорвется — в душе потом долго сохраняется мутный осадок. Противно... Так и с раз-

дражением. Привыкнешь общаться доброжелательно, держать себя в руках — и раздражение будет таким же недопустимым, как грубость и хамство. В конце концов, недовольство можно выразить и культурным образом. Тем более что суровый, но спокойный тон (вкуче с «оргвыводами») отрезвляет непослушных детей эффективней, чем истерические вопли, которыми обычно завершается приступ раздражения. Истерика — это оружие слабых. А если ты слабый, то с какой стати тебя слушаться, когда самому охота покомандовать?

В гневливости и раздражительности надо, конечно, каяться на исповеди, прося у Бога помощи, а у духовника — совета, как бороться с этими грехами. Результат не всегда бывает скорым, но если не отступать, Господь обязательно поможет. Как именно осуществится Его помощь, нам знать не дано. Кто-то просто постепенно утихомиривается, с кем-то происходят некие знаменательные события, меняющие привычный порядок вещей. Иногда человеку необходима очень даже приличная встряска, чтобы он, наконец, опомнился и остановился. Одну мою знакомую сын жутко раздражал своей вредностью, занудством, истеричностью. Никакие «рецепты» ей не помогали или помогали временно. А потом — мальчик уже был подростком — на него напали на улице хулиганы и чуть не убили. Он долго лежал в больнице, а когда выписался, то некоторое время

вел себя еще хуже, чем до этой печальной истории, поскольку полученная черепно-мозговая травма отнюдь не способствовала гармонизации его психики. Но мать больше не раздражалась, хотя и не позволяла ему делать все, что заблагорассудится. Даже наоборот, в чем-то Елена стала более строгой и последовательной. А вот раздражение как рукой сняло, безо всяких приемов саморегуляции.

— Это мне Бог помог, — отвечала она на недоуменные вопросы друзей, помнивших, как Лена совсем недавно «заводилась» с пол-оборота.

Душа обязана трудиться

Современный технократический мир вообще не способствует умножению любви. Меньше живого общения, больше психических перегрузок. Родственники, друзья сильно устают, видятся редко. Даже болезнь такая появилась — «синдром хронической усталости». А тут еще у многих родителей наблюдается, если можно так выразиться, «синдром хронической недолюбленности»: их самих в детстве отвергали, мало ласкали, слишком строго оценивали. А, может быть, и не отвергали, но из-за семейных обстоятельств рано сдали в «казенный дом» — ясли, сад, потом на продленку в школе. В результате у взрослых нет навыка полноценного родительского поведения. Они устают от детей

и спешат передоверить их другим людям. При чем происходит это зачастую бессознательно, поскольку самим родителям такое материнско-отцовское поведение было продемонстрировано очень рано и запечатлелось на уровне импринтинга, первообраза. Почему и преодолевать неправильный стереотип бывает труднее — слишком глубоко он застрял в памяти. Но трудно — не значит невозможно. Просто придется приложить больше усилий, однако взрослого человека это не должно пугать. Если мы даже детей учим преодолевать трудности, то взрослым тем более необходимо показывать им пример.

И первое, что надо сделать — это осознать (сердцем, а не на словах!), насколько страшно для ребенка отвержение матери. Ничто не может заменить материнской любви. Конечно, с годами острота детских переживаний притупляется, но все равно это незаживающая рана, и никогда не знаешь, что ее разбередит. У отверженного ребенка может возникнуть множество фобий и комплексов, у него нередко развивается неприятие себя, своей внешности, личности. Подавленность перерастает в депрессию. Постоянное и при том во многом необоснованное (поскольку родители к нелюбимым детям пристрастны) чувство вины вызывает озлобленность, внутренний протест. У кого-то он так и остается внутренним, угнетая психику, у других — выплескивается наружу в виде

агрессивных вспышек, уходов из дому, ранней сексуальности, демонстративных, хулиганских выходов. Хроническое чувство неудовлетворенности, мучительное одиночество глушатся компьютерными играми, спиртным, любовными связями, от которых потом остается еще большее чувство одиночества и опустошенности, наркотиками, а то и попытками самоубийства. Поняв весь ужас такой перспективы, нужно просить Бога, чтобы Он разорвал этот порочный круг нелюбви, и самим упорно стараться преодолеть грех окамененного нечувствия, нередко передающийся в семьях из поколения в поколение. В современном мире, где столько людей живет без любви, потратив массу сил на ее поиски, но так никогда и не встретив, любовь к ребенку — это для многих единственный шанс кого-то полюбить по-настоящему. Не упускайте его, трудитесь. Ведь любовь — не только дар, но и труд. А там, глядишь, душа раскроется и вместит. И окажется, что хвалить, ласкать, любоваться очень легко. Даже будет непонятно: как это раньше не получалось?

О капризах

О детских капризах замолвите слово...

До появления на свет второго ребенка я была уверена, что детские капризы — явление совершенно естественное и нормальное. Что иначе просто не бывает. Это вроде бы подтверждал и мой собственный детский опыт, и наблюдения за другими детьми.

Хотя подозрение в том, что дело все-таки может обстоять иначе, начало закрадываться в мою голову еще до рождения дочки, во время учебы в Университете дружбы народов. Студенты-иностранцы (как, впрочем, и мы) курсе на втором — на третьем принялись обзаводиться семьями. Но, в отличие от нас, у них не было под боком бабушек и дедушек, которые могли бы ухаживать за народившимися детьми. А отправлять малышей в далекую Африку или Латинскую Америку почти никто не хотел. Поэтому детей воспитывали сами. Конечно, иностранцев очень выручали наши ясли, но на пятидневку решались не многие, и практически все свободное от учебы время молодые родители

ли проводили с маленькими сыновьями и дочками. Но при этом не сидели безвылазно в общепитии, не отключались от веселой студенческой жизни, брали детишек с собой на многочисленные национальные праздники и вечера, которыми тогда любило занимать студентов университетское начальство. Часто ходили с малышами в гости, засиживаясь там допоздна. А латиноамериканцы — народ в то время очень политизированный — приводили (а то и приносили!) сыновей и дочек на свои многочисленные собрания и митинги. И НИГДЕ ЭТИ ДЕТИ НЕ КАПРИЗНИЧАЛИ, НИКОМУ ОНИ НЕ МЕШАЛИ.

Потом мне довелось побывать в Мексике, и там я тоже могла подолгу наблюдать за поведением ребятишек. В том числе самого нежного возраста. Оказалось, что не только вдали от родины, но и дома многие латиноамериканцы живут по принципу «*omnia mea mecum porto*» («все мое ношу с собой»). В том смысле, что они и там приходили в гости с малышами, не оставляя их с бабушками даже по вечерам. Или, может, мексиканские бабушки к тому времени настолько эмансипировались, что уже массово отказывались сидеть с внуками? Не знаю. Я как-то этот вопрос тогда для себя не прояснила...

Помню, одна малышка на моих глазах сделала свои первые самостоятельные шаги, к вящему восторгу многочисленной публики, явившейся поглядеть на заморское чудо — сиречь,

на меня. Дело было в 1990-м году, когда наши люди только начали более или менее свободно выезжать за границу по приглашениям, и подавляющее большинство приятелей моей мексиканской подруги, у которой я гостила, русских в глаза не видели. Так что всем было интересно познакомиться, пообщаться. Нас с подругой постоянно приглашали в гости, и везде, куда бы мы ни приходили, оказывалось довольно много детей. Но общения взрослых это ни сколько не нарушало, потому что дети были, а капризов (тем более, скандалов и истерик) не было! Если какой-нибудь малыш начинал хныкать, его быстро успокаивали, отвлекали, укладывали спать или уводили домой. В общем, никаких особых эксцессов, связанных с детскими капризами, я не припомню. Хотя слово «капризный» в испанском языке есть, и про кого-то говорили, что он «caprichoso». Но вот уж действительно, все познается в сравнении...

Осмысливая эти впечатления (а также мой собственный родительский и профессиональный опыт), я постепенно приходила к выводу, что в драме под названием «Детский каприз» ведущая роль принадлежит отнюдь не ребенку. Он только кажется здесь главным героем, который вьет веревки из остальных членов семьи, периодически ставя их в тупик своим напором и непредсказуемостью. В реальности главный действующий персонаж — это взрослый (прежде всего мама). И от него зависит не только

выход из пиковой ситуации, но и ответ на sacramентальный вопрос «быть или не быть детскому капризу?» Хотя ребенок — тоже не безвольная марионетка в руках взрослого кукловода. У каждого малыша свои особенности психики, свой темперамент и характер. Есть дети более раздражительные, истеричные, есть более уравновешенные.

Но для начала необходимо уточнить, что же все-таки это такое — детский каприз. В литературе по психологии и воспитанию даются немало разные определения, однако особых разногласий на данную тему, по-моему, не наблюдается. Владимир Даль в своем «Толковом словаре» говорит, что в переводе с французского это «упрямство, упорство, причуда, привередливость, прихоть». Современные определения более научнообразны, но суть не меняется. Под капризом понимают необоснованное сопротивление советам и требованиям окружающих, стремление во что бы то ни стало настоять на своем, сопровождающееся всплеском негативных эмоций, плачем и двигательным возбуждением, подчас принимающим форму истерики. Маленький ребенок может при этом упасть на пол, стуча по нему руками и ногами, или броситься с кулаками на «обидчика». Обычно капризы проявляются в отношениях с близкими, хотя сейчас, в связи с выраженным ростом вседозволенности и неизбежно сопутствующей ей неуправляемости, многие дети не церемо-

няться и с «дальними». Нередки случаи капризов с педагогами, особенно с репетиторами. «А мы Вам деньги платим!» — может заявить ребенок, наивно полагая, что это дает право вести, как ему вздумается. И даже совершенно посторонним людям порой закатывает истерику, требуя уступить ему место в автобусе или запрещая врачу, психологу, знакомой, встретившейся на улице, разговаривать с мамой («Это МОЯ мама!»)

Может ли капризничать грудничок?

« Уто за странный вопрос? Конечно, да! И еще как!» — наверное, воскликнут родители крикливого крохи, не забывшие бессонных ночей и бесконечного, изнурительного укачивания. Только отойдешь от кроватки, а сын, как Ванька-встанька, опять вскочил (если уже научился вставать) и надрывно требует внимания. «Да уйми же ты его, наконец! — нередко слышит в таких случаях мать от уставших родственников. — Что он у тебя раскапризничался?» То же обычно говорят, когда кроха не дает себя переодеть, или, будучи явно голоден, выплевывает еду.

Но на самом деле это вовсе не капризы, а нормальное для младенца выражение беспокойства. Говорить он еще не умеет, вот и кричит, призывая на помощь, жалуясь и т. п. Для него крик — то же, что для нас речь. И если по-

ставить себе цель разобраться, в чем дело, то окажется, что грудничок никогда не кричит «просто так», показывая характер. Причины могут быть очевидными и не очень, но они есть всегда. Многие груднички очень чувствительны и к перемене погоды, и к смене обстановки, и к сбою в режиме дня, и к конфликтам между членами семьи.

Вспоминаю забавный случай из собственной материнской практики. Ожидая первенца, я усердно штудировала книгу доктора Спока. Личного опыта воспитания детей у меня, естественно, не было никакого, поэтому я все принимала на веру. И главное, далеко не всегда могла правильно применить вычитанные советы, в чем мне пришлось убедиться вскоре после выписки из роддома. Мы уже легли спать, как вдруг Филипп раскричался. В чем дело? Вроде бы не голодный, сухой. Может, животик болит? Но у кого спросить совета? На дворе глухая ночь. Хватаюсь за «палочку-выручалочку» (Спока) и вычитываю, что у младенцев бывает «регулярный сердитый плач», на который надо реагировать спокойно. Если на руках новорожденный затихает, то можно пойти ему навстречу. Но если он и на руках плачет, то лучше положить обратно в кроватку, чтобы не приучать к рукам. Ничего, порыдает — и перестанет. Хотя у некоторых детей периоды такого беспричинного сердитого плача, предупреждал американский доктор, могут растя-

нуться аж на полночи... Я креплюсь, однако нервы на пределе. Не то, что полночи, а еще полчаса, пожалуй, не выдержу, сама зайдусь в отчаянном плаче. И тут... до меня доходит, что мы с мужем лежим под двумя одеялами, а малыша я накрыла легким покрывальцем, решив, что раз он в пеленках, то не надо его кутать! Я пулей лечу к кровати, накрываю сынишку шерстяным одеялом, и он затихает. Ничего себе «беспричинный» плач! Бедняга замерз, как цуцик...

А вот история, произошедшая недавно с другим младенцем. До 4,5 месяцев он спокойно засыпал в кровати. Потом попал в больницу, и через неделю его было не узнать. Он стал пугливым, чутко реагировал на малейший звук и перед засыпанием неизменно раздражался пронзительным плачем. Что это? Капризы? Конечно, нет. Не капризы, а последствия сильнейшего стресса, испытанного малышом в больнице. Нервная система перенапряжена. Чтобы привести ее в норму, требуются время, заботливый уход и грамотное лечение. (В данном случае быстро помогла гомеопатия.)

С раннего детства важно строить взаимоотношения с ребенком, учитывая его психические особенности. Скажем, возбудимый, чрезмерно активный малыш требует повышенного внимания матери. Его нужно постоянно держать в поле зрения, больше с ним разговаривать, усиленно привлекать к каким-то разви-

вающим играм и целенаправленной деятельностью (разумеется, в соответствии с возрастными возможностями). Но ведь внимание мамы может быть как со знаком плюс, так и со знаком минус! И гиперактивный малыш нередко получает именно второй вид внимания, по сто раз на дню слыша окрики и команды с частицей «не» («не трогай!», «не бери», «не лезь» и т. п.). А ему, может быть, как никому другому нужна эмоциональная поддержка! Между малышом и мамой возникают взаимное непонимание, раздражение. В результате он становится еще более беспокойным. Это еще не капризы, но если мать будет и дальше общаться с ним аналогичным образом, то когда ребенок чуть подрастет, капризы сделаются для него одним из главных способов манипулирования окружающими.

Свободное воспитание и профилактика капризов

взрослея, дети не только подстраиваются под окружающий их мир, но и пытаются подстроиться его под себя. Наблюдая за реакцией близких, они довольно быстро распознают, что на кого и как действует. И начинают вести себя с разными людьми по-разному. Плач для них уже не только средство выражения дискомфорта и прочих отрицательных эмоций, но и способ достижения тех или иных целей. И тут

очень многое зависит от взрослых. Если позволить ребенку манипулировать окружающими путем слез и истерик, то детские капризы начнут регулярно омрачать жизнь семьи. Как же избежать такого развития событий?

Некоторые родители избирают тактику уступок: чтобы ребенок не огорчился и не капризничал, разрешают ему фактически все. Опасные предметы убирают, слово «нельзя» стараются не произносить, на непослушание закрывают глаза. Но через некоторое время оказываются в тупике. Чем старше становятся дети, тем разнообразнее делаются их желания. И, естественно, далеко не всегда, как выражались в популярной кинокомедии, «наши желания совпадают с нашими возможностями». Не привыкший к самоограничению ребенок часто попадает в стрессовую ситуацию. Даже если дома ему по-прежнему позволено что угодно, в других местах он не может вести себя, как заблагорассудится. И это вызывает у него протест. В 2-3 года, когда дети еще совсем не умеют сдерживаться, такой протест может ярко выражаться и на людях. Ребенок закатывает истерику в магазине или, не желая уходить с прогулки, с криками валится на землю, брыкается, вопит на всю улицу. Уход из гостей, поход в цирк или в парк, поездка в транспорте, не говоря уж о посещении врача или о каких-то учебных, развивающих занятиях — все превращается в проблему. В любой момент ребе-

нок может раскапризничаться, родители живут в постоянном напряжении, обстановка в доме нервная, отношения разлажены. Это еще сильнее повышает тревожность и раздражительность капризули, в результате чего у него может развиться невроз. Рано или поздно взрослые, как правило, приходят к выводу, что их уступчивость (точнее, баловство и потакание) идут ребенку во вред. Однако сами отнюдь не всегда уже могут изменить сложившиеся стереотипы поведения и уменьшить нервозность ребенка. Приходится обращаться к психологу, а то и к детскому психиатру, пить лекарства. Но и лекарственные препараты не снимают с повестки дня вопрос о необходимости установления рамок поведения и приучения ребенка хоть к какой-то саморегуляции. Без этого хороших, устойчивых результатов не добьешься.

Причем, дети бывают очень рады, когда взрослые не дают им безобразничать! Хотя нынче нередко можно услышать прямо противоположное: дескать, чем запретнее плод, тем соблазнительней будет он для детей. И вообще, дети теперь другие: свободные, раскрепощенные. Они не терпят давления, ненавидят дидактику. Запрещать им ничего не нужно, потому что будет только хуже. Однако в жизни я на протяжении многих лет вижу обратную картину. Да, бывают отчаянные негативисты, которых постоянно подмывает сделать что-то на-

перекор. Бывает и выраженная тяга к хулиганским поступкам, рано проявившаяся девиантность. Но, во-первых, среди маленьких детей так ведут себя (по крайней мере, по моим наблюдениям) пока еще единицы. Отклоняющееся поведение гораздо чаще встречается у подростков. А во-вторых, девиантность (страсть к поджогам, побегам, воровству, сексуальная расторможенность и проч.) обычно не свидетельствует о хорошем психическом здоровье. Заметив ее у ребенка, имеет смысл показать его врачу и, если тот посоветует, полечить. Что бы ни говорили противники запретов, девиантное поведение ненормально, и оправдывать его, подводя философскую базу, не стоит. Сами дети, когда их состояние немного улучшается и они становятся способны более или менее адекватно воспринимать происходящее, говорят, что они стараются вести себя хорошо, но на них как словно что-то «находит». Будто это не они, а кто-то другой действует за них. Будто чья-то злая воля толкает их к гадким выходкам. Для верующего человека понятно, что тут вполне могут быть и духовные корни.

Однако большинство детей, слава Богу, не находится в столь болезненном состоянии, когда человека неудержимо тянет ко злу. И когда взрослые начинают устанавливать рамки дозволенного, ребенок достаточно быстро с этим свыкается. Дети вообще любят правила (недаром они бывают так возмущены, когда в игре

их кто-то пытается нарушить), любят дидактику. Они не любят занудства — это правда. Но кому оно по нраву, кроме самих зануд? И еще, конечно, дети не любят, когда их унижают. Но этого (пожалуй, в еще большей мере), не любят и взрослые. А правила можно и нужно устанавливать, как говорится, «вежливо, но твердо».

И даже если бы дети не любили правила, от них все равно нельзя отказываться! Конечно, сообразуясь с возрастом и уровнем развития детей, их мнение нужно учитывать. Но оно не истина в последней инстанции. Ребенок далеко не всегда понимает, что для него полезно, а что нет. Многие ли дети любят уколы и другие не особо приятные медицинские манипуляции? И если лечить ребенка, исходя из его детских вкусов и желаний, то эффективной медицинской помощи малыш не получит. (Хотя, конечно, лучше, по возможности, дать не откровенно горькое лекарство, а пилюлю в сладкой облатке). Точно так же и в воспитательных вопросах нельзя ставить мнение ребенка во главу угла. Сравнение с медициной тут не просто метафора. Педагогические ошибки порой отражаются на здоровье ребенка не менее пагубно, чем неправильное лечение. С темой нашего разговора это связано напрямую, поскольку при «свободном воспитании», подразумевающим отсутствие требований со стороны взрослых, у ребенка не формируется тормозной процесс, умение умерять свои желания и порывы.

вы. А ведь без этого невозможно формирование здоровой психики! В результате нормальное психическое развитие начинает задерживаться, часто возникают расторможенность и серьезные проблемы с концентрацией внимания. Это, в свою очередь, затрудняет социализацию и обучение ребенка. Неудачи расстраивают и невротизируют его еще больше, перевозбуждение растет, выливается в капризы, истеричность, нервные срывы.

Поэтому, чтобы предупредить капризы, детские психиатры советуют своевременно приучать детей к некоторому самоограничению. К году или чуть позже ребенок должен обязательно знать слово «нельзя». Причем, не просто знать, а адекватно на него реагировать: услышав запрет, остановиться, хотя бы на время перестать делать то, что взрослый не разрешает. Это один из важных показателей нормального торможения, нормального психического развития ребенка (и, кстати, залог его безопасности). Для выработки такой реакции у родителей слова не должны расходиться с делами. Когда же мама с папой, выражая недовольство, все-таки позволяют малышу добиться нарушения запрета, они фактически дают ему установку на непослушание. Причем их недовольство играет в данном случае деструктивную, антивоспитательную роль! Ребенок видит, что можно не слушаться даже тогда, когда мама с папой явно сердятся или огорчаются. То есть он

сызмальства привыкает плевать и на слова, и на чувства родителей. Привыкает жить без тормозов и ставить свои желания превыше всего на свете.

Поэтому если вы сказали ребенку «нельзя», необходимо добиться выполнения запрета, невзирая на капризы и истерики. А в другой раз, если ребенок и сам уже воздержится от того, что вы не разрешаете, обязательно его похвалите, приласкайте, подкрепите правильное поведение.

В младенческом возрасте приучение ребенка к режиму и, в частности, кормление по часам, а не по требованию, тоже способствует выработке у него начатков терпения. Конечно, в первые месяцы жизни младенца лучше кормить по требованию, поскольку у всех разные особенности, и надо к ним приноровиться, чтобы младенец нормально прибавлял в весе, спокойно спал, как можно меньше тревожился. Да и впоследствии обязательно нужно учитывать его индивидуальность, состояние и другие моменты. Нельзя, чтобы он надрывался, а мама принципиально выдерживала положенные минуты. Но с ростом выносливости малыша, надо потихоньку приучать его к режиму.

Святитель Феофан Затворник в книге «Путь ко спасению» предупреждал: «Где кормят дитя всякий раз, как оно заплачет, и потом всякий раз, как оно запросит есть, там до того расслабляют его, что после оно уже не иначе, как с бо-

лезню может отказаться от пищи. Вместе с тем оно привыкает к своенравию оттого, что успеваает выпрашивать или выплакивать все желаемое».

Маму бить нельзя!

После года, научившись как следует ходить и, соответственно, получив гораздо большую, чем раньше, свободу перемещений и познания мира, ребенок начинает стремительно осваивать и область человеческих взаимоотношений. Он пытается понять границы дозволенного, пробует родителей на крепость. Что будет, если покричать? Уступят или нет? Очень скоро капризы могут выражаться уже не только плачем и криками. В них появляется и «агрессивная составляющая». Не получив желаемого, ребенок пытается драться, кусаться, швыряет вещи. Происходит это не потому, что дети злые, а потому, что они импульсивные. Торможение пока слабое, свое недовольство они выражают немедленно и, зачастую, бурно. Реагировать на это надо спокойно, не раздражаться, не расстраиваться, не обижаться. Однако и всем своим видом, и словами, и, главное, действиями надо показывать, что такие выходки недопустимы. К сожалению, сейчас многие родители последним (действиями) пренебрегают. В лучшем случае ограничиваются строгим выговором, за которым не следует никаких реальных

последствий. И, естественно, ребенок, не привыкший умерять свои желания, в следующий раз ведет себя точно так же.

«Но что с ним делать? Не могу же я в ответ тоже драться!» — порой восклицает мама, предварительно рассказав, как ее крошка-сын, чуть что не по нему, бьет ее, норовя ударить по лицу.

Начав говорить, такой малыш может уже не только драться, но и обзываться, прогонять «плохую» маму или бабушку.

«Кыш, бабка! Кыш!», — кричал двухлетний Алеша, зайдя в двери к матери. И бабушка, сидевшая с ним, пока ее дочь была на работе, покорно уходила в свою комнату. А мама, чувствуя себя виноватой за то, что оставила его на целый день, спешила приласкать сынишку и вообще никак не реагировала на эти выкрики. Таким образом, он получал мощное положительное подкрепление своей неблагодарности и грубости. И довольно быстро перенес их на других членов семьи, включая ту же маму.

Ответ же на вопрос «что делать?» прост и в то же время неоднозначен: не позволять, а если не слушается, то наказывать соответственно возрасту и особенностям психики. На одного малыша достаточно строго посмотреть, погрози́ть пальцем и сказать: «Маму бить нельзя!» Кого-то надо еще снять с рук, а кого-то подшлепнуть. Все это на самом деле не наказания, а скорее, символы наказаний. Шлепок по попе, укутанной памперсом, не причиняет ребен-

ку боли, но зато четко выражает отношение к его поступку. Слова же (особенно когда их много) часто не доходят до сознания малыша. Даже когда ребенок уже хорошо говорит, это не значит, что он все понимает и, главное, понимает, как надо. Ему необходимы иллюстрации сказанного, положительное или отрицательное подкрепление.

И Алеше, конечно, нельзя было позволять прогнать бабушку, как надоевшую курицу.

Причем, как ни удивительно, скорректировать поведение мальчика не составило большого труда. А ведь он к шести годам был доведен чрезмерной мягкостью взрослых до такого состояния, что впору было обращаться к психиатру. Мало того, что Алеша по несколько раз на дню закатывал истерики, но и само содержание его требований было каким-то странным, неадекватным. Например, он жутко скандалил на прогулке, требуя от бабушки, чтобы она разрешила ему вытаскивать из урн бутылки и разбивать их о стволы деревьев. Или рвался подбирать окурки, хотя вообще-то был брезглив и даже мороженое, которое обожал, отказывался доедать, если родители или братишка откусили от него кусочек.

Естественно, не следует ожидать, что маленький ребенок с одного раза воспримет запрет на агрессию по отношению к взрослым членам семьи и будет неизменно его выполнять. Но он должен с малолетства внушаться

ребенку как важнейшая установка. И, уверяю вас, если вы будете последовательны, ребенок усвоит его достаточно быстро. Между прочим, установка «маму (и других взрослых) бить нельзя» в значительной степени снимает и проблему капризов, которые особенно бурно развиваются на фоне «партнерских отношений», когда в семье не соблюдается иерархия «взрослый — ребенок». Ее отсутствие, кстати, отражается и в вышеприведенной реплике мамы: «Не могу же я с ним драться». Дерутся равные, а родитель ребенка наказывает. Даже если ребенка уже распустили настолько, что он в ответ на попытку наказания дерется, все равно нельзя рассматривать происходящее в категориях «бытовой драки». Вы караете, наказываете, призываете к порядку (назовите, как вам больше нравится), а он — пытается сопротивляться. И такая попытка физического сопротивления обязательно должна быть подавлена, чтобы впоследствии он, набравшись сил, действительно не затевал с вами драк.

Что еще способствует развитию капризности?

Об одной важной ошибке родителей предупреждал еще апостол Павел в Послании к ефесянам. Давая наставления христианам, как им вести себя с близкими, он обращается к детям со словами: «Дети, повинуйтесь своим родите-

лям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле». Но тут же указывает и родителям пределы их власти, дабы она не превращалась в тиранию и самодурство: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф. 6, 1-4).

Это очень важное указание, поскольку порой родители действительно раздражают детей придирками, шагу не дают ступить без указаний, не терпят никаких возражений и стремятся, не сообразуясь с обстоятельствами, непременно настоять на своем. И если ребенок (особенно мальчик) схож характером с таким родителем, очень быстро возникает конфликт. При этом «в учении и наставлении Господнем» детей не воспитывают, а подают пример мелочного упрямства и своеволия. Подрастая, ребенок, естественно, перенимает эту модель, а взрослые винят друг друга или разводятся руками: в кого он такой капризный и своенравный?

А начинается все с пустяков. К примеру, многие боязливые, ранимые малыши не хотят идти на руки к чужим. А в присутствии мамы (или, наоборот, папы, которого они целый день не видели) могут проявлять беспокойство, когда их берет на руки даже кто-то из своих: бабушка, дедушка, дядя и проч. Зная эту особенность ребенка, не надо лишний раз его раздра-

жать. В данном случае лучше не провоцировать капризы и не подкреплять модель демонстративного поведения (малыша берут на руки, а он вырывается и с плачем тянется к матери, получая в награду дополнительную порцию ласки). Любовь к ребенку можно выразить каким-то другим способом, не вызывающим у него протеста.

Или взять проблемы с засыпанием. Для дошкольников оно порой превращается в сущий кошмар. перевозбудившись к вечеру, дети часто не могут успокоиться, вертятся, вскакивают, становятся требовательными и плаксивыми. Если взрослые относятся к переживаниям ребенка, как к капризам, сердятся, а то и загоняют в постель ремнем (и подобный способ, увы, иногда используют даже мамы с психологическим (!) образованием), конфликт только усугубляется. Гораздо разумней отнестись к происходящему как к указанию на повышенную нервность ребенка. И, соответственно, пересмотреть распорядок дня так, чтобы вечер проходил максимально тихо и размеренно, избегать перед сном ярких впечатлений (многие врачи даже не рекомендуют читать таким детям на ночь волшебные сказки), шумных игр. Нередко к перевозбуждению примешивается еще и страх: ребенку снятся кошмары, перед сном лезут в голову страшные мысли. Далеко не всегда он делится своими переживаниями, а зачастую и не осознает их, испытывая лишь

какой-то безотчетный страх перед отходом ко сну. Тут опять-таки не надо еще больше раздражать малыша. Его психика и без того перенапряжена. Лучше попробовать выяснить, что поможет ему расслабиться. На кого-то хорошо действует теплая ванна, кто-то спокойно засыпает под бочком у мамы, для кого-то достаточно, чтобы она просто сидела в той же комнате, занимаясь своими делами. Не считать родительских свидетельств о том, что у ребенка прошли страхи, когда в семье появился обычай зажигать на ночь лампадку, крестить постель, читать вечернее правило и Псалтирь.

«Родители должны быть очень внимательны к тому, чтобы не ругать своих детей вечером, потому что вечером детям нечем рассеять свое расстройство, — поучал старец Паисий Святгорец. — А ночная тьма омрачает состояние их души еще больше. Дети начинают думать о том, как лучше оказать сопротивление родителям. В их головы лезут разные варианты «защиты», подмешивается и диавол, и таким образом они могут дойти до отчаяния» («Слова», т. IV, «Семейная жизнь», изд. дом «Святая Гора», М., 2004, стр. 118-119).

Еще одна типичная ситуация: мать с ребенком 6-10 лет пришла на консультацию или в гости и хочет, чтобы ребенок позанимался чем-то отдельно, дав ей поговорить. Если ребенок на все предложения игр, игрушек, книжек и проч. отвечает отказом и не желает «отлипнуть»

от мамы, необходимо проявить большую настойчивость (естественно, при условии, что у него нет запредельных страхов, но обычно в этом возрасте уже не наблюдается панического страха потерять маму из виду). Если же он согласился посидеть в другой комнате, но периодически заходит с какой-то просьбой (так часто ведут себя тревожные, возбудимые дети), не отказывайте и постарайтесь поскорее завершить разговор, чтобы не раздражать нетерпеливого ребенка. А потом похвалите его за терпение (пусть даже и минимальное!).

Распространенной педагогической ошибкой, вызывающей усиление капризности ребенка, является неуверенность родителей в правильности принятого решения. Это бывает и от недостатка опыта, и от стремления целиком положиться на специалистов. Такие родители (в основном, мамы) часто «перелопачивают» гору литературы по воспитанию, но от плюрализма мнений теряются, не зная, на чем остановиться. Доверия же к собственной родительской интуиции или к мнению бабушек-дедушек у них почему-либо нет. Отказав ребенку, они тут же чувствуют себя виноватыми, не могут настаивать на выполнении своих требований, мечутся, оправдываются, а то и идут на попятную, когда ребенок закатывает истерику. Ребенок же, чувствуя неуверенность взрослых, пытается ими манипулировать, быстро соображает, что истерика — неубиенный козырь, и начинает

им пользоваться все чаще. Психика его от этого, естественно, не укрепляется. Родители, и без того склонные во всем сомневаться, окончательно запутываются. А в подобных случаях и вправду уже бывает нелегко определить, только ли это «капризы баловня», или же у ребенка есть какая-то нервно-психическая патология.

Поэтому, чтобы не содействовать развитию капризности, взрослым надо держаться уверенно и дружелюбно. Осознав свои промахи (от которых никто из нас не застрахован), лучше их просто впредь не повторять, а не оправдываться перед ребенком, как школьник перед грозным учителем. И, тем более, не заискивать, не задабривать капризулю в надежде, что он сменит гнев на милость. Все это внушает ребенку ложные представления о распределении ролей в семье и подсказывает модель поведения капризного деспота.

Конечно, если он очень огорчен вашим отказом, его можно утешить и — в награду за выдержку и мужество! — дать какой-то утешительный приз. Но при этом ребенок должен видеть, что истерик вы не боитесь и капризами он желаемого не добьется. Наоборот, от капризов будет только хуже.

Капризность развивается и в результате гиперопеки. Чрезмерная забота и внимание тоже перенапрягают детскую психику. Кому-то это, наверное, покажется странным. Сейчас гораз-

до популярнее мотив, что родителей мало волнует внутренний мир их детей. И во многих случаях это действительно так. Однако среди родителей, которые обращаются к нам и вообще интересуются вопросами воспитания, все же явный перевес тех, кто уделяет детям намного больше внимания, чем уделяли в свое время им самим. Они часто спрашивают, в чем тут дело, чего их чаду еще не хватает. Ведь кроме птичьего молока у него, казалось бы, все есть. Но гиперопека не дает ребенку нормально взрослеть, провоцирует, с одной стороны, инфантилизм, нежелание вести себя ответственно, а с другой, протестные реакции, самоутверждение путем все тех же пресловутых капризов. И потом, постоянно находиться в фокусе внимания окружающих очень утомительно даже для взрослого человека. Рано или поздно захочется отдохнуть, побыть одному. А ведь взрослые лучше выносят психические нагрузки, да и эмоционально меньше зависят от других людей. Почти любой родитель без труда припомнит, как после «нашествия» гостей, череды праздников, капризность детей усиливалась, и требовалось время, чтобы жизнь вошла в нормальное размеренное русло. Хотя, казалось бы, все было только со знаком плюс: подарки, ласки, похвалы, разные увеселения и забавы...

А бывают так называемые «капризы безнадзорного». Они возникают либо когда ребенок

предоставлен сам себе и не получает опеки, необходимой в его возрасте, либо когда опека осуществляется формально, а на самом деле взрослые к ребенку равнодушны. Очень часто «капризы безнадзорного» проявляются в семьях, где отсутствует последовательная система поощрений и наказаний. Отсутствует там обычно и глубокое понимание ребенка, нет интереса к его внутреннему миру. Он воспринимается как «проблема», порой даже как досадная помеха. И он действительно мешает: не дает маме поговорить с папой, когда тот приходит с работы, в гостях ведет себя безобразно, портит настроение на прогулке. Только первично здесь не его поведение, а отношение взрослых. Депривация, то есть нехватка любви и поддержки, наверное, как ничто другое разлаживает поведение ребенка. И без изменения отношения к нему (а также без установления подходящей для данного конкретного ребенка системы поощрений и наказаний, которые как раз и служат наглядными ориентирами в поведенческих вопросах) с капризами побороться очень трудно.

Часто дети растут капризными и в семьях, где нет согласия в вопросах воспитания. Ребенок в такой семье становится объектом манипуляций. Мама наказывает, бабушка тут же: «Иди ко мне, миленький, я тебя пожалею!» А то и дискредитирует мать в глазах ребенка, выставляя ее неумехой и психопаткой.

Да и мама, на словах измученная детскими капризами, мало того, что сама не устанавливает ребенку твердые границы, но и не дает это сделать другим, «защищает» ребенка от папы и прочих родственников. А бывает (в последние годы все чаще) и наоборот: папа фигурирует в роли «защитника», мама — «агрессора». Разногласия родителей — один из сильнейших факторов, травмирующих психику ребенка. И даже если ссор при ребенке (и из-за ребенка) нет, а есть разнобой в требованиях, это все равно непомерная нагрузка на нервную систему малыша. Чтобы привыкнуть к каждому воспитателю, всякий раз требуется определенная психическая перестройка. Многие дети этого не выдерживают. Недаром даже в более позднем возрасте, в начальных классах, ребят почти по всем предметам учит одна учительница. А когда в средней школе появляются учителя-предметники, для психически неустойчивых детей это серьезный стресс, часто влекущий за собой снижение успеваемости и ухудшение поведения. Малышей же такая психическая перестройка особенно утомляет, может привести к капризам и срывам.

В кризисные периоды развития, когда ребенок становится особенно чувствительным к оценкам взрослых, капризы могут усиливаться. И тогда очень многое зависит опять-таки от вашей реакции. Не потворствуя вседозволенности, нужно, тем не менее, расширять поле са-

мостоятельности ребенка, смягчать острые углы, **НЕСКОЛЬКО** снижать требования, делая поправку на нервозность и утомляемость ребенка, по возможности, устранять факторы, провоцирующие капризность и раздражительность. (Полностью исключить, к примеру, просмотр телевизора и компьютерные игры, которые очень сильно ослабляют, астенизируют детскую психику.) И, конечно, надо стараться понять ребенка. Но не допытываться, чего ему не хватает, почему он так себя ведет. Истинного ответа вы, скорее всего, не получите, поскольку ребенок и сам не знает, что с ним творится. А вот эгоцентризм и демонстративность, лежащие в основе капризов, подкрепите еще больше. И без того привыкший картинно страдать и возмущаться, ребенок будет с удовольствием растравлять свои обиды, предъявлять претензии, выдвигать требования. А главное, он почувствует себя хозяином ситуации (чего, собственно, он и добивался, закатывая истерики).

Капризы при задержках речи

Трудным (во всяком случае, по моему опыту) периодом в отношении капризов является возраст, когда ребенок еще толком не говорит, но уже многое понимает. Он хочет, но не может донести свои желания до окружающих, и это его порой ужасно злит. Обычно такое бывает лет до двух с половиной. Но при задержках

речи (которые сейчас заметно участились) подобные проблемы не исчезают и в три (а то и в четыре!) года. Обращаясь к специалисту, родители таких детей обычно жалуются на капризность, избалованность. С одной стороны, ребенок не может себя ничем занять, требует постоянного присутствия матери. (Часто мамы жалуются, что он даже в ванную или в туалет не хочет ее отпускать, закатывает истерику, лежит под дверью.) С другой стороны, нормально взаимодействовать с ребенком не получается, потому что он не слушается старших. Им даже может показаться, что он их не слышит, и они ведут малыша к отоларингологу, который не находит у него нарушения слуха. С чужими людьми контакт еще более затруднен...

По мнению ряда специалистов (см., например, А. О. Дробинская. «К вопросу о детских капризах», Альманах Института коррекционной педагогики № 8, 2004 г.) причиной подобных поведенческих трудностей является неправильное формирование детско-материнской привязанности. Выделяют три наиболее часто встречающихся типа капризного поведения детей третьего года жизни.

1. Симбиотическая связь с матерью. В том возрасте, когда незримая психологическая «пуговина», тесно связывавшая мать с младенцем, должна постепенно ослабевать, этого не происходит. Ребенок не приобретает большей самостоятельности. Для него характерна повы-

шенная тревожность, он не может играть один, плохо переносит смену обстановки, особенно смену ухаживающих взрослых. Засыпает с трудом, по ночам просыпается с плачем и криками. Если его отдать в садик (а маме часто хочется от него отдохнуть), адаптируется он, как правило, плохо, и дело может закончиться выраженными невротическими или психосоматическими заболеваниями. Мать тревожна, считает ребенка болезненным, требующим повышенной заботы и опеки, больше реагирует на плач, чем на улыбку ребенка, вызывая у него плаксиво-тревожную зависимость.

Для выравнивания поведения ребенка нужно постепенно ослаблять эту пуповинную связь, предоставлять ему большую самостоятельность, как можно меньше тревожиться за него, не ходить за ним по пятам, боясь, как бы чего не вышло (но, естественно, приглядывать, не оставляя его совсем без присмотра), побольше хвалить малыша, радоваться, шутить, веселиться, подкреплять наградами смелые поступки, отыгрывать психологически сложные ситуации так, чтобы все обязательно завершилось его успехом, преодолением трудностей и одобрением близких. Важно и маме не замыкаться в своем узком мирке, а стараться найти для себя какие-то интересные занятия, не связанные с ребенком. А его мало-помалу приучать к общению с детьми. Однако отделяться надо осторожно, помня о его повышенной чув-

ствительности. Например, сперва приучить его к самостоятельной игре и засыпанию в то время, как вы неподалеку занимаетесь своими делами. Потом понемногу оставлять его в соседней комнате, потом — у бабушки, у подруги, чтобы ваш малыш поиграл с ее малышом. В конце концов, ребенок дозреет и до пребывания в детском коллективе.

2. Провоцирующее поведение. Привлекая внимание матери, ребенок ведет себя навязчиво: дергает ее, ноет, капризничает, проявляет агрессию. Если его наказывают, колотить родителей он, может быть, и перестанет, но переключится на более слабых (обычно на других детей) или на себя. В достаточно тяжелом состоянии у такого ребенка могут быть проявления аутоагрессии (например, битье себя по голове, вырывание волос). Поскольку такой капризный ребенок плохо себя ведет и часто сердит маму, ей не очень-то хочется его ласкать. И он восполняет недостаток тактильного контакта довольно странными способами: раскачиванием, стуканием головой о предметы, перевиранием волос на голове. Мать это еще сильнее пугает и отчуждает от ребенка. У нее часто бывает тоскливая депрессия, подавленность, временно она может даже испытывать враждебные чувства к сыну или дочери. Это, в свою очередь, отрицательно сказывается на развитии малыша. Он меньше, чем нормальный ребенок, интересуется окружающим миром. С близкими

людьми его эмоциональные отношения нарушены, и хотя он своими демонстративными выходками постоянно старается привлечь внимание матери, стойкой привязанности к ней и стабильных отношений не возникает.

Поскольку в основе подобных провокаций таится повышенная жажда материнского внимания, нужно эту жажду насытить. Ребенка надо ласкать и хвалить при любом удобном случае, стараясь преодолеть свое «не хочу». Такие дети могут по сто раз на дню спрашивать: «Ты меня любишь?» И если мама, как часто бывает, говорит с усталостью или раздражением: «Люблю, люблю!» (а за этим явственно читается: «Отстань, сколько можно?»), или даже сердится, провоцирующее поведение будет только усиливаться. Но, стараясь разрушить стену отчуждения между собой и ребенком, поддаваться на его провокации как раз не следует. Здесь должно особенно четко проследиваться, что капризами и нытьем ребенок своего не добивается. Однако усиление нытья надо рассматривать не как свидетельство «испорченности» ребенка, а как сигнал, что он тревожится, устал, перевозбудился, не справляется с какими-то заданиями и требованиями окружающих. Короче, как признак психологического неблагополучия. И стараться создать более приятную, спокойную обстановку.

3. В третьем случае малыш не только не «липнет» к маме, но даже как бы к ней безраз-

личен. Он не стремится поделиться с ней своими достижениями, не жаждет ее одобрения и ласки. Нормально высказанные просьбы и требования он игнорирует, как бы не слышит, и реагирует только на повышение голоса и угрозы наказания. Зато с чужими он вполне общителен, может производить впечатление чрезмерно самостоятельного. Мать такого ребенка чаще всего ведет себя излишне авторитарно, непоследовательно, ограничивает его активность и реагирует на требования в зависимости от своего настроения либо слишком вяло, либо чересчур бурно.

Во всех трех случаях изменение маминого поведения — залог уменьшения детской капризности. Однако далеко не всегда женщины могут справиться с этой задачей самостоятельно. Депрессия может быть такой глубокой, что лучше обратиться к врачу. Да и менять стереотипы поведения нелегко, тут бывает нужен и взгляд со стороны, и мудрый совет, и поиск глубинных причин, по которым маме трудно изменить свое поведение. И, конечно, помощь Божия, которая подается человеку в исповеди и причащении Святых Христовых Тайн.

Однако мне все-таки не кажется, что тут дело исключительно в детско-родительских отношениях (хотя, безусловно, бывает и так). Патология беременности и родов, о росте которой единодушно свидетельствуют гинекологи и акушеры, сказывается и на психическом раз-

витии детей и подростков. Последствия родовых травм, в частности, могут выражаться в повышенной возбудимости и плохой управляемости ребенка. Во многих случаях не проходят бесследно ни стимуляция родов, ни эпидуральная анестезия, ни кесарево сечение, которое сейчас во многих роддомах поставлено на поток.

«Если малыш появляется на свет естественным путем, он успевает перестроиться к внешним условиям. Проходя по родовым путям, он учится дышать самостоятельно, происходит мягкий перепад давления. А когда ребенка просто достают из материнского живота, на его голову сразу обрушивается столб атмосферного давления — вот и ишемическая травма. Так что, вопреки сегодняшнему легкому восприятию кесарева сечения, это очень серьезная операция, и прибегать к ней надо лишь в крайних случаях, — считает ведущий научный сотрудник отделения для недоношенных детей Научного центра здоровья детей РАМН А. А. Степанов («Няня», 2007 г.). — Очень опасно и необоснованное введение роженицам обезболивающих наркотических средств. Вместе с болью они подавляют и родовую деятельность, гасят схватки. Ребенок опять-таки не успевает вовремя сделать нужный глоток воздуха. В общем, чем большую гипоксию испытывает плод, тем сильнее поражение головного мозга». Причем, выявляется это не обязательно тут же. «Аку-

перы зачастую не скупаются на баллы (по шкале Апгар, в соответствии с которой оценивается состояние новорожденных — *авт.*), к тому же если состояние не тяжелое, то проявление ишемического поражения очень трудно сразу оценить достоверно».

Дети, родившиеся с асфиксией (удушьем), тоже нередко имеют ранимую психику, и взрослым с ними нелегко управляться. Причем, по моим наблюдениям, особенно сложно складываются у таких детишек отношения с мамой. Может потому, что от нее в момент родов невольно исходила опасность? Ребенок этого, конечно, не помнит, но, сам не зная почему, испытывает двойственные, амбивалетные чувства: в его душе странным образом сосуществуют повышенная привязанность и, одновременно, отталкивание. С одной стороны, он жить без мамы не может, а с другой, часто противоречит, делает назло, «мотает нервы».

В подобных случаях выравнивание детско-родительских отношений зависит не только от изменения линии поведения взрослых, но и от улучшения состояния ребенка. А для этого могут потребоваться и коррекционные занятия с психологом, нейропсихологом, дефектологом, логопедом и, вполне вероятно, помощь психоневролога, невропатолога или детского психиатра. Не надо себя обманывать: не на все можно повлиять психолого-педагогическими методами. Поэтому, чем раньше родители обратят-

ся к врачу, тем меньше времени будет потеряно впустую.

То же самое можно посоветовать и когда ребенок реагирует явным усилением капризности на перемену погоды, на малейшие сбои режима и даже на совсем небольшие психические нагрузки (например, прогулка регулярно заканчивается истерикой, к вечеру ребенок стоит на голове) или когда он ходит на мысочках.

Если на людях ребенок ведет себя хорошо, а дома распоясывается

К концу дошкольного возраста часть капризных детей уже стыдится устраивать сцены на публике. Зато дома капризули не церемонятся, делая жизнь близких просто невыносимой. Любое противоречие их желаниям вызывает взрыв гнева, слезы, крики. А в саду или в школе такой ребенок держится спокойно, немного скованно. Казалось бы, родители должны радоваться, что их чадо хотя бы где-то ведет себя нормально. Но родителей сей факт подчас расстраивает даже больше самих капризов, поскольку они видят в нем проявление лицемерия. И действительно, если подобное «раздвоение» закрепится, лицемерие вполне может стать весьма неприятной чертой характера.

Однако в детстве, когда характер еще формируется, способность ребенка сдерживаться при чужих людях — это, как говорят в медицине,

«благоприятный прогноз». Куда труднее скорректировать поведение ребенка, который, наоборот, дома ведет себя неплохо, а в чужой обстановке, особенно в группе детей, что называется, «чумеет». В первом случае дело чаще всего в детско-родительских отношениях, а вот во втором речь может идти и о медицинских диагнозах.

Капризули-дома, тихони-на-людях вполне адекватны и управляемы. Да, некоторая возбудимость, конечно, присутствует, но она не настолько серьезна, чтобы ребенок не мог с ней справиться. Просто нужно дать ему правильную мотивацию. А для этого нужно:

— как уже говорилось, словом и делом внушать ребенку, что капризами он не только не добьется своего, но и получит наказание;

— стараться до капризов не доводить, сглаживая острые углы, соблюдая режим и т. п.;

— помнить, что дети с таким поведением не только манипуляторы, но и артисты. А артистам нужно внимание публики. Поэтому важно провести очень четкую границу: когда ребенок капризничает, ноет, устраивает истерики и, тем более, хамит и дерется, его наказывают именно лишением общения. Зато когда он ведет себя хорошо, то получает усиленное внимание. Причем это надо, учитывая его демонстративность, во всеуслышание декларировать, подчеркивать: дескать, когда человек поклядистый, как ты, Ванечка, с ним хочется иг-

рать, разговаривать, веселиться, а когда кто-то выкрутасничает, то всегда остается один. В жизни же часто бывает наоборот: если капризуля спокоен, то мама, уставшая от его сцен, облегченно вздыхает и занимается своими делами. И получается, что ему просто невыгодно вести себя мирно, поскольку тогда он не получает того, что жаждет больше всего — внимания окружающих.

С такими детьми не имеет смысла и даже вредно вступать в споры и пререкания. Это их лишь больше раззадорит. Вы им слово — они вам десять. Причем в пылу спора они могут договориться до ужасных вещей, пугать родителей заявлениями о том, что им не хочется жить, что они бросятся под машину, уйдут из дому и т. п. И если увидят, что родители дрогнули, подобные «концерты» станут в вашем доме регулярными.

Не принимайте всерьез их демонстративные обвинения: дескать, вы меня не любите, ты — плохая мама... Многие мамы, под влиянием модных нынче разговоров, что все проблемы детей от того, что родители их недолюбили, начинают мучиться угрызениями совести. А некоторые другие хоть и не чувствуют за собой вины, но теряются, не зная, как реагировать на эти упреки. «Не будешь же бить себя в грудь и кричать: "Неправда! Я хорошая!" — сказала одна такая мама. — И наказывать вроде бы не за что, ведь ребенок жалуется, ему плохо. А я

вижу, что дочка пользуется моей растерянностью и начинает шантажировать! "Не сделаешь то-то и то-то, значит, не любишь..."»

«Не принимать подобные упреки всерьез» вовсе не означает, что на них не надо реагировать. Наоборот, надо и достаточно жестко. Но не обрушиваться на юного «прокурора» с негодующими криками, поскольку накал страстей — это как раз то, чего жаждет истерик. А вам, чтобы выбить его из истерической колеи, необходимо нарушить привычный сценарий. Плохая мама, говоришь? Что ж, пусть будет по-твоему. Про конфеты забудь — плохие мамы конфеты детям не дают. И про игры, и про игрушки, и про мультики, и про сказку перед сном. Когда мамы плохие, у детей ничего этого нет. Что? Ты пошутил? Я на самом деле хорошая? Ладно, сегодня я тебя прощаю, но учти, это плохие шутки. И если они повторятся, пеняй на себя.

Текст должен кратким и звучать весомо. Спокойная твердость производит на таких детей куда большее впечатление, нежели возмущенные возгласы «как тебе не стыдно?», встречные попреки и, уж тем более, слезы. Все это оружие слабых, усмирить им истерика невозможно, поскольку он, вроде бы пытаясь взять верх над жертвами своих демонстраций, подсознательно ищет сильной руки. Получив отпор, успокаивается, а не получив, расходится еще больше и может прийти прямо-таки до

невменяемого состояния. «Все время ему что-то нужно, что-то не так, к сестренке лезет, задирает ее, щиплет, оттащишь — рыдает, просит прощения, простишь — опять лезет, нарывается, вопли с утра до ночи. Я, наверное, с ума скоро сойду», — примерно так описывают родители подобное поведение.

Жестко надо реагировать и на угрозы уйти из дому. Пока ребенок маленький, это тоже всего лишь демонстрация, которая моментально прекращается, когда он понимает, что шутки кончились. А прекратить такие демонстрации легко, применив воспитательный прием из арсенала народной педагогики: помогите малолетнему бунтарю собрать вещички и выставите за дверь. Большинство уже у порога начинает цепляться за взрослого и молить о прощении. Некоторые упрямцы могут выйти на лестницу, но едва дверь за ними закроется, пугаются и просят обратно. Впустить их, конечно, надо сразу, чтобы не напугать слишком сильно, но предупредите, что в следующий раз не поздоровится. И если вдруг демонстрация повторится (хотя обычно этого не бывает), накажите, как следует.

***Один на один - еще ничего,
а в присутствии третьего - караул!***

Лапризы демонстративного ребенка нередко усиливаются в присутствии третьего лица: па-

пы, бабушки, гостя. Даже короткий телефонный разговор не проходит спокойно. Ребенку обязательно понадобится что-то такое, чего он сам не может достать. Он будет капризничать и теревить маму, вынуждая ее прервать беседу. Особенно ярко такая капризность проявляется у дошкольников.

С папой капризуля может вести себя властно. Не давая отцу переобуться и поужинать, будет требовать, чтобы папа с ним играл. И если мать, намаявшись за день, поддерживают такие требования и упрекает отца, что он мало занимается ребенком, вечернее время превращается в сплошную нервотрепку.

С бабушкой, в зависимости от того, что она позволяет, обращение капризули бывает, пожалуй, более разнообразным: от откровенного хамства («Зачем пришла? Уходи!») до грубой лести с отвержением мамы и жалобами на свою тяжелую жизнь.

Чтобы положить конец подобным выходкам, опять же необходимо задуматься, чего добивается и на что рассчитывает капризуля. Добивается он, это уже понятно, повышенного внимания. А вот на том, на что он рассчитывает, имеет смысл остановиться подробнее. Расчет тоже довольно простой: на потакание этих самых «третьих лиц» и на безнаказанность.

Помню, один весьма неглупый шестилетний мальчик заставлял свою шестнадцатилетнюю сестру часами читать ему книжки. А когда та,

улав, говорила: «Хватит!», с рыданьями кидался ее бить. Причем, эта история повторялась практически ежедневно на протяжении нескольких лет! Предвосхищая мой немой вопрос, мама поспешила пояснить, что сестра сама виновата, слишком уж она мягкая, не может ему отказать. Когда же я спросила, почему никто из других родственников не прекращает это безобразие, она растерянно пожала плечами:

— Мы бы и рады, но как? Бабушка считает, что нельзя ему не читать, потому что тогда вообще отобьем охоту. У деда голова болит, и он готов на все, лишь бы не было крика. Папа много работает, мы его почти не видим. А при мне Сева ведет себя неплохо. Знает, что не поздоровится, если он в моем присутствии устроит такой концерт.

— Но почему Вы не накажете его, вернувшись с работы? Раз он боится от Вас схлопотать, значит, наказание подействует, причем достаточно быстро. А то он издевается над сестрой, пользуясь ее мягкостью, и уверен, что за это ему ничего не будет!

— А что, можно применить отсроченное наказание? — обрадовалась мама. — По-вашему, он поймет, за какую провинность ему влетело?

Как будто речь шла о щенке, которого действительно, если уж тыкать носом в лужу, то сразу после содеянного. Или о несмышленишке, еще толком не понимающем человеческую

речь. А Севе, между тем, через полгода предстояло отправиться в школу. И урок, преподанный мамой после нашей беседы, он усвоил, как и ожидалось, незамедлительно.

(Между прочим, вопрос насчет допустимости отсроченного наказания по отношению к капризным и своевольным детям среднего и старшего дошкольного возраста в последние годы задают нередко. Из чего напрашивается вывод, что по данному пункту в педагогике возникло разномыслие. Хотя мамина угроза «рассказать все папе» еще недавно была классической и с успехом применялась уже лет с 3-х, а то и раньше, в зависимости от умственного развития ребенка.)

Так что даже когда «третьи лица» потакают ребенку, окончательный итог все равно зависит от вас. Если его расчеты на безнаказанность не оправдаются и, наоборот, если правильное поведение будет положительно подкреплено (лаской, похвалой, выражением благодарности и т. п.), то капризы прекратятся. И «публику» такой ребенок будет поражать проявлением своих хороших качеств. Проявлением, может быть, несколько утрированным, ведь ему все равно хочется себя показать. Но к этому на данном этапе лучше не придирайтесь. Пусть сперва привыкнет вести себя хорошо и получать радость от своей сговорчивости, а не тешить самолюбие капризами, упрямством и манипуляциями.

Если дома ребенок мается и капризничает

Пиление капризности — частый предвестник заболевания. Иммуитет ослабел, но внешне это еще никак не проявлено. А вот психика уже дает сбои. Понаблюдав за ребенком и заметив такую закономерность, следует воспринимать усиление капризности не как признак того, что ребенок распустился, а как сигнал «SOS». И вместо «завинчивания гаек» резко снизить нагрузки: дать возможность отдохнуть от школы или от детского сада, расслабиться, даже временно «впасть в детство». Пусть побольше поспит, поиграет, погуляет. Однако не тащите его на улицу силком и не донимайте уговорами: в подобном состоянии человеку порой не хочется вылезать из дому, и лучше оставить его в покое. Но только не перед телевизором или компьютером! Иначе никакого отдыха не получится, и может стать еще хуже.

Если подобные всплески капризов с последующим «уходом в болезнь» становятся регулярными, значит ребенок не справляется с тем образом жизни, который ему приходится вести. И как бы ни было жаль отказываться от музыкальной школы, кружков или даже гимназического класса, об этом все же стоит подумать. Ведь особых успехов при ситуации «неделю ходим — две болеем» ожидать маловероятно. Отставая от класса, ребенок будет еще

сильнее нервничать и перенапрягаться. Ну, а расшатавшееся здоровье, скорее всего, не позволит и в будущем осилить нагрузки, необходимые для поступления в престижный ВУЗ и высокооплачиваемой работы. Получится, что и ребенка перенапрягали зря, и здоровье (которое и так-то было некрепким) уже не вернешь.

А некоторые дети дома капризничают не потому, что им присуща демонстративность или они заболевают. Нет, они просто маются скукой. Ноют, не зная, чем себя занять. В компании же скука развеивается, настроение мигом повышается. В гостях, в походе, в поездке — везде, где есть приток новых впечатлений, они не капризничают. А порой и вовсе показывают чудеса выносливости. Но такой ребенок не может быть предоставлен сам себе. Он не умеет жить по собственной программе, ему надо задавать ее извне. Когда расспрашиваешь родителей о его любимых занятиях, выясняется, что при всем их разнообразии в них обычно отсутствует один момент — творческое начало. Он с удовольствием порезвится, поиграет в «войнушку», «салочки», «вышибалы» или в более спокойные, в том числе настольные игры, с удовольствием посмотрит кино, послушает сказку. От компьютера его вообще не отрывать. А вот ролевые игры, требующие фантазирования, — не его «конек». И с конструктором ему одному играть быстро надоедает. Другие дети часами что-то мастерят, а потом еще

используют свои поделки в игре. Он же выдумывать не горазд, ему проще сделать по образцу. А поскольку сложные конструкции по схеме он один еще собрать не в состоянии, то опять-таки приходится ждать папу, изнывая от нетерпения и безделья. Аналогичная история и с рисованием, и с лепкой, и с аппликацией. В кружках занимается, дома — в руки не берет. Читать такой ребенок тоже обычно не любит: бедность фантазии тормозит этот процесс. Когда живо себе представляешь то, о чем написано в книге, то начинаешь сопереживать героям и хочется поскорее узнать, что будет дальше. А если никаких образов не возникает, если чувства молчат, то, дойдя до конца абзаца, уже успеваешь забыть, о чем говорилось в начале. И удовольствия от такого чтения ребенок не получает, потому и отлынивает.

Таким детям, с одной стороны, важно обеспечить компанию (в лице хотя бы одного приятеля), иначе они будут страдать от безделья и изводить взрослых нытьем. Многие из них с радостью бегут в детский сад, причем просят забрать их попозже, чтобы они вволю наигрались. Но с другой стороны, надо постараться понять, что мешает их воображению развернуться. Может, повышенная возбудимость не дает сосредоточиться? Может, страх совершить ошибку подсказывает: «Сиди и не высывайся»? Или сказывается ранняя интеллектуальная перегрузка, из-за которой логика задави-

ла эмоции, а без них фантазия — что птица без крыльев? Причин тут немало, я перечислила далеко не все. Каждый такой случай требует специального рассмотрения и конкретных рекомендаций, как раскрыть творческий потенциал ребенка. Главное — понять, что тут его слабое место, и постараться ему помочь. Научится себя занимать — и капризы уйдут вместе со скукой.

Последний ответ на последний вопрос

***И** все же непонятно, почему наши дети капризничали, а иностранные — нет. Они что, из другого теста? Или их родители поголовно были детскими психологами?», — может усомниться кто-нибудь из читателей.

Отнюдь! Дети были самые обычные, а психологов среди студентов, с которыми я училась, вообще не было, поскольку в УДН не имелось такого факультета. И, насколько я помню, в те годы вопросы детской психологии не особенно занимали умы. Думаю, ответ лежит в иной плоскости. Студенты эти были из развивающихся стран, где традиционное общество еще не успело сдать своих позиций под напором западной масс-культуры (хотя подвижки в сторону вестернизации уже начались). Почти все они происходили из многодетных семей с сильными межпоколенными связями. С детства привыкнув нянчиться с малышами, они не

видели в этом проблемы и понимали детей гораздо лучше, чем мы, выросшие, в основном, в малодетных семьях. Африканцы, арабы, индусы, латиноамериканцы больше доверяли своей интуиции и принимали правильные решения автоматически, без умных книжек про воспитание и советов специалистов. Эти навыки были у них в крови. Так человек с врожденной грамотностью пишет без ошибок, не зная правил. Просто он чувствует язык и доверяет своему чутью. А оно его не подводит.

К сожалению, нам сейчас приходится идти обратным путем — от теории к практике. Традиции многодетности почти утеряны. Много ли россиян может сказать, что и они сами, и их родители, и дедушки с бабушками выросли в многодетных семьях? Но, слава Богу, пусть медленно, но «река» поворачивается вспять. А тем временем дети растут, и чем меньше мы сейчас распатаем их психику, тем больше из них впоследствии сможет установить гармоничные отношения со своими (будем надеяться, более многочисленными) детьми.

А путь к этому — снисходительность без потакания, строгость без суровости, дружелюбие без панибратства, свобода без вседозволенности, ограждение от соблазнов, добрый пример и, конечно, любовь. Но любовь настоящая, христианская, когда в ребенке видят образ Божий и прилагают все усилия к тому, чтобы он не омрачился грехами. «Часто многие из отцов де-

лают все и принимают все меры, чтобы у сына был хороший конь, великолепный дом или дорогое поместье, а о том, чтобы у него была хорошая душа и благочестивое настроение, насколько не заботятся, — говорит святитель Иоанн Златоуст. — Это и расстраивает всю вселенную — то, что мы не радим о своих детях, заботимся об их богатстве, а душой их пренебрегаем, допуская крайне безумное дело («Симфония по творениям святителя Иоанна Златоуста», М., «Дарь», 2006, стр. 86-87).

А о «царском», «срединном» пути воспитания прекрасно сказано у святителя Тихона Задонского: «Некоторые родители так нежно и слабо детей своих воспитывают и содержат, что не хотят их за преступления наказывать и так бесстрашно и своевольно им попускают жить; другие безмерную строгость употребляют и более гнев и ярость свою над ними совершают, нежели наказывают их. Оба — и те, и другие — погрешают. Везде — ибо излишество порочно — строгость и милость безрассудная во всяком чине порицается. Одна в расслабление, своевольство, развращение и явную погибель приводит юных; другая огорчение, раздражение и уныние в них соделывает. Везде умеренность и срединный путь похваляется» («Как воспитать ребенка православным», «Дарь», М., 2005, стр. 172). Вот и будем его искать, с Божией помощью.

Что нарушает систему

«мать - дитя»?

(Об экспериментах в педагогике)

Беседа с заведующей отделом Центра психического здоровья, доктором медицинских наук, профессором Галиной Вячеславовной Козловской.

Г. К.: Эксперимент — это метод, с помощью которого можно решить неизвестные научные проблемы. Применяется он, в основном, по отношению к неодушевленным предметам. В рамках живой природы экспериментировать следует очень осторожно, поскольку результаты эксперимента всегда непредсказуемы и могут быть опасны для выживания объекта эксперимента. Есть ряд областей человеческого знания, где эксперимент практически неприменим. Например, в медицине. Нельзя ставить опыты на живых людях, когда неизвестно, какие последствия это будет иметь для их жизни!

Корр.: А как же апробация лекарств?

Г. К.: Апробация лекарств — это, в прямом смысле, не эксперимент. До того, как новый препарат попадет к врачу, новое лекарство

много лет испытывалось в химической лаборатории, на клеточном уровне, на животных. Проверялась его безопасность, переносимость, дозировки и т. п. И лишь только после всех этих этапов с очень большой осторожностью препарат испытывают на здоровых добровольцах, а затем уже на больных, причем заручившись их согласием на участие в такой апробации.

Корр.: А в педагогике сейчас — сплошные эксперименты.

Г. К.: Да. В этой области царит беспечное, даже, я бы сказала, бездумное отношение к экспериментам. Они стали основным модусом воспитания.

Корр.: Вероятно потому, что воспитание не считают наукой?

Г. К.: Да, порой высказывается такое мнение, но оно ошибочно. Если бы педагогика не была наукой, в ней не было бы определенных констант, отработанных приемов, методик, предсказуемых результатов применения тех или иных воздействий, не было бы прогнозирования. А поскольку все это в педагогике имеется, то и она сама, и воспитание, как ее составная часть, безусловно являются наукой. Кроме того, всякая наука есть накопление определенного опыта. Педагогика таким опытом располагает в избытке. Если уж говорить об эксперименте, то в педагогике он поставлен самой природой. Человек должен лишь внимательно

наблюдать за результатами природного эксперимента и вдумчиво их анализировать. А другие эксперименты в данной области мне кажутся весьма сомнительными. Особенно в воспитании! Оно вообще должно быть очень традиционным.

Корр.: Почему?

К. Г.: Сохранение потомства — процесс весьма традиционный. Почему женщина отличается от мужчины более защитными формами поведения? Почему она более консервативна, рассудочна, даже, если хотите, более расчетлива? — Да потому, что на ней лежит задача охраны потомства. И, конечно, она должна семь раз подумать, прежде чем отрезать. В воспитательных процессах эксперименты опасны, поскольку, как мы только что упомянули, эксперимент предусматривает некую свободу действий и непредсказуемость результатов. Для научного эксперимента отрицательный результат — тоже результат. Экспериментатор имеет право на ошибку и на попадание в тупик, и даже на разрушение всей конструкции, на основе которой ставился эксперимент. Как же это можно переносить на воспитание? Воспитательные эксперименты могут внести колоссальные деформации в общество. А с другой стороны, в том, что отобрано на протяжении столетнего или даже тысячелетнего опыта, есть определенная гарантия защиты здоровья потомства, гармоничности развития юного поколения. Приведу всего

один пример: создание новой семьи. Одно дело, когда мальчиков и девочек воспитывают на основе традиций, развивают в мальчиках традиционно мужские качества, а в девочках — женские. Тогда женщина может осознанно и интуитивно представлять свои права и задачи в семейной жизни и постарается проявить уступчивость, мягкость, приспособиться к мужу, найти с ним общий язык. А мужчина возьмет на себя естественные функции главы семейства, будет проявлять инициативность, смелость, ответственность. Конечно, без трудностей не обходится, но постепенно супруги вполне могут приноровиться друг к другу, найти общий язык и достичь гармонии.

В противоположность этому в процессе смешанного воспитания половые роли перемешаны и супруги заранее могут быть нацелены на конфронтацию, на взаимные притязания, взаимные упреки, взаимные требования. Это нередко заканчивается разочарованием и распадом семьи. От чего, разумеется, страдают дети, да и оба супруга тоже. Еще раз хочется подчеркнуть, что воспитательный процесс должен быть прежде всего очень осторожным, щадящим. Особенно в раннем возрасте, когда личность еще только формируется и ребенок крайне уязвим. В данном случае абсолютно недопустимы непроверенные эксперименты с непредсказуемостью результата, свобода действий экспериментатора, безответственность и празд-

нал любознательность. Педагогическая наука должна быть традиционной, должна придерживаться строгих правил. Об этом говорили многие философы, психологи, педагоги.

Известно, что многое в психике и поведении ребенка генетически запрограммировано. Не только на биологическом уровне, но во многом и на уровне личности. Причем эта запрограммированность основана на неких глубинных особенностях, присущих той или иной традиционной культуре и зафиксировавшихся в генетической памяти данного конкретного индивида. Он развивается в определенных традиционных рамках, и когда туда вмешиваются некие непредвиденные факторы, выпадающие из культуры, они не дают личности по-настоящему раскрыться.

Корр.: Поясните, пожалуйста, на примере.

Г. К.: Возьмем хотя бы феномен привязанности, под которым понимают умение ребенка устанавливать эмоциональные, а в последствии и социальные контакты, которые позволяют человеку адаптироваться к окружающей жизни, создавать вокруг себя психологически комфортную среду, быть приятным себе и другим. Это основа дружеских и родственных связей, любви к своему дому, родине, народу. Однако при неправильном поведении матери в системе «мать — дитя» феномен привязанности не развивается. Как бы не включается некая программа. У ребенка не формируется способность

устанавливать тесные, глубинные эмоциональные связи с миром. И он может на всю жизнь утратить способность любить, дружить, быть преданным, милосердным, сочувствовать, жертвовать.

Корр.: А что значит «правильное поведение матери»?

Г. К.: Внимательное, дружелюбное, доброе, спокойное, уравновешенное, без истерических всплесков. Причем вести себя мать должна, придерживаясь определенных традиционных правил. Система «мать — дитя» очень устойчива в силу своей консервативности, однако сейчас ее атакуют различные нововведения. И оказывается, даже легкое нововведение порой способно эту систему нарушить. Ребенок не понимает мать, а она — ребенка.

Корр.: Какие правила в системе «мать — дитя» традиционны для русской культуры?

Г. К.: Сразу оговорюсь, что во взаимоотношениях матери с ребенком в период его младенчества преобладают не этнокультурные особенности, а некие общечеловеческие черты. Хотя этнокультурные особенности тоже присутствуют — колыбельные песни, формы общения с ребенком, ухода за ним и другое. Влияние этнокультурных особенностей усиливается по мере взросления ребенка. Это заметно на примере смешанных браков. Скажем, когда мать русская, а отец с Кавказа. Супруги могут очень даже хорошо ладить между собой, а у детей

возникают проблемы. У подрастающего мальчика резко нарушаются взаимоотношения с мамой, потому что он невольно продуцирует поведение, свойственное другой национальности: активность, воинственность, требовательность, излишнюю гротескность в выражении агрессивности и напористости. Мамой это воспринимается как патология, и она идет за помощью к психологу или даже к психиатру. Мама не может выработать правильную линию поведения с таким ребенком, и его особенности усугубляются. Она либо подчиняется давлению его супермужского начала, либо пытается его перебороть, привлекая своих родственников славянского происхождения, и они совместными усилиями «берут мальчонку в оборот». Но чаще у мамы возникает чувство беспомощности, ребенок подавляет ее личность, и она начинает выступать в роли жертвы. Из-за такого, как говорят специалисты, «виктимного» поведения (victim — жертва) матери агрессивность ребенка усиливается. Мать утрачивает руководящую и контролирующую роль в системе «мать — дитя». Хотя для нормального воспитания мама непременно должна сохранить эту роль, но при этом помочь раскрытию индивидуальности ребенка, учитывая его природные, в том числе и национальные особенности. Правильное представление о системе «мать — дитя» сформулировано в русской народной педагогике. Мать или мамка, то есть кормилица,

выхаживающая младенца, должна быть добродушной, спокойной, снисходительной, ласковой, благожелательной к ребенку. Даже ее внешний облик: пышная грудь, ласковые, умелые руки, приветливая улыбка, — все располагает младенца к доверию, вселяет в него чувство защищенности. Это не означает вседозволенности, но доброта матери стоит для малыша на первом месте.

Корр.: Когда формируется феномен привязанности?

Г. К.: Очень рано: с двух месяцев до семи-восьми. В дальнейшем, конечно, можно как-то стимулировать формирование привязанности, но это будет уже носить искусственный характер. А в младенческом возрасте она возникает естественно и вызывает у детей чувство радости бытия. Жизнь, при всех ее сложностях, воспринимается как подарок. Умение радоваться жизни закладывается именно в этот ранний период и проявляется в феномене привязанности, который направлен и на людей, и на вещи, окружающие ребенка.

Корр.: Что наиболее уязвимо в данной структуре?

Г. К.: Отсутствие благожелательности со стороны родителей. В первую очередь матери. Хотя отец тоже немаловажен. На самом деле происходит формирование триады «мать — отец — дитя». Когда отец существует где-то на обочине жизни ребенка, привязанность тоже фор-

мируется ущербно. Основная проблема в данном контексте — это так называемое социальное сиротство, когда родители не принимают ребенка. Он оказался не тем, на что они рассчитывали. Он болезненный, трудный, плаксивый, непослушный, требующий большого труда и больших расходов. А поскольку общество сейчас усиленно внушает людям, что дети — обуза, то у некоторых матерей (особенно у молодых) возникает сомнение, правильно ли они поступили, решившись родить ребенка. А порой материальные обстоятельства вынуждают мать рано оторваться от ребенка, вернувшись к работе. Чаще всего ситуацию социального сиротства порождает как раз деловая мама. Причем она вроде бы не бросает ребенка на произвол судьбы, а тщательно подбирает ему няню, тестирует ее, учитывая не только профессиональные качества, но и особенности темперамента, психологический портрет и тому подобные вещи. Но даже самая лучшая «суррогатная мама» не компенсирует отсутствие мамы настоящей. Тем более, что взаимодействие матери с ребенком — это очень таинственная система. До конца так и не изучено, чем же она подпитывается, почему она столь необходима. Высказывается мнение о существовании особой энергетической пуповины, которая невидимо связывает мать с младенцем после того, как он вышел из утробы. И эта пуповина до определенного времени совершенно необходима для

гармоничного, здорового развития ребенка. Однако в настоящее время эта пуповина очень часто обрывается практически сразу после рождения младенца из-за неумения, некомпетентности мамы. Ей неясно, чего от нее хочет ребенок, она не понимает его языка. Да и цели, которые подсознательно преследовала молодая мама, «планируя» ребенка, не соответствуют тому, что она получила, родив его на свет. Интересно, что даже на уровне плода, эмбриона, ребенок уже чувствует, любит его мать или она лишь на словах его хочет, а в действительности не готова менять свою жизнь. Ведь нередко будущий ребенок нужен женщине не сам по себе, а лишь как средство достижения неких целей. Скажем, чтобы узаконить брак или удержать мужа в семье. Или женщина не хочет выделяться из общей массы: «Все рожают, а я что, хуже?» С рождением ребенка могут быть связаны планы по улучшению жилищных условий или какие-то иные материальные выгоды. То есть осознанной потребности в ребенке как в таковом у будущей матери порой не наблюдается. Да и общество демонстрирует пренебрежение к материнству: люди не спешат уступить беременной место в транспорте, отменено звание «матери-героини», массовые газеты из номера в номер публикуют рекламу абортов, в воспитании девочек делается гораздо больший упор на учебу, нежели на воспитание ее как будущей жены и матери... Так что не-

редко современная мать ощущает себя изгоем, испытывает фрустрацию и видит причину своего дискомфортного состояния в младенце, который, едва появившись на свет, предъявляет к ней массу требований. А она психологически к этому не готова, да и не обучена ухаживать за малышом, поскольку сама выросла в многодетной семье. В таких случаях система «мать — дитя» работает дисфункционально. Она приобретает как бы расщепленный характер, утрачивает природосообразность. Ребенок это интуитивно чувствует и протестует, пользуясь всеми доступными ему средствами: кричит, капризничает, все время просится на руки, не слушается. С каждым месяцем его протест нарастает. А тут как раз появляются некие современные учителя, которые предлагают новаторские способы избавления от трудностей. Эти новомодные идеи нередко излагаются очень ярко и убедительно. Они могут касаться форм питания, способов одевания, приучения к дисциплине и тому подобного.

Корр.: Например?

Г. К.: Подобных нововведений масса. Это и длительное кормление грудью, или, наоборот, полный отказ от материнского молока, замена его смесями. Или памперсы, которые задерживают развитие естественных функций опрятности и могут привести к развитию энуреза.

Корр.: Говорят, для мальчиков памперсы еще и чреватые бесплодием...

Г. К.: Да. А еще они в определенной степени являются источником расторможения влечений.

Корр.: Что это значит?

Г. К.: Когда младенца держат в памперсах, у него отсутствует настоящая реакция на дискомфорт, которую вызывают мокрые пеленки. Здоровый ребенок с первого месяца жизни проявляет эту реакцию и, испачкав пеленки, требует, чтобы его переодели. Применение памперсов сглаживает эту естественную реакцию. Напротив, ребенку начинает нравиться теплое мокрое белье. Это уже определенным образом провоцирует искажение влечений: и к опрятности, и в ряде случаев — сексуальных.

Корр.: Как относиться к плачу ребенка?

Г. К.: Новшества коснулись и этого вопроса. В норме здоровый младенец не должен много плакать. Он может определенными звуками сигнализировать маме о своем неблагополучии. Когда система «мать — дитя» работает нормально, мать с ребенком понимают друг друга с полужука. Ему не нужно привлекать ее внимание криком. Затяжной крик, плач свидетельствует о каких-то отклонениях, причем нередко серьезных!

Корр.: И какие нововведения предлагаются в данной области?

Г. К.: Здесь опять крайности. Одни «новаторы» предлагают не обращать внимания на детский плач. Другие, наоборот, говорят, что при

малейшем писке нужно брать младенца на руки и предлагать ему грудь. Ни то, ни другое не件лезно. Если ребенок надрывается, а мать к нему не подходит, система «мать — дитя» трещит по швам. У ребенка возникает вполне оправданное ощущение, что он матери не нужен, ведь она лишает его поддержки и заботы в трудную минуту. А у матери, как бы она ни настраивала себя на спокойный лад, появляется раздражение и, одновременно, чувство вины. Если так будет продолжаться долго, ребенок вырастет истеричным, а мать будет реагировать на его истерики криками, битьем (что только усугубляет патологию). Или же распустит его до безобразия, позволяя ему буквально все, лишь бы он не орал. Когда же младенца не спускают с рук, ссылаясь при этом на африканский, цыганский или какой-либо другой экзотический опыт — дескать, тогда у ребенка не будет страхов и тому подобное — он не приучается терпеть какие-то неудобства, связанные с временным отсутствием матери. А это, в свою очередь, может привести к излишней изнеженности, боязни трудностей. Особенно пагубны такие вещи для мальчиков, от которых общество впоследствии будет требовать больше силы воли и выносливости, нежели от девочек. И если они не смогут соответствовать этим требованиям (а сейчас им не соответствует очень много мужчин!), у них возникнет масса психологических проблем.

Корр.: Как же правильно реагировать на крик младенца?

Г. К.: Необходимо внимательно и незамедлительно откликнуться на призыв ребенка к себе, попытаться понять причину плача и устранить ее. Если сделать это не удастся, нужно обратиться к специалистам: психологу, педиатру, невропатологу. В случаях упорного и безутешного плача, а то и крика малыша проблема коренится либо в нарушении здоровья, либо это некий психологический конфликт.

Корр.: Например?

Г. К.: Например, причиной могут быть нарушения со стороны нервной системы или физического здоровья — повышение внутричерепного давления, головные боли, боли телесные, грыжи и т. д. Или выраженное протестное поведение ребенка в ответ на поведение матери в системе «мать — дитя». В случае установления той или иной патологии у ребенка или нарушений в системе, необходимо повышенное внимание к нему. В том числе, укачивание на руках, поглаживание, ласка, пение колыбельных и т. п. Это во многом смягчает фактор эмоционального дефицита, который имеет место при наличии болезни ребенка или при искажении детско-материнских отношений.

Корр.: Как и с какого возраста следует разговаривать с ребенком?

Г. К.: Тут опять-таки нужно избегать крайностей. Для развития малыша вредно, когда с

ним постоянно сюсюкают. Конечно, это не исключает употребления некоторых эмоционально окрашенных, акцентуированно «детских» слов, как бы приближающих родителей к ребенку. Но в целом язык, на котором взрослый общается с ребенком, не должен напоминать детский лепет. К ребенку следует относиться с уважением, потому что он человек. Сейчас даже стоит вопрос о том, что его и внутриутробно нужно признать полноправным членом общества, который имеет точно такое же, как и мы с вами, право на жизнь и на уважение к себе. Да, он маленький, но он личность, он человек. И когда взрослый уподобляется младенцу, это неуважение к ребенку. Ребенку нужно слышать от взрослого не лепетную речь, а нормальную речь его народа. Тогда он легко ее усваивает.

Корр.: Но ведь он сначала не может говорить правильно и коверкает слова.

Г. К.: Да, но когда он слышит нормальную взрослую речь, у него формируется правильное соотношение слов с предметом и в памяти закладывается правильное произношение этих слов.

Корр.: А какая вторая крайность?

Г. К.: Когда с малышом всегда разговаривают как со взрослым, стараются ему все объяснить. Даже то, что ему по возрасту недоступно. Есть случаи, когда ребенку надо просто сказать: «Нельзя! Мама не разрешает». А ему подо

все подводят логическую базу. В результате малыш дезориентируется, перестает понимать родителей и доверять им, в нем развивается упрямство и своеволие. А есть и система практически безречевого воспитания, когда мать молча осуществляет бытовой уход за младенцем. Ну, а позже, когда он немного подрастет, отделяется краткими фразами, общаясь, в основном, в приказной форме: «Помой руки и садись обедать», «убери игрушки», «одевайся, пойдем гулять». Возникает эмоциональный вакуум, так называемая «депривация», приводящая к искажению личности ребенка, внутрисемейным конфликтам, дезадаптации к школе, девиантному и асоциальному поведению.

Корр.: Раньше считалось, что с грудным ребенком нужно поменьше бывать в многолюдных местах. Теперь говорят, что к этому нужно относиться проще, и современные мамы, надев на малыша памперс и положив его в рюкзачок-«кенгуру» или в специальный «цыганский пояс», ходят с ним в гости, по магазинам, на выставки, на лекции для молодых родителей...

Г. К.: Насколько я знаю, это пришло к нам из Америки. Там сейчас мама может даже на работу или на учебные семинары ходить с грудным ребенком. Но, на мой взгляд, это своего рода игра, кокетство общества. Вдумаемся: почему, собственно, женщина с ребенком на руках должна ходить на семинары или навязы-

вать себя обществу в качестве работницы? У нее самая важная работа — уход за ребенком, и общество ей должно в этом помогать. А подобные новшества — это псевдоэмансипация женщины, когда она вдруг решила сравняться с мужчиной в своей профпригодности. Это просто смешно и инфантильно. У женщин и мужчин разные функции, и пытаться быть тут на равных совсем не надо. Материнство — очень почетное и сложное занятие. Причем тут семинары? Я видела в Америке, как женщина с ребенком на животе приходит в аудиторию, он ей мешает, она его задвинула куда-то в сторону и торопливо записывает за лектором... На мой взгляд, это свидетельство не эмансипации, а неуверенности женщины в завтрашнем дне. Она боится потерять работу, потому что у нее есть обуза — маленький ребенок. Малыш ей мешает, а она изо всех сил старается держаться на плаву. Общество же проявляет толерантность к ее попыткам не пойти ко дну. А ведь оно должно не толерантность проявлять, а предоставить женщине право быть нормальной матерью, не заботиться о завтрашнем дне. Пусть спокойно воспитывает детей, а на работу выходит и семинары посещает тогда, когда будет свободна от своих основных обязанностей — когда дети подрастут и у нее появится время на другие дела. Что же касается таскания младенцев по разным присутственным местам — неважно, в поясах или без, — то оно однозначно

неполезно. Груднички очень чувствительны к перемене обстановки, легко перевозбуждаются в присутствии чужих людей. Я уж не говорю о возможности подхватить инфекцию! Конечно, бывают безвыходные ситуации, когда малыша просто не с кем оставить, но нередко дело не в безвыходности, а в том, что мать не хочет поступиться ради младенца своими интересами и привычками. Это, естественно, тоже не способствует нормальному формированию системы «мать — дитя».

Корр.: Раньше детей пеленали, а сейчас многие сразу надевают ползунки. Это правильно?

Г. К.: Нет, надо пеленать. В этом тоже есть глубокий смысл, поскольку пеленание до определенного времени ограничивает избыток кислорода, чтобы ребенок постепенно переходил от одного вида дыхания к другому, от внутриутробного к атмосферному. Переизбыток кислорода может привести к гипервентиляции мозга и, соответственно, к повышенной возбудимости. Хотя, конечно, важно, чтобы пеленание было не очень тугим и гармонично сочеталось с нестеснением движений ребенка.

Корр.: Каким образом?

Г. К.: С первых же дней жизни младенец во время бодрствования должен получать двигательную свободу. А спать его надо укладывать в положении завернутого конверта, чтобы он не будил себя произвольными движениями. Способы пеленания бывают различными, в за-

висимости от состояния двигательной сферы младенца. Для уточнения характера пеленания целесообразно посоветоваться с ортопедом.

Корр.: До каких пор надо его пеленать?

Г. К.: Пока младенец сам не потребует свободы. Наступит время — он заявит об этом и тогда уже не потерпит никаких пеленок. Однако существует и определенный целесообразный срок пеленания. Это первый месяц жизни ребенка. В дальнейшем пеленание стоит использовать только по ночам, а во время дневного сна надевать ползунки. Но могут быть и другие варианты.

Корр.: В последние годы российские женщины практически все поголовно ходят в брюках. Можно сказать, это тоже некий эксперимент, поскольку для миллионов девочек брюки с раннего детства стали более привычной и желанной одеждой, нежели юбка. Оказывает ли это какое-то воздействие на их личность?

Г. К.: Вопрос, конечно, непростой. С одной стороны, брюки помогают сохранить здоровье, поскольку в них теплее, чем в юбке. Кроме того, в брюках удобнее вести подвижный образ жизни, ездить в общественном транспорте. Но с другой стороны, женщина, носящая брюки, утрачивает специфически женский облик. А вместе с ним — и специфические женские качества, ведь форма и содержание всегда очень тесно связаны. Женщина волей-неволей маскулинизируется. Это отражается да-

же на женской физиологии. Например, сейчас в моде худые длинноногие женщины, с мужской фигурой. Но природа жестоко мстит за нарушение ее законов. У длинноногой женщины скорее всего будут трудные роды, поскольку у нее узкий таз. То есть мужеподобие обрачивается снижением способности к деторождению. А во-вторых, возникают проблемы в интимной сфере. Наверное, не все знают, что длинноногие женщины часто бывают фригидны. Ну, а о психологических последствиях маскулинизации женщин и говорить нечего. Отказываясь от женского облика, женщина утрачивает ту роль, которую она играла на протяжении тысячелетий. Она перестает быть неким эстетическим образцом, «гением чистой красоты».

Казалось бы, ерунда: сменилась всего лишь форма одежды. Ан нет: женщина в платье требует совсем иного к себе отношения, мужчина чувствует ее иную, более тонкую, хрупкую природу. А в брюках она — «свой парень», сотрудник. С ней можно вести себя гораздо фамильярней, не церемонясь, не щадя ее чувств.

Корр.: Значит, если маленькая девочка почти все время ходит в брюках, у нее не формируется нормальный образ женщины?

Г. К.: Конечно, нет. А главное, ей некому подражать, потому что мама сама ходит в брюках, стрижется, как мальчик, зачастую курит. А если и не курит, то все равно не имеет есте-

ственного запаха, поскольку пользуется косметикой, духами.

Корр.: Ну и что?

Г. К.: Обонятельные ощущения играют для младенца огромную роль. Поэтому употребление косметики или резко пахнущих духов далеко не безобидно, когда в доме малыш. Оно тоже может нарушить систему «мать — дитя». Ребенку нужно, чтобы мама пахла естественно, а не разнообразной парфюмерией...

Корр.: А если еще и длинных волос у мамы нет?!

Г. К.: Существует мнение, что у ребенка генетически запрограммирован определенный архетипический образ женщины, который предполагает и специфический женский запах, и длинные волосы, и многие другие черты. Ребенок ищет его, а его нет!

Корр.: И у ребенка возникает тревога?

Г. К.: Да. Тревога и отторжение. Ему же надо еще понять, что это мама... И не только понять, но и принять, ведь из подсознания поступают сигналы, что мама «не такая», какой она вообще-то должна быть...

Корр.: В последние годы дети очень часто рисуют семью так, что совершенно неясно, где мама, а где папа. Оба нарисованы одинаково.

Г. К.: Так они и на самом деле одинаковы! Маскулинизация женщин приводит к тому, что она не только выглядит, как мужик, но и ведет себя по-мужски. Критерии нормы смеща-

ются, и общество начинает потихоньку сходить с ума. Некоторые мои коллеги-психиатры в последние годы договорились до того, что мать-одиночка, воспитывающая мальчика, обязательно должна на него кричать. Иначе он, дескать, не будет ее слушать. Вот вам еще одна педагогическая новация — «воспитание криком». Представляете? Мальчик заранее рисуется таким монстром, что он не будет слушаться женщину, если она не подавит его криком и подзатыльниками. А ведь это противоестественно! Женщина, мама, наоборот, должна быть для мальчика символом добра и красоты. Он должен ее оберегать, помогать ей, ухаживать за ней, место уступать. А тут матерей вдруг призывают стать крикливыми и драчливыми.

Корр.: В последние годы я не раз сталкивалась с тем, что маленькие мальчики демонстрируют просто запредельное пренебрежение к матери. Раньше такого не было... Подростки, конечно, вели себя по-разному, но малыши не проявляли такой грубости и даже цинизма, какие они проявляют сейчас. Разве это не искажение психики?

Г. К.: Конечно, искажение! Искажение, которое является следствием искаженной системы «мать — дитя». Здесь мы, как в зеркале, видим то, что ребенок воспринял в начале своей жизни. Генетические «компьютерные программы» были включены несвоевременно и неправильно. И отношения с мамой (а в даль-

нейшем и с обществом) развиваются также неправильно. Это глубочайший конфликт, который испытывает младенец. Нарушены его самые сокровенные связи с миром, ибо мать для маленького ребенка — самое близкое, самое любимое существо на земле. Но того образа, на который генетически настроена его психика, нет, и у малыша возникает протестное поведение, которое в некоторых случаях может приобретать и такой, указанный Вами, асоциальный характер.

Корр.: Насколько мне известно, агрессивность по отношению к матери нередко свидетельствует о каких-то тяжелых нарушениях психики. Например, она бывает при аутизме... Может ли сбой системы «мать — дитя» привести к психическим отклонениям?

Г. К.: К сожалению, это вполне возможно.

Беседу вела Т. Л. Шишова

О гиперактивности или Кто сказал, что Перпетуум мобиле не существует?

Гиперактивный ребенок... Лет двадцать на зад это словосочетание практически не звучало в обыденной речи. Теперь же оно у всех на слуху. Почему? Не потому ли, что количество таких детей в последнее десятилетие заметно прибавилось, и это уже становится некоей общественно значимой проблемой? Кое-где даже звучит мнение, что это некая особая «шестая раса», дети индиго. Тему гиперактивности мы также обсуждаем с профессором психиатром, доктором медицинских наук Галиной Вячеславовной Козловской.

Г. К.: В последние годы в мире действительно наблюдается выраженный рост детской гиперактивности. И, конечно, общество встревожено. Ведь совсем недавно, лет двадцать-тридцать — и уж тем более пятьдесят! — назад такая проблема не стояла.

Корр.: То есть это новое явление?

Г. К.: Видимо, да. Исследования в данной области лишь начинаются, но уже ясно, что гиперактивных детей становится все больше и больше. Особенно среди мальчиков. Они бывают подвержены гиперактивности примерно в 7-10 раз чаще по сравнению с девочками. Однако сразу подчеркну, что далеко не всегда это состояние является болезненным. Не всегда его можно расценить как СДВГ (синдром дефицита внимания и гиперактивности). Сейчас к гиперактивным детям нередко относят детей просто подвижных, веселых... Знаете, такой ребенок-егоза... Я думаю, в таких случаях это больше проблема взрослых, которые не особенно затрудняют себя в настоящее время родительскими или воспитательными обязанностями.

Корр.: Что Вы имеете в виду?

Г. К.: Каждый взрослый, а не только родители, обязан быть воспитателем детей, которых ему доверили или которые почему-либо около него оказались. Сейчас, правда, существует точка зрения, что человек должен быть свободен. Дескать, никто никому ничего не обязан. Но мне кажется, это инфантильное заблуждение. На самом деле испокон веков взрослые считали своей обязанностью тем или иным образом корректировать детское поведение, поскольку дети — это будущее. Рано или поздно дети вырастают, интегрируются в социум и, если их плохо воспитали, начинают его дезорганизовывать. Однако сейчас многие взрослые

очень раздражительно относятся к суетливому, подвижному ребенку. Он им мешает заниматься важными делами, думать, отдыхать. А ребенок нуждается в двигательной активности! Примерно с трех до семи-восьми лет ребенок испытывает в ней повышенную нужду, и при ее подавлении у него возникают реакции протеста. Сперва в виде небольшого непослушания, а потом, если двигательная активность ребенка систематически подавляется и не канализируется в какие-то более рациональные формы детской деятельности, то реакции протеста приобретают стабильный характер, невротизируют личность ребенка. В результате может возникнуть ситуация психической дезадаптации, и изначально здоровый, только чересчур подвижный малыш станет больным. Хотя, конечно, есть и настоящий синдром, проявление болезни, СДВГ...

Корр.: Который нуждается в лечении?

Г. К.: Да, но как лечить его — пока толком не знают. В этом признается весь цивилизованный мир. Особенно велико число детей с СДВГ в развитых странах: Америке, Англии и некоторых других. Размах этого явления приобретает угрожающий характер: до 30-40% американских школьников, по большей части мальчиков, относят к разряду страдающих синдромом СДВГ. Я, правда, думаю, это преувеличение — та самая гипердиагностика. Но, с другой стороны, нет дыма без огня, и это пугает.

У нас число детей с СДВГ тоже растет, но до Америки, к счастью, нам еще далеко.

Корр.: А как отличить излишне подвижного, суебливого ребенка от ребенка с СДВГ? Есть ли какие-то критерии, которыми могут руководствоваться родители и педагоги?

Г. К.: Типичный ребенок из группы риска по синдрому СДВГ — это «вождь краснокожих» из одноименного рассказа О'Генри. С точки зрения двух авантюристов, над которыми он издевался, мальчик безусловно относился к синдрому СДВГ. А с точки зрения его отца, который готов был подержать его десять минут, чтобы авантюристы успели добежать до канадской границы, паренек был в пределах нормы. Границу патологии и здоровья провести здесь довольно сложно. Зависит от воспитателя. Даже синдром СДВГ вполне может коррегироваться правильным обращением с ребенком. А при неправильном поведении воспитателя «пограничное состояние» ребенка может усугубиться. Хотя, конечно, есть и клинические признаки гипердинамического синдрома.

Корр.: Какие?

Г. К.: Кроме излишней двигательной активности, это могут быть различные вегетативные расстройства: нарушения сна, мраморность кожи, излишняя потливость, излишняя сухость и тусклость волос, признаки кожного диатеза, неопределенность аппетита. То ребенок прожорлив и ест все подряд, причем ест небреж-

но, пачкая все вокруг и себя едой, то, наоборот, отказывается от еды. Наблюдается и нестабильность веса: то он прибавляет в весе, мало питаясь, то худеет, несмотря на повышенный аппетит. Все это следствие нарушения как нервных процессов, так и ведущих психических функций — воли и внимания. У относительно психически здоровых детей с двигательной активностью воля и внимание нарушены незначительно. Их довольно легко отвлечь от продуктивной беготни, усадить, сосредоточить на чем-то, что его заинтересует. У ребенка же с СДВГ дефицит внимания — это настоящий бич. Сосредоточить его больше, чем на 3-5 минут, удастся с трудом. Но все же и в эти 3-5 минут ребенок может быть продуктивным, если ему дать интересное задание и, главное, работать вместе с ним. Гиперактивные дети требуют общения. В отличие от аутистов, они жаждут внимания, усиленно его привлекают, бывают навязчивы, лезут к детям, встречаются в разговор взрослых. А поскольку внимание их очень рассредоточено, они, не дослушав и недопоняв, о чем идет речь, перебивают собеседников, не соблюдают правил игры, пытаются лидировать, навязать свои правила, свою форму деятельности. Чем, естественно, вызывают негодование окружающих. В результате ребенок с СДВГ быстро превращается в изгоя. Дети отказываются с ним общаться, вызывая у него тем самым реакции раздражения, ревности,

зависти. С другой стороны, взрослые теряют над таким ребенком контроль, не могут им управлять и воспитывать. Именно этих детей называют нарушителями спокойствия, головной болью школы. Они бегают, суетсяя, во все вмешиваются, громко разговаривают, постоянно что-то роняют, теряют, опаздывают, не понимают, путают, выкрикивают с места. Для них характерна жажда признания, которой они, естественно, при таком поведении не получают.

Корр.: А как тут с агрессивностью?

Г. К.: Сама по себе агрессивность им обычно не свойственна. Это ребята веселые, добродушные. Но поскольку их не хотят понимать и принимать в общество, нрав их начинает портиться. Им свойственна эмоциональная несдержанность, гневливость. Если гиперактивный ребенок обиделся, он тут же даст яркую вспышку гнева, не будет рассуждать, прав он или нет. По его понятиям его обидели — и точка. Он не столько агрессивен, сколько импульсивен. А поскольку свою двигательную активность такой ребенок не регулирует, то он может налететь, пихнуть, повалить, что-то разбить, разрушить. Он склонен к разрушительным действиям, но эта агрессия не целенаправленная. Она не представляет собой заранее спланированное действие с целью наказать обидчика. Вот он возмутился, налетел на обидчика — и тут же все забыл, опять хочет с ним играть, возиться...

Таким детям не свойственна зависть, жадность. Они, наоборот, добродушные, простецкие, готовы дружить. Хотя дружба у них тоже весьма поверхностна, нестабильна. Они не умеют терпеть, жертвовать, сохранять стабильные отношения.

Корр.: Неумение терпеть, вероятно, связано с нарушениями в волевой сфере?

Г. К.: Да, терпение — самое главное проявление воли. А оно-то у гиперактивных детей напрочь отсутствует. Они часто даже не могут сдерживать позывы к мочеиспусканию. Захотелось такому ребенку в туалет — если его тут же не выпустить из класса, у него будет дневной энурез. С неумением терпеть и рассуждать связано также частое рискованное поведение гиперактивных детей. Они летят сломя голову через дорогу, не знают края... вернее, не учитывают его. Это безрассудные храбрецы. Они могут быть способны и на подвиги, но скорее, потому, что просто не предвидят, не просчитывают последствий.

Корр.: Что можно сказать об умственном развитии гиперактивных детей?

Г. К.: Интеллект у них обычно не нарушен. Если удастся при помощи лекарств стабилизировать двигательную активность, то у них хорошо работают умственные способности. Таким детям легко дается математика: арифметика, алгебра. А вот геометрия идет с трудом, так как у них долго не формируется пространственная

ориентировка, они долго путают понятия «лево-право», «над-под», предлоги... Гиперактивные дети хорошо играют в шахматы, поскольку видят перед собой доску, и им не надо представлять в уме перемещение фигур. В основном у них поражено правое полушарие мозга. Поэтому, с одной стороны, им свойственна эмоциональная нестабильность, а с другой, у них склонность к конкретному, обыденному мышлению.

Корр.: В каком возрасте проявляется СДВГ?

Г. К.: Порой даже внутриутробно. Повышенная подвижность плода, особенно в ночное время, может служить указанием на будущую гиперактивность ребенка. Но это все-таки исключения. Обычно же гиперактивность определяется в течение первого года жизни ребенка.

Корр.: По каким критериям мама может заподозрить, что с малышом не все в порядке?

Г. К.: Младенец с трудом выдерживает пеленание, выворачивается, протестует. Он очень подвижен и во время сна, и во время бодрствования. У него чрезвычайно выражен комплекс оживления. Вернее, двигательный компонент этого комплекса. Даже во время еды он не может уgomониться. Обычно у младенца после кормления наступает состояние автаркии — эдакое полусонное удовольствие. А у гиперактивных детей состояние автаркии не наступает. Они и у груди суетятся, вывертываются, щиплются, не удерживают удобной позы. Зато у них

быстро формируются двигательные навыки. Как правило, они рано научаются ползать, вставать на четвереньки, пытаются стоять.

Корр.: Гиперактивные младенцы плаксивы?

Г. К.: Нет. Они, наоборот, жизнерадостны, активны. И лишь тогда, когда этой активности не дается выхода, у них появляется гневливость, раздражительность.

Корр.: Но почему все-таки в развитых странах число гиперактивных детей неуклонно растет?

Г. К.: Высказываются разные предположения. Есть версия, что это связано с питанием. Во многие жвачки, конфеты и другие детские продукты добавлены всевозможные красители. Якобы эти вещества действуют на подкорковые структуры, которые «заведуют» двигательной активностью человека. А поскольку жвачки, конфеты и прочее дети усиленно потребляют именно в дошкольном возрасте, это способствует развитию гиперактивности. Другая версия гласит, что это внутриутробное поражение определенных структур головного мозга при гипоксии плода, которая может возникать по причине чрезмерной занятости беременной женщины, при неправильном питании, курении, при стрессах, большой физической нагрузке, при заболевании вирусной (особенно ретровирусной) инфекцией.

Еще одна версия — генетическая. Ее сторонники утверждают, что при гиперактивности нарушаются дефаминовые и серотониновые

процессы в нервной системе в результате поражения генных структур. Причем по составу поражения этот синдром напоминает гораздо более тяжелое психическое заболевание — шизофрению. Однако клинические проявления гиперактивности имеют очень мало общего с шизофренией. Наоборот, это гипербобщительность, веселость, нет склонности к параноидным интерпретациям окружающей действительности. Наоборот, возникает даже приукрашивание действительности и себя в ней, отношение к жизни детское, инфантильное.

И, наконец, последняя версия. Поскольку поражены преимущественно мальчики, есть мнение, что тут влияют социальные факторы. Современный цивилизованный мир не учитывает особенностей развития мальчиков. Им от природы свойственны большая двигательная и познавательная активность, чем девочкам, большая любознательность и при этом какое-то время — большая поверхностность внимания. Воля же у них, наоборот, формируется медленней, чем у девочек. Девочкам присуща стабильность, консервативность, конкретность, большая адаптивность. При воспитании мальчиков нельзя подавлять их стремление к свободе, поскольку это одно из проявлений познавательного инстинкта. Оно, кстати, присутствует не только у людей, но и у животных. Если подержать какое-то время щенка в замкнутом темном пространстве, то его поведение

будет очень напоминать поведение ребенка с СДВГ. Щенок начинает носиться взад и вперед, становится неуправляемым, не отзывается на свою кличку, не понимает слово «нельзя». И если его не удержать при себе силой, он может попасть под машину или потеряться, очень часто погибает. Вот и у мальчиков такая двигательная расторможенность нередко бывает реакцией на подавление их активности. А подавление это связано с тем, что в современном цивилизованном мире преобладает женский тип воспитания. В семье, в детском саду, в школе мальчиков, в основном, воспитывают женщины, которые вольно или невольно навязывают мальчикам женскую психологию, женские модели поведения. Вдобавок это происходит в смешанных группах и классах, вместе с девочками. Девочки, естественно, оказываются более успешными, ведь требования при таком обучении, в основном, рассчитаны на их особенности. Даже в дошкольном возрасте девочки могут долго, до 30 минут, сидеть в одной позе и, сложив ручки на парте, внимательно слушать объяснения педагога. И речь у них поначалу развита лучше, чем у мальчиков, у которых нередко наблюдается так называемая алекситимия — они не умеют по-настоящему выражать словами свои мысли и научаются это делать гораздо позднее, да и то не всегда. Многие мужчины — плохие ораторы. Они в массе своей немногословны. Вспомните хотя бы, как

часто жены жалуются на неразговорчивость мужей. Это такая мужская особенность. И словесные задания, устные объяснения учительницы мальчики воспринимают с трудом, им это не интересно, они быстро начинают отвлекаться. А когда сорванцам становится скучно, на первый план тут же выходит то, что компенсирует скуку — двигательная активность. Мальчик начинает вертеться, рыться в рюкзаке, кидаться бумажками, а то и вовсе встает и ходит по классу. И вместо того, чтобы понять его особенности, дать ему какое-то другое задание или позволить ему не сидеть, а стоять у парты, учительница начинает его ругать и наказывать. В тех же классах, где особенности мальчиков учитываются, даже гиперактивные дети учатся и ведут себя хорошо. Например, в России сейчас активно распространяется методика В. Ф. Базарного. В частности, он предложил специальную парту-конторку, за которой ребенок может и сидеть, и стоять — как ему удобно. При раздельном обучении можно лучше учесть особенности мальчиков. Девочки сидят спокойно, а мальчишки в своем классе вертятся и даже прыгают во время урока. Но при этом они слушают объяснения учителя, легко усваивают материал и успевают ничуть не хуже девочек. А то и опережают их!

Корр.: Но ведь и тридцать лет назад детей, в основном, учили и воспитывали женщины. А такого всплеска гиперактивности не было.

Г. К.: Мне кажется, это некое накопление форм поведения. Возьмем такой пример из этологии — науке о поведении животных. Птичья стая живет в Англии. Тамошние вороны имеют свой язык, и когда их привозят в Москву, они не понимают местных, московских ворон. Но, пожив немного здесь, усваивают новые формы поведения и передают их потомству — путем научения, и, по-видимому, каким-то образом через генетическую память. Думается, накопление гиперкинетического синдрома у мальчиков есть некая этологическая реакция протеста мужского начала на женское засилье.

Корр.: А современное телевидение с обилием рекламы, компьютерные игры не могли повлиять на рост детской гиперактивности?

Г. К.: Компьютеризация, конечно, опасна. Влияние компьютера на мозг и психику людей пока изучено недостаточно, но уже ясно, что тут много негативного. Особенно в компьютерных играх. Это настоящая виртуальная деятельность. Но в отличие от деятельности реальной, она бессмысленна. Возьмите любое реальное действие: скажем, человек переставляет стулья с одного места на другое. Тут есть хотя бы какой-то результат. А компьютерные стрелялки, догонялки, бродилки никакого результата не имеют. Обучающего начала нет, творческого тоже. Подобные игры бессмысленны, построены на случайных догадках. Но при этом они затягивают, становятся навязчивым

увлечением, и у человека может возникнуть даже аддикция, вплоть до игромании. Сейчас в среде профессионалов уже признано, что компьютерная зависимость — вид наркомании.

Корр.: Западные врачи говорят, что маленький ребенок испытывает двигательную депривацию, если он проводит перед экраном больше часа в день.

Г. К.: Да, это особенно актуально для Америки, где воспитание уже давно построено по типу радионяни, а теперь и компьютерной няни: с ребенком разговаривают мало, стараются пораньше уткнуть его в экран, и он часами сидит, захваченный зрелищем, в одной позе.

Корр.: В Америке и дошкольники очень активно играют в компьютер. Существуют даже специальные компьютерные приставки для детей до года. У нас это пока не распространилось, хотя в Москве компьютерные игры довольно популярны уже и среди дошкольников.

Г. К.: Что ж, в случае раннего вовлечения ребенка в компьютерные игры этот фактор вполне может повлиять на развитие гиперактивности. Ведь компьютерный свет и излучение, пусть даже незначительное, действует на фронтальную, лобную кору головного мозга. А именно повреждение лобной коры поражает внимание и, соответственно, нарушает волю. Таким образом, неуправляемой становится и двигательная активность, возрастает импульсивность. То есть двигательная активность уже

развивается как бы вторично, не совместно с повышением внимания, а отдельно от него. Может быть, неслучайно в Соединенных Штатах особенно распространен гиперкинетический синдром.

Корр.: А телевизор тоже влияет? Сейчас во многих семьях он практически не выключается. А ведь тут тоже и излучение, и яркие, будоражащие психику краски, и клиповая подача материала, отнюдь не способствующая нормальному развитию внимания...

Г. К.: Да, плюс еще реклама. Просто паразитально, как маленькие дети на нее «подсаживаются». Причем, особенно реагируют на рекламу дети с тем или иным поражением нервной системы. Например, аутисты, которые вообще не могут сосредоточить внимание. Телерекламу же они смотрят очень внимательно, повторяют песенки, слоганы. А говорить при этом практически не умеют! Вообще, сейчас очень много разрушающих факторов, которые безусловно являются пусковыми, а возможно, и патогенетическими механизмами психических отклонений.

Корр.: Что делать родителям, если у их ребенка выявилась гиперактивность? Начнем с младенчества...

Г. К.: Прежде всего надо обратиться к невропатологу, который поможет избавиться от последствий перинатальной патологии, пропишет успокоительные микстуры, массаж.

Корр.: А массаж не растормозит малыша?

Г. К.: Нет. Он, наоборот, ускорит развитие двигательного компонента, моторики.

Корр.: Но ведь такие дети сверхподвижные. Разве моторика у них не развита?

Г. К.: Увы. Этому синдрому присуща двойственность, амбивалентность: двигательная гиперактивность и, одновременно, плохая координация движений, недоразвитие мелкой моторики. Активность таких детей хаотическая, не целенаправленная. Став постарше, они плохо лепят, плохо рисуют, плохо играют на музыкальных инструментах, отличаются неуклюжестью, движения у них размашистые, неграциозные.

Корр.: А как обращаться с гиперактивным младенцем?

Г. К.: Не надо сдерживать его активность. Он стремится к общению — надо дать ему такую возможность.

Корр.: Почаще брать на руки?

Г. К.: Нет. Лучше создавать ему условия нестеснения: распеленать, дать возможность продемонстрировать комплекс оживления. Если он научился ползать, пусть ползает. Научился прыгать — пусть прыгает в прыгунках. Ребенок с гиперактивностью может часами прыгать в прыгунках и не раздражать мать. Она занимается своими делами, а он рядом прыгает. Устанет, заснет, а потом проснется — и опять прыгает. Короче говоря, двигательную актив-

ность малыша стеснять не следует, но нужно за ним постоянно приглядывать. Его нельзя оставлять одного, с ним нужно почаще общаться, пытаться играть на его уровне, привлекать, развивать его внимание, направлять на какую-то целесообразную деятельность.

Корр.: От младенчества перейдем к дошкольному периоду.

Г. К.: Поскольку проблема гиперактивности, в основном, касается мальчиков, то необходимо предоставить им возможность избыть свою энергию, рано приучать к каким-то осмысленным двигательным занятиям: плаванию, танцам, бегу, игре в мяч. И опять-таки желательно делать это совместно с родителями, помня о том, что гиперактивные дети повышено нуждаются в общении с близкими. Нужно давать им возможность выплеснуть не только энергию, но и радость, которая у них есть в избытке и которой они могут заражать окружающих. Ведь ребятишки с гиперкинетическим синдромом такие забавные! Они прямо брызжут весельем. Главное с таким ребенком правильно обращаться. Он на ходу может слушать сказку, не надо его усаживать. Не нужно ставить в угол, для него это ужасное наказание. Физически тоже наказывать бесполезно. Ругань, крики, подзатыльники на детей с СДВГ не действуют. Они этого не запоминают и даже наоборот, будут вести себя еще хуже. Лучше чего-то лишить, четко обозначать границы доз-

воленного. Но, в основном, нужно учитывать, что такой ребенок не виноват в своей излишней подвижности и разрушающих действиях. С другой стороны, его все равно необходимо приучать к понятию «нельзя». Это нужно объяснять, причем кратко, стараясь удержать его внимание, и использовать какие-то простые поощрения. Скажем, он любит сладкое — используйте этот стимул. Не обязательно давать конфеты, можно изюм, кусочек печенья. Награда должна быть символической, но она совершенно необходима. Гиперактивный ребенок не умеет предвидеть последствия поступков. А тут, если его хорошие дела подкрепляются поощрениями, он на условно-рефлекторном уровне усваивает правильные модели поведения. Причем ребенок должен чувствовать, что взрослый как бы играет с ним в хорошее поведение, не заставляет его. Потому и награда маленькая, символическая. Она будет восприниматься ребенком как элемент игры, и ребенок будет благодарен взрослому за такое символическое поощрение. А подкупать его игрушками или давать за хорошее поведение деньги — не награда, а баловство. Это совершенно недопустимо. Постепенно, конечно, надо переходить от материальных поощрений к словесным, но не сразу, а по мере психологического взросления ребенка. Дети с СДВГ плохо управляемые, но эмоционально они не тупые, а очень даже чувствительные. Они способ-

ны понять, что обидели кого-то, раскаяться. Опираясь на эти свойства и апеллируя к их природной доброте, используя в качестве стимула ласку, нужно приучать их к поведению, принятому в обществе.

Корр.: Теперь затронем школьный возраст.

Г. К.: В нашей стране, к счастью, появилась перспектива коррекции СДВГ путем отдельного обучения мальчиков и девочек. В мальчиковых классах синдром гиперактивности быстро стухает. В этом году я как раз наблюдала такую группу школьников. Они перешли в мальчиковый класс. Их было девять человек из очень разной среды: из малоимущих семей, из многодетных, из «новых русских». Но наблюдалось и нечто их объединяющее: всем этим детям была присуща психическая депривация. Родители ими не занимались. В школу ребята пришли абсолютно неподготовленными, читать не умели, спокойно сидеть, терпеть, отвечать на вопросы не могли. СДВГ в той или иной степени выявлялся у всех. Эти девять малышей дезорганизовали буквально всю школу: носились во время уроков по коридорам, топали, кричали, были совершенно неуправляемыми. Учителя из этого класса сбегали один за другим. За непродолжительное время сменилось три педагога. Даже мужчина-физкультурник опустил руки, заявив, что подобных мальчишек он в жизни не видел. Я лично присутствовала на уроке — это было не-

что невообразимое. Разбрасывались наглядные пособия, дети залезали на шкаф, под стол, потом выскочили из класса, носились по лестницам. У них не было элементарных навыков самообслуживания, нормально раздеться или одеться — и то они не могли! И вот пришла учительница, молоденькая, без большого опыта работы с мальчиками, но зато с большой любовью к детям. Она как-то сразу полюбила этих ребят, почувствовала, что они обездоленные, несчастные, обделенные родительским вниманием. И за месяц-другой ситуация в классе изменилась кардинально. Сперва она хотела их подлечить, пригласила для этой цели меня, вызвала родителей. А потом оказалось, что все налаживается и без лечения. Достаточно ее ясных глаз, доброй души, внимания... Ребята прекратили кидаться ластиками, убегать с урока, развлекать самих себя. Между ними и учительницей возникло такое понимание, что гиперкинетический синдром куда-то убрался. Нет, они, конечно, не превратились в паинек. На уроке они могут встать, немного походить. Для них поставили конторки, постелили в задней части класса ковер, где они могут даже поскакать, поваляться, если им приспичит. Но теперь они в этом не очень-то и нуждаются, им стало интересно слушать учительницу.

Корр.: То есть гиперактивность может порождаться не только двигательной депривацией, но и эмоциональной?

Г. К.: Конечно! Недостаток человеческого тепла, любви, нормального общения — важнейший фактор развития гиперактивности. Во многих семьях настоящего контакта с гиперактивными детьми нет. Как нет и четких, понятных ребенку требований. Родители его распускают и при этом стараются с ним поменьше общаться, не связываться, он их раздражает. Бегает там где-то — и ладно, лишь бы сам не покалечился и другим особо не мешал.

Корр.: Но, наверное, «терапии любовью» все-таки недостаточно? Вероятно, и лекарства не помешают? И какие-то специальные психолого-коррекционные меры?

Г. К.: Конечно, и в дошкольном, и в школьном возрасте детей с СДВГ надо подлечивать. А что касается психолого-коррекционных мер, то в школьном возрасте гиперактивным детям необходима дозированная спортивная нагрузка. Полезны занятия, помогающие тренировать волю: карате, ушу. Командные виды спорта типа футбола тоже хороши, но когда ребенок станет постарше. В младшем школьном возрасте гиперактивные дети плохо усваивают командные игры. Еще им очень подходят танцы, плавание, музыкальные занятия, хор. Если бы конный спорт сейчас не был таким дорогим удовольствием, то можно было бы порекомендовать занятия с лошадьми.

Корр.: Можно ли таких детей отдавать в детский корпус или они не выдержат нагрузки?

Г. К.: Я думаю, это неплохо, потому что в кадетских корпусах обычно мужской состав педагогов. Там таких детей знают и дают им серьезную физическую нагрузку. А приучение к дисциплине, развитие силы воли — все то, на что делается упор в военизированных учебных заведениях, — гиперактивным детям совершенно необходимо. Современная семья, особенно такая, в которой ребенка воспитывает одна мама, обеспечить это обычно не в состоянии. Вообще, таким ребятам позарез нужен мужской коллектив. В кадетском корпусе у них вырабатывается чувство иерархии, младшие привыкают слушаться старших. Для неуправляемого, непослушного ребенка с гиперкинетическим синдромом такой опыт бесценен. Важно только, чтобы не было дедовщины.

Корр.: Детям с СДВГ, наверное, лучше жить на природе? Они там чувствуют себя вольготней, чем в большом городе.

Г. К.: Да, но только если ребенок не будет там в изоляции, без сверстников. А если он сможет, живя в деревне или на даче, ходить в школу, бегать с ребятами по улице, играть — это прекрасно. Для таких детей игры типа «казаков-разбойников» очень психотерапевтичны.

Корр.: А что происходит с гиперактивными ребятами в подростковом возрасте?

Г. К.: Как правило, годам к 12-13 СДВГ даже без лечения уходит, однако проявляется другая патология. Гиперактивный ребенок уже на-

учился обращаться с обществом так же, как общество обращалось с ним, то есть отвергать его. Поведение его становится асоциальным: проявляется склонность к деструкции, лжи, воровству, поджогам, побегам из дому. Воля не сформирована, поэтому подросток легко попадает под влияние более сильных и волевых парней. А поскольку он доверчив, простодушен, внушаем, не умеет отделить главное от второстепенного, то авторитет, под влияние которого он попал, часто бывает асоциального характера. Такие подростки — легкая добыча для криминальных структур. Очень многие из них становятся наркоманами, алкоголизируются.

Корр.: Значит, главное — следить за тем, чтобы сын не попал в дурную компанию?

Г. К.: Да. Еще одна особенность таких подростков состоит в том, что они жаждут удовольствий. Всем нам присущ гедонизм, но мы, в силу своей зрелости, умеем его сдерживать. А они не умеют, поскольку в них много детского, инфантильного. Они сами радостные и хотят хорошего отношения к себе. И в дурную компанию они легко попадают потому, что там их начинают хвалить, поощрять, благодарить. В том числе и наркотиками. Поэтому в подростковом возрасте ребятам, страдавшим в детстве СДВГ, необходим больший родительский контроль, чем здоровым сверстникам. А с другой стороны, ребенок должен чувствовать себя в семье любимым. Нельзя, чтобы в общении с

ним преобладал негатив. Кроме того, крайне важно подыскать ему какую-то интересную деятельность. Чаще всего это бывают спортивные занятия, математика, театральное искусство. Поскольку такие люди жаждут признания, то на сцене они себя чувствуют прекрасно. У них и внимание откуда-то появляется, и двигательная активность уменьшается. Они любят петь. Получая моральное вознаграждение от общества за какие-то свои хорошие поступки, гиперактивные ребята воздают сторицей. И если они растут и развиваются в культурной среде, у них постепенно вырабатывается иммунитет к криминальному воздействию.

Корр.: Им, наверное, особенно вредно слушать рок-музыку?

Г. К.: Рок-музыка никому не полезна. Низкочастотные ритмические удары отрицательно действуют на мозг. Но для гиперактивных ребят рок-музыка просто убийственна, ведь она возбуждает, способствует двигательной активности. А они и без того сверхвозбудимы, расторможены.

Корр.: Давайте теперь себе представим, кто может вырасти из гиперактивного ребенка. Отрицательный вариант уже ясен. А вот если его вовремя скорректировать?

Г. К.: Такие люди бывают очень трудолюбивы, неутомимы, активны, целеустремленны. Повышенная двигательная активность исчезает, сменяясь очень большой целенаправленно-

стью. Они уживчивы, коммуникабельны. Однако какие-то признаки, по которым можно догадаться об их скомпенсированном синдроме, все равно сохраняются. Скажем, толпа ждет на остановке автобуса. Большинство стоит спокойно, а наш герой спокойно ждать не может. Он бегаёт взад и вперед, то и дело выглядывает на проезжую часть. Стоять в очереди для него тоже невыносимо. Он ее займет и куда-нибудь убежит. Сидя, он с трудом держит позу, наклоняется, вертится, ногами стучит, пальцами барабанит.

Корр.: А какие профессии больше подходит для таких людей? На что их нацеливать родителям?

Г. К.: Интеллект у них обычно хороший. Они могут быть учеными, математиками, бухгалтерами.

Корр.: Но ведь работа бухгалтера требует большой сосредоточенности, усидчивости!

Г. К.: Если им интересно, они могут сосредоточиться. Тут у них появляются и упорство, и педантичность, необходимые для бухгалтерской деятельности... Кроме того, человек, страдавший в детстве гиперактивностью, может быть актером, режиссером, барабанщиком. Еще им подходит работа, связанная с беготней: курьер, коммивояжер, рекламный или страховой агент, контролер. При выборе специальности нужно учитывать, что мышление у них конкретное. Скомпенсированные гиперактив-

О ГИПЕРАКТИВНОСТИ

ные ребята, прошедшие соответствующую подготовку, могут стать хорошими организаторами, ведь они добродушные, веселые, бессеребренники, хорошо ладят с окружающими. В общем-то, это приятные люди. Если только не дать им пойти по кривой дорожке...

Беседу вела Т. Л. Шишова

Святые отцы и пастыри Церкви о послушании

Послушание воле Божией

- Великую добродетель, начало всех добродетелей, утраченную Адамом на Небе, добродетель послушания Богу принес Богочеловек с Неба на землю к людям, томившимся в гибели, вызванной преслушанием Бога (*свт. Игнатий Брянчанинов*).

- Послушание Божью повелению дарует жизнь, а непослушание — смерть и тление (*прп. Нил Синайский*).

- Человек, образ Божий и подобие, послушанием Истине возвышается надо всем (*авва Исидор Скитский*).

- Послушание есть смерть собственной воли и воскресение смирения... Послушание есть оправдание перед Богом, устранение страха смерти, безопасное плавание... Послушание есть отказ от человеческого рассуждения даже при богатстве рассуждения (*прп. Иоанн Лествичник*).

- Если что-нибудь тебе будет повелено, согласное с заповедями Господа Бога нашего, соблюди и исполни это с тщательностью... Напротив, если будет приказано что-либо противное божественным заповеданиям, тогда нужно ответить приказывающему: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29) (*прп. Антоний Великий*).

- Предпочитай волю Божию всякой человеческой мудрости и признавай ее более полезной, чем все человеческие разумения (*прп. авва Исайя*).

- Вера — мать послушания (*свт. Тихон Задонский*).

- Послушание Богу явил Авраам, святой праотец, как читаем в книге Бытия. Когда ему повелел Бог: «Пойди из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего и иди в землю, которую я укажу» и прочее (Быт. 12, 1), он не отказался сделать это. Оставил отечество свое, род свой и дом отца своего, и пошел в землю чужую, незнакомую, как писал апостол: «Верю Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет» (Евр. 11, 8). Еще большего удивления достойное дело сотворил святой патриарх, когда по повелению Божию привел и вознес на жертвенник во всесожжение своего сына Исаака, и хотя не на деле, но

произволением заклал его (Быт. 22, 1-12). Верный и искренний послушник не отказался вознести его на всесожжение, невзирая на столь тяжкое и непостижимое повеление, но внимал власти Повелевающего, силе и всемогуществу, «ибо он думал, — говорит апостол, — что Бог силен и из мертвых воскресить» (Евр. 11, 19) (*сет. Тихон Задонский*).

• Преслушанием душа погружена в море забвения, в глубину заблуждения и стала обитать во вратах адовых (*прп. Макарий Египетский*).

• Разве мы не змии, когда не послушны Богу, а пребываем в преслушании, внушенном змием? (*прп. Макарий Египетский*).

• Кто держится за свою волю, изгоняет волю Божию и препятствует действию Божественной благодати (*Паисий Святогорец*).

• Без истинного послушания ничто не угодно Богу. Ни исповедание имени Его, как говорит Христос: «Что вы зовете Меня: Господи! Господи! — и не делаете того, что Я говорю?» (Лк. 6, 46); «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа», — говорит апостол (2 Тим. 2, 19)... Ни молитва, ибо написано: «Грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Ин. 9, 31)... Ни пение, ни хваление, ни славословие, ни прочее устное почитание Богу не приятно без

сердечного почитания, как о таких говорит Бог: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15, 8; Ис. 29, 13). Надо непременно очистить себя истинным покаянием и тогда призывать, петь, хвалить святое имя Божие, которое святые Ангелы с благоговением воспевают (Ис. 6, 3). Ибо всякое устное почитание без сердечного есть лицемерие (*сет. Тихон Задонский*).

- Хотя мы, по немощи нашей, и не можем такого повиновения Ему проявлять, какого Его святой и праведный закон от нас требует, потому что «плоть желает противного духу» (Гал. 5, 17), однако мы должны от всего сердца стараться не позволять плоти господствовать над нами, но покорять плоть духу и духом умерщвлять дела плотские, как учит апостол (Рим. 8, 13). Обещание послушания мы столько раз повторяем, сколько раз каемся перед Ним в согрешениях наших. Следовательно, кто не старается проявлять этого послушания Богу, напрасно говорит Ему: «Господи! Господи!» (*сет. Тихон Задонский*).

- У верующего во Христа против сердечных чувств обнажен меч Христов, и он насильно отсекает мечом послушания Христу не только явные порочные стремления своего сердца, но и те стремления, которые по видимости кажутся добрыми, по самой же сути противоречат

Евангельским заповедям (*сет. Игнатий Брянчанинов*).

• Вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного духовного разума; там обширная область темного царства лжи и производимого ею самообольщения (*сет. Игнатий Брянчанинов*).

Послушание духовному отцу и ближним

• Имей постоянным залогом в сердце послушание (духовному) отцу твоему, и будет обитать в тебе страх Божий (*сет. Игнатий Брянчанинов*).

• Слушай того, кто вразумляет тебя о Господе, чтобы мог ты принести плоды Богу (*прп. Ефрем Сирин*).

• Если хочешь стать избранным сосудом, не имей негодования на наставника, но преуспевай в покорности о Господе и смиренномудрии. (*прп. Ефрем Сирин*).

• Думающие о себе, что не имеют нужды в наставниках, недугуют невежеством, которое есть мать гордости; поэтому они не покоряются тем, кто с любовью учит их. Таким людям предшествуют на пути к гибели, за этот же недуг изринутые из небесного жительствова, демоны, так как и они отвергли небесных наставников. Но предмет учения должны составлять

не слова и складки, — такое учение бывает иногда и у самых худых людей, — а добрые качества нрава (*«Лавсаик или повествование о жизни святых и блаженных отцов»*).

- Многие в настоящее время, особенно из отвергающих путь духовного отношения, в оправдание свое ссылаются на недостаток и оскудение духовных наставников. Но святитель Василий Великий говорил, что если кто усердно поищет доброго учителя, то и непременно найдет. И святой Симеон Новый Богослов учит: «Молитвами и слезами умоли Бога показать тебе человека, который бы мог хорошо упасти тебя». И далее говорит: «Лучше называться учеником ученика, а не жить самочинно, и обирать бесполезные плоды своей воли (*из книги «Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида», Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991, стр. 21*).

- Петр Дамаскин о себе говорит, что сам он много раз терпел вред от тех, кого спрашивал. Поэтому он пишет: «Не всякий, кто стар летами, уже способен к руководству; но кто вошел в бесстрастие и приял дар рассуждения. Хорошо не таить своих помыслов от отцов, однако же не всякому, кто ни прилучится, надо их сказывать, но старцам духовным и дар рассуждения имеющим, мудростию, а не одними летами поседевшим. Многие, смотря на один возраст старости, открывали свои помыслы и вме-

сто врачевства, по причине неискusstва выслушавших их, впадали в отчаяние. Не всякий может руководить, и это не всегда по собственной неукспешности и незрелости, но нередко по быстроте созрения. Многие по причине великой простоты и великого жара ревности очень скоро проходят первые степени и многого не испытывают (*«Настольная книга для монашествующих и мирян», Свято-Успенский Псково Печерский монастырь, 2004, стр. 390*).

- Даже человек, который не блещет умственными способностями, оказывая послушание, становится философом, мудрецом. Будь человек умным или глупым, здоровым или больным (духовно или телесно), если он, мучаясь от помыслов, оказывает послушание, то [от мучения помыслов] он освободится. Послушание — это освобождение. Самый большой эгоист — это тот, кто живет по своим помыслам и никого не спрашивает. Такой человек разрушает сам себя. Если у человека есть своеволие, самоуверенность и самоугождение, то, и будучи умным — даже семи пядей во лбу, — он будет страдать постоянно. Он запутывается, связывает себя по рукам и ногам, у него возникают [все новые и новые] проблемы. Чтобы найти свой путь, он должен раскрыть свое сердце какому-то духовнику и смиренно попросить его о помощи. Однако некоторые вместо духовника идут к психиатру. Если психиатр окажется верую-

щим, то он приведет их к духовнику. А неверующий психиатр ограничится тем, что даст им какие-нибудь таблетки. Однако сами по себе таблетки проблемы не решают. Для того, чтобы люди смогли правильно отнестись к тому, что с ними происходит, для того чтобы их состояние улучшилось и они перестали страдать, им необходима и духовная помощь (*Паисий Святгорец*).

• Некий старец сказал: «Тот монах, который от души предаст себя повиновению духовному отцу, имеет большее воздаяние, чем тот, кто живет отшельником в пустыне». К этому он добавил: «Один из отцов сказывал, что он видел четыре чина в Небе. Первый чин состоял из больных, благодарящих Бога, второй — из принимающих странников и служащих ближним. Третий — из жительствовавших в пустыне, лишенных человеческого общества. Четвертый — из тех, которые повинуются духовным отцам и находятся в послушании у них ради Бога. Чин проходящих послушание украшался золотой цепью и венцом и имел большую славу, чем три первые чина. Я спросил того, кто показывал мне все это, почему этот чин имеет большую славу? Он ответил: «Потому, что принимающие странников делают это по собственной воле. И отшельники по собственной воле оставили человеческое общество. Но чин, предавший себя послушанию, находит-

ся в совершенной зависимости от Бога и от духовных отцов, потому и имеет большую славу». Благое дело — послушание, проходимое ради Бога. Наследуйте, хотя бы отчасти, эту добродетель! Послушание — спасение для всех верующих. Послушание порождает все добродетели. Послушание — дверь в Царство Небесное... Послушание — пища всех святых: воспитанные им, как молоком, они при посредстве его достигли совершенства (*сет. Игнатий Брянчанинов*).

• В ком есть послушание, тот со всеми соединен любовью (*прп. Ефрем Сирин*).

• Послушливый, если слышит упрек, не смущается, от оскорблений не приходит в воспламенение, в печалях радуется, в скорбях благодарит... Послушливый готов на всякое доброе дело. Им не легко овладевает вспыльчивость (*прп. Ефрем Сирин*).

• Блажен, кто послушен ближнему по Богу и терпит скорби с благодарением, ибо таковой будет увенчан, став исповедником о Господе (*прп. Ефрем Сирин*).

• Тот велик, кто оказывает послушание брату своему (*Отечник, составленный сет. Игнатием Брянчаниновым*).

• Отцы сказали: • Рассуждение главнее всего, молчание лучшего всего, смирение прочнее

всего, а послушание — такая добродетель, без которой ни один из страстных не узрит Господа». Некто из святых отцов сказал: «Тот, кто не повинуется по своей воле людям, повинуется против своей воли бесам (*«Настольная книга для монашествующих и мирян»*). Свято Успенский Псково Печерский монастырь, 2004, стр. 290).

- Человек может подчиниться другому либо из благоговения к нему, либо из страха перед ним. Подчинение из благоговения — духовное, а подчинение из страха — военная дисциплина (*Паусий Святогорец*).

- Повиновение рождается от укорения самого себя и от желания душевного здоровья (*прп. Иоанн Лествичник*).

- Пока ты находишься в состоянии подчинения, внимай тому, что говорится тебе, старайся понять сказанное и тщательно исполняй его по значению и смыслу (*Отечник, составленный св. Игнатием Брянчаниновым*).

- Выходя на дело [послушания], храните себя от лености и дерзости (*прп. авва Исая*).

- Послушания должно проходить со всей тщательностью, со строгим хранением совести, веруя, что такое прохождение послушаний необходимо для нашего спасения (*свт. Игнатий Брянчанинов*).

- Послушание, самоотвержение и смирение есть те добродетели, на которых зиждется преуспеяние в молитве (*сет. Игнатий Брянчанинов*).

- Ничто так не способствует молитве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя (*сет. Игнатий Брянчанинов*).

- Достигать отречения своей воли могут затворник, и послушник, и мирской человек. Но достигать этой цели они все трое должны различными путями. Первый из них видит волю Божию, пред которой он отвергает свою собственную волю, во все свете слова Божия, второй — в воле своего духовного руководителя, а третий — в обстоятельствах жизни. Для всех трех доступна чистота сердца, но первый стремится к ней постоянной молитвой, второй — трудом послушания и исповедания помыслов, третий — честным исполнением служебных обязанностей и семейного долга (*игуменья Арсения*).

О воспитании детей

- Дабы родители, получив повеление воспитывать детей, не пренебрегали Его повелениями, Он присоединил естественную необходимость. А чтобы эта связь не была ослабляема оскорблениями со стороны детей и не расторглась, Он оградил ее наказаниями и от Себя, и

от самих родителей, таким образом и детей весьма строго подчиняя [родителям], и в родителях возбуждая любовь [к детям]... Он не только детей злых в отношении к родителям наказывает, а к добрым благоволит, но точно так же поступает и с родителями, тяжело наказывая нерадящих о детях, а попечительных удостаивая почестей и похвал (*сет. Иоанн Златоуст*).

• Часто многие из отцов делают все и принимают все меры, чтобы у сына был хороший конь, великолепный дом или дорогое поместье, а о том, чтобы у него была хорошая душа и благочестивое настроение, нисколько не заботятся. Это и расстраивает всю вселенную, — то, что мы не радим о своих детях, заботимся об их богатстве, а душой их пренебрегаем, допуская крайне безумное дело. Хотя бы велики и драгоценны были богатства, но если человек не способен распоряжаться ими добродетельно, то все погибнет и исчезнет вместе с ним и причинит владельцу крайний вред, а если душа его будет благородна и любомудра, то хотя бы у него не было собрано ничего, он будет в состоянии свободно распоряжаться имуществом всех. Итак, нужно смотреть не на то, чтобы сделать детей богатыми серебром и золотом и тому подобным, но чтобы они были богаче всех благочестием, любомудрием и другими добродетелями, чтобы они не нуждались во многом,

чтобы не увлекались житейскими предметами и пожеланиями. Нужно тщательно смотреть и за входами их и выходами, и за поведением и знакомствами, в той уверенности, что за небрежение об этом мы не получим прощения от Бога. Если мы отдадим отчет в попечении о других, так как *никто*, говорит апостол, *не ищи своего, но каждый пользы другого* (1 Кор. 10, 24); — но не тем ли более в попечении о детях? Не поселил ли Я, скажет Бог, сына твоего с тобой с самого начала? Не приставил ли тебя к нему учителем, руководителем, попечителем и начальником? Не отдал ли в твои руки всю власть над ним? В нежном возрасте образовывать его и настраивать повелел Я, какое же ты можешь иметь оправдание, если пренебрегаешь его неповиновением? Что скажешь ты? То ли, что он необуздан и упрям? Но это надлежало предвидеть в начале, когда он был способен к обузданию и весьма молод, и обуздывать его тщательно, приучать к должному, исправлять, наказывать душевные болезни его. Когда возделывание более удобно, тогда и нужно исторгать тернии, когда при нежности возраста оно легче может быть вырвано, когда страсти, оставленные в пренебрежении и возросшие, не сделались неудобоисправимыми. Поэтому и говорит премудрый: *с юности нагибай шею их* (Сир. 7, 25), когда воспитание может быть удобнее. И не только Бог повелевает, но и Сам содействует тебе в этом деле. Как и

каким образом? *Кто злословит отца и своего, или свою мать, того должно предать смерти* (Исх. 21, 17). Видишь, какой внушил Он детям страх? Каким оградил опасением? Как сделал твою власть сильной? Какое же можем мы сказать оправдание, если Он сам не щадит даже их жизни, когда они оскорбляют нас, а мы даже не хотим выразить им неудовольствия, когда они оскорбляют Бога?.. Ты видишь, что он оскорбляет Создателя, и не негодуешь, и не устрашаешь, и не наказываешь, притом зная, что Бог запретил это не потому, будто бы Ему был какой-нибудь вред от оскорбления, — так как Божество недоступно для вреда, — но для спасения его же самого? Ибо кто неблагодарен и бесчувственен по отношению к Богу, тот гораздо более неистовым может быть в отношении к родителю и к собственной своей душе.

...Дети, хорошо настроенные в отношении к Богу, будут честными и отличными и в отношении к настоящей жизни. Человека, живущего добродетельно и скромно, все уважают и почитают, хотя бы он был беднее всех, а порочного и развратного все отвращаются и ненавидят, хотя бы он владел великим богатством. И не только от других людей такой сын будет пользоваться уважением, но и для тебя — родителя — будет более любезным, представляя кроме природы еще другое, не меньшее побуждение к любви — добродетель; и не только более любезным, но и более полезным для тебя,

угождающая тебе, услужливая, поддерживающая в старости. Как неблагодарные в отношении к Богу презирают и родителей, так благоговейные перед Создателем оказывают и родителям великое почтение... (сет. *Иоанн Златоуст*).

• Если ты прекрасно воспитаешь сына своего, то и он — своего собственного сына, а этот — своего сына; и как бы некоторая лента и ряд лучшей жизни все пойдет вперед, получив начало и корень от тебя и принося тебе плоды попечения о потомках. Если бы отцы тщательно воспитывали своих собственных детей, то не надо было бы ни законов, ни судилищ, ни мщений и наказаний... (сет. *Иоанн Златоуст*).

• Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких условиях можно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое есть и юность. Поэтому если вначале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях. Напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим им делать то, что приятно и вместе вредно, не будем угождать им, потому что они дети, но преимущественно будем сохранять их в целомудрии. Ибо это угождение более всего вреда приносит юности (сет. *Иоанн Златоуст*).

• Для воспитания детей самое важное, чтобы они видели своих родителей, живущими большой внутренней жизнью (*свящ. Александр Ельчанинов*).

• Некоторые родители так нежно и слабо детей своих воспитывают и содержат, что не хотят их за преступления наказывать и так бесстрашно и своевольно им попускают жить; другие — безмерную строгость употребляют и более гнев и ярость свою над ними совершают, нежели наказывают их. Оба — и те, и другие — погрешают. Везде — ибо излишество порочно; строгость и милость безрассудная во всяком чине порицаются. Одна в расслабление, своевольство, развращение и явную погибель приводит юных, от природы ко всякому злу склонных; другая огорчения, раздражения и уныние в них соделывает. Везде умеренность и средний путь похваляется (*сет. Тихон Задонский*).

• Раны промывают вином, излечивают маслом. Так и в воспитании: снисходительность должно смешивать со строгостью (*сет. Амвросий Медиоланский*).

• Родители должны быть очень внимательны к тому, чтобы не ругать своих детей вечером, потому что вечером детям нечем рассеять свое расстройство. А ночная тьма омрачает состояние их души еще больше. Дети начинают думать, как оказать сопротивление родителям. В

их головы лезут разные варианты «защиты», подмешивается и диавол, и таким образом они могут дойти до отчаяния (*Паусий Святогорец*).

• Учитель отвечает за своего ученика, родители — за детей; свобода — это не произвол. Старший в какой-то мере отвечает за младшего, но здесь мы говорим о другом: не об обучении, послушании, а о подавлении человеческой личности, о злоупотреблении своим положением, о бессмысленной придирчивости, о непрерывной духовной агрессии. Когда учителя или родители превращаются в каких-то рабовладельцев, то их дети и ученики становятся или безвольными существами, или мелкими бесенятами. Общество построено по иерархическому принципу на взаимном соподчинении, но злоупотребление этим принципом является воровством и грабительством. Власть старших не должна игнорировать личность младшего, но должна иметь в виду ее пользу, иначе она превращается в некий пресс (*архим. Рафаил (Карелин)*).

Примеры послушания

высказываний святых отцов о важности послушания и примеров этой добродетели великое множество. Я приведу лишь некоторые, показавшиеся мне особенно яркими и поучительными. При этом я, естественно, не призываю к слепому подражанию, прекрасно отдавая себе отчет в том, что многое из описанного ниже по-сильно далеко не каждому. Но христианам — не важно в какое время им выпало жить — нельзя забывать, что каждый человек, согласно учению святителя Григория Паламы, должен стремиться к обожению. И такие примеры служат ориентиром в этом нелегком, но совершенно необходимом пути.

Вот что пишет митрополит Вениамин (Федченков) в книге «Отец Иоанн» о святом праведном Иоанне Кронштадтском: «Насколько было известно, батюшка хотя и болел не раз, но сравнительно мало и редко. В нужных случаях обращался к врачам. Но не всегда отец Иоанн слушался их предписаний. Например, однажды доктора предписали ему в посту есть мясо: иначе грозят плохие последствия. Он отказывался. Доктора настаивали. Тогда батюшка

заявил, что спросит телеграфом благословения матери. Эта духовная орлица ответила телеграммой: «Лучше умереть, а постов не нарушить!» Конечно, отец Иоанн беспрекословно послушался мать» (митр. Вениамин (Федченков) «Божьи люди», М., изд-во «Отчий дом», 2004, стр. 213).

А вот рассказ митрополита Вениамина об отце Дионисии, в миру Демьяне Вуколовиче Чудновце, который подвизался в конце XIX века в Крыму. Бахчисарайский Успенский скит, куда прибыл будущий отец Дионисий, находился в горе. «Вверху был целый ряд пещер, в которых были и храм, и келии для монахов. Может быть, здесь и в древние христианские времена был монастырь, потому что весь Крымский полуостров принадлежал православным грекам. Но в низу лощины были построены деревянные домики... Сюда и прибыл Демьян. Игумен принял его охотно и отвел ему место в пещерах. Спокойно — такой уж был у него характер всю жизнь — принялся он за монашеские послушания. Но вскоре он почувствовал резкие боли в ногах: в пещере было сыро и темно. Не вытерпел этого Демьян и спустился вниз к игумену, жалуясь на ревматизм в ногах и прося дать ему какой-нибудь уголок в деревянных домиках.

— Эх, брат Демьян, брат Демьян! Первое послушание тебе дано: и ты не вынес его!

Демьян стал ссылаться на болезнь, желая оправдать себя.

— Ну, что же?! Хотя бы и умер ты! Был бы мучеником, — сказал ему игумен.

Тогда Демьян понял значение монашеского послушания и говорит:

— Ну, батюшка! Воротите меня опять в пещеру!

— Нет, теперь уже поздно. Переходи вниз.

— И с той поры, — говорил мне (митр. Вениамину) отец Дионисий, — я дал себе зарок: никогда ничего не просить, а только исполнять послушание» (там же, стр. 255-256.)

Яркий пример послушания находим и в рассказе митрополита Вениамина об архимандрите Тихоне, в миру Тимофее Климентьевиче Богуславце. Он служил моряком на военном корабле, а по окончании военной службы поступил в монастырь неподалеку от Севастополя. «Игумен, желая испытать Тимофея, подвел его к уборным, приказал очистить их.

— Где черпак и ведро? — спросил он.

И в своем чистом костюме принялся за дело. Игумен сразу принял. 60 лет отец Тихон — такое имя дано было ему при постриге — провел в иноческом чине.

Посещая город, он надевал заплатавшую рясу и лапти, чтобы не тщеславиться» (там же, стр. 266.)

«Рассказывали об авве Иоанне Колове: удалившись в Скит к одному Фивскому старцу, он жил в пустыне. Авва его (то есть старец Фивский), взяв сухое дерево, посадил и сказал ему: каждый день поливай это дерево кружкой воды, пока не принесет плода. Вода же была далеко от них, так что Иоанн уходил за ней с вечера и возвращался к утру. После трех лет дерево принесло плод. И старец (Фивский), взяв плод его, принес в собрание братьев и сказал братии: возьмите, вкушите плод послушания» («Древний Патерик», Издательский отдел Московского Патриархата, Изд-во «Планета», М., 1991, стр. 255).

А вот гораздо более поздняя перекличка с этой историей. Схимонахиня Нила (Колесникова), в миру Евдокия, родившаяся в 1902 году и окончившая свои дни на рубеже тысячелетий, в 1999-м. Когда она поступала в монастырь, ей вместе с другими девочками устроили своеобразный экзамен, «...старшая сестра велела им сажать капустную рассаду, но... вверх корешками. Девочки, еще не знавшие монашеской науки, конечно, удивились такому странному заданию и стали сажать рассаду как полагается, то есть корешками в землю. Евдокия же и еще две девочки посадили рассаду так, как им велели. Когда пришла монахиня принимать работу, то спросила:

— Кто это так неправильно посадил капусту?

— Мы, — ответили Евдокия и две ее новых подружки.

— Вот вы и останетесь в монастыре, — сказала монахиня, — а остальные могут возвращаться домой» (А. Трофимов, З. Свириденкова. «Схимонахиня Нила», М., «Паломник», 2002, стр. 9-10).

Нам, строптивым детям XX века, могут показаться непонятными и даже сомнительными иные примеры послушания, которые приводятся в древних Патериках, житиях святых и их творениях. Помню, как я содрогалась, читая в книге «Посмертные вещания преподобного Нила Мироточивого Афонского», изданной в 2003 году Сретенским монастырем в Москве, повесть о Сервии. Архиерей, готовя его к монашеству, испытывал и наказывал так сурово, что у неподготовленного читателя в глазах потемнеет от ужаса. Однако Сервий, подражая Христу, все это терпел смиренно и с радостью. Да и архиерей, как написано в тексте, «наказывал его не из-за страсти враждебной, а ради спасения его», поскольку ему передал Сервия не кто-нибудь, а сам Архангел Михаил, предупредив: «От рук твоих я взыщу его, да возвратишь мне его спасенным душой и телом».

Но даже куда более мягкий пример испытания будущего оптинского старца Макария старцем Леонидом, в схиме Львом, — и тот сейчас кому-то, наверное (даже наверняка!), пока-

жется «негуманным». «Настоятель отец Моисей, позвав к себе отца Макария (после его назначения духовником обители), просил его принять от мантии готовившихся к пострижению братьев. Отец Макарий, вменяя просьбу начальника в приказание, отвечал на нее смиренным поклонением. Придя к старцу (Леониду), он застал этого духовного учителя, по обычаю окруженного множеством вопрошавших о своих духовных нуждах и недоумениях. Отец Макарий кратко поведал ему, зачем призывал его настоятель. Отец Леонид с видом строгости спросил у отца Макария: «Что ж ты и согласился?» — «Да, почти согласился, или, лучше сказать, не смел отказаться», — отвечал отец Макарий. — «Да, это свойственно твоей гордости...», — сказал старец, возвысив голос и, притворяясь гневающимся, начал укорять отца Макария. А тот стоял с поникшей головою, смиренно кланяясь и повторяя по временам: «Виноват, простите Бога ради, батюшка!» Все присутствовавшие, привыкшие уважать отца Макария наравне со старцем, смотрели на это, одни с недоумением, другие с благоговейным удивлением. Когда же старец умолк, отец Макарий, поклонившись ему в ноги, кротко спросил: «Простите, батюшка, благословите отказаться?» — «Как отказаться? Сам напросился, да и отказаться? Нет, теперь уже нельзя отказаться: дело сделано...», — сказал отец Леонид, вовсе не имевший в виду лишать духовной

пользы тех, которые вверялись духовному руководству опытного наставника. Цель выговора была иная: искусить смирение преуспевающего в нем старца-ученика, и воспользоваться через это других, — и она была достигнута вполне.

Поступая так, старец между тем не только отечески любил, но и сердечно уважал отца Макария как своего духовного друга и сотаинника, и когда находил полезным, высказывал эти чувства в такой мере, что изумлял слушающих. Некоторые однажды спросили старца об устройении отца Моисея, отца Антония к отцу Макария. Старец кратко отвечал: «Отец Моисей и отец Антоний — великие люди, а Макарий — свят». Слышавшие впоследствии объясняли себе слова старца словами Лествичника: свойство великих людей — переносить досады мужественно и с радостью; свойство же святых и преподобных — принимать похвалу без вреда (ст. 22, гл. 12) (цит. по книге «Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леониды», Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991, стр. 27-28).

Или взять такую историю из Древнего Патерика: «Некто пришел к Сисою Фивейскому, желая быть монахом. Старец спросил его: не имеет ли он чего-нибудь в мире? Тот говорит: я имею одного сына. Старец говорит ему: «Брось его в реку, и тогда будешь монахом».

Когда же тот пошел бросить в реку своего сына, старец послал призвать его. И когда тот намеревался уже бросить своего сына, присланный брат говорит ему: «Старец снова сказал: не бросай его». И мирянин, оставив сына, пошел к старцу и сделался самым искусным монахом ради своего послушания» (там же, стр. 259-260).

А кто из православных нынче не знает удивительную историю святой Елены Дивеевской, которая не только жила, но и умерла по послушанию своему духовному отцу Серафиму Саровскому?!

Причем интересно, что изначально она вовсе не отличалась ни смирением, ни каким-то особым благочестием. «Крайне веселый характер ее, — говорится в житии, — любовь к светской, общественной жизни, молодость, стремление к веселью и забавам пугали родных и не предвещали ничего хорошего при семейной ее обстановке. О духовном она, конечно, не имела ни малейшего понятия» (здесь и далее цит. по изданию Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря, 2001, стр. 88).

Затем в душе Елены произошел переворот. Она стала серьезной, начала читать духовные книги и захотела уйти в монастырь. Но батюшка Серафим, к которому Елена приехала за благословением на монашество, очень долго не давал его, поскольку видел, что ей не достает тер-

пения и смирения. Как часто делают старцы, он многое говорил иносказательно. Вот и Елена он сказал: «Нет, матушка, что ты это задумала? В монастырь? Нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» И добавил: «Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все тебе завидовать будут».

Елена спорила, еще и еще раз приезжала к отцу Серафиму за благословением, но он стоял на своем. В какой-то момент она, негодуя на старца, решила даже больше не обращаться к нему, а поехать в Муром в женский монастырь. «Там ей игуменья, — повествует житие, — конечно, сказала только приятное, и Елена Васильевна тотчас купила себе в Муромском монастыре келию. По возвращении домой она стала совсем уже собираться, прощаться, но перед окончательным отъездом все-таки не вытерпела и отправилась в Саров проститься со старцем Серафимом. Каково же было ее удивление и каков ужас, когда вышедший к ней навстречу отец Серафим, ничего не спрашивая, прямо и строго сказал ей: «Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги и нет тебе и моего благословения» (там же, стр. 92-93).

И вот тут-то Елена Васильевна вдруг (может быть, впервые) по-настоящему смирилась, хотя была, естественно, огорчена и «воротилась домой, заливаясь слезами». Однако отчаяния, которое она испытывала раньше, когда ее воля

наталкивалась на препятствия, не было, и в течение трех последующих лет (она провела их, почти не выходя из своей комнаты), будущая подвижница сумела достойно приуготовить себя к монашеству — встрече с Женихом, о котором прикровенно и говорил ей Серафим Саровский.

В Дивеевской обители монахиня Елена подвизалась семь лет, а потом батюшка Серафим призвал ее к себе и сказал:

— Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли его, матушка?

— Я всегда вас слушала, — ответила она, — и всегда готова вас слушать!

— Вот, вот, так, радость моя! — воскликнул старец и продолжал. — Вот, видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен, и пришло время ему умирать и умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот-то... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!

— Благословите, батюшка! — ответила Елена Васильевна смиренно и как будто спокойно.

Отец Серафим после этого долго-долго беседовал с ней, услаждая ее сердце и касаясь вопроса смерти и будущей вечной жизни. Елена Васильевна молча все слушала, но вдруг смутилась и произнесла:

— Батюшка! Я боюсь смерти!

— Что нам с тобой бояться смерти, радость моя! — ответил отец Серафим. — Для нас с тобою будет лишь вечная радость!

Простилась Елена Васильевна, но лишь шагнула за порог келлии, тут же упала... Ксения Васильевна (послушница) подхватила ее, батюшка Серафим приказал положить ее на стоявший в сенях гроб, а сам принес святой воды, окропил Елену Васильевну, дал ей напиться и таким образом привел в чувство. Вернувшись домой, она заболела, слегла в постель и сказала: «Теперь уже я более не встану!» (там же, стр. 114-115).

Брат, за которого умерла монахиня Елена, помещик Михаил Васильевич Мантуров, тоже в свое время проявил удивительное смирение. Святой Серафим Саровский исцелил его от тяжелейшей болезни и велел благодарить за это Господа. Спустя некоторое время Михаил Васильевич решил еще раз съездить к батюшке Серафиму за благословением и по дороге размышлял: «Ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа...» И только он приехал в Саров и вошел к отцу Серафиму, как великий старец встретил его словами: «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивляясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?» Тогда отец Серафим,

взглянув на него особенным образом, весело сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!»

Смутился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: «Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь». Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» (там же, стр. 86-87).

«По благословиению батюшки Серафима Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу своих крепостных людей и, сохранив до времени деньги, поселился на купленной Еленой Васильевной земле (она ее приобрела тоже по благословиению

батюшки для дальнейшего строительства собора — *прим. авт.*) со строжайшей заповедью: хранить ее и завещать после смерти своей Серафимовой обители (впоследствии на этой земле в 1848 году был заложен, а к 1875 году построен и освящен в честь Святой Троицы главный собор Дивеевской обители). На этой земле Михаил Васильевич поселился с женой и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упреков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, молодой женщины, вовсе не подготовленной к духовным подвигам, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя в общем хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки преподобного Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал ближайшим учеником отца Серафима и любимейшим его другом. Батюшка отец Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, не иначе называл его, как «Мишенька», и все, касающееся устройства Дивее-

ева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтили Мантурова, повинаясь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки» (там же, стр. 110-112).

Вместе с Еленой была прославлена и монахиня Марфа (в миру Мария Семеновна Милюкова), тоже духовная дочь святого Серафима Саровского. «Как пример ее безусловного послушания, рассказывали, что раз при вопросе родной сестры ее Прасковьи Семеновны о каком-то саровском монахе, она удивленно и ребячески невинно спросила:

— А какие видом-то монахи, Параша, на батюшку, что ли, похожи?

Удивленная в свою очередь вопросом сестры, Прасковья Семеновна ответила ей:

— Ведь ты так часто ходишь в Саров, разве не видела, что спрашиваешь?

— Нет, Парашенька, — сказала смиренно Мария Семеновна, — ведь я ничего не вижу и не знаю; батюшка Серафим мне приказал никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтобы только видеть у себя под ногами дорогу (там же, стр. 69).

А вот как почитал свою мать московский старец, святой праведный Алексей Мечев, в начале XX века служивший в церкви «Никола в Кленниках» на Маросейке. «С окончани-

ем семинарии Алексею Мечеву надо было сделать выбор между духовным званием и университетом, — рассказывает составившая его жизнеописание монахиня Иулиания. — К этому времени у него уже сложилось твердое намерение посвятить себя служению людям. Со многими другими товарищами по классу он предполагал поступить в университет и сделаться врачом. Но мать его решительно воспротивилась этому намерению сына, желая иметь в нем своего молитвенника. «Ты такой маленький, где тебе быть доктором, будь лучше священником», — заявила она с твердостью.

Горько и тяжело было Алексею оставить свою мечту, деятельность врача представлялась наиболее плодотворной в служении людям. Очень скорбел он и о том, что приходится расставаться с друзьями по классу, даже плакал, прощаясь с ними, но пойти против слова матери, которую так уважал и любил, не мог. Только впоследствии он понял, что действительно его истинным призванием было призвание священника, и только тогда он по достоинству оценил желание матери. «Я глубоко благодарен ей, что она в то время настояла на своем слове» («Жизнеописание московского старца отца Алексея Мечева», «Русский Хронографъ», М., 2002, стр. 20).

Предоставим слово еще одному ревностному пастырю, архиепископу Никону (Рождествен-

скому), жившему в то же время, что и старец Алексей. Статья «Один из невидных стражей души народной» посвящена памяти его покойного дяди, протоиерея Григория Иоанновича Грузова, скончавшегося в возрасте 89 лет, из которых он 65 лет предстоял пред престолом Божиим. Вот несколько штрихов его биографии: «Сын бедного сельского дьячка (род. в 1825 году), он провел свое детство в родном Чашникове, в многолюдной семье отца, под благодатными веяниями родного храма Живоначальной Троицы, пел и читал на клиросе, ходил по приходу славить Христа в Рождество и Пасху, собирая грошики, любимый прихожанами, воспитываемый матерью в страхе Божиим и уважении к старшим. С добродушной шуткой рассказывал покойный, как мать, провожая его до Москвы, чтобы записать в духовное училище, строго наказывала ему: «Смотри, сынок, будь ко всем почтителен, всем старшим кланяйся». И воспринял послушный сын урок матери: лишь вошли в заставу, как Гришенька снял шапку и стал кланяться направо и налево проходящей публике. Увидев это, мать спросила: «Что это ты делаешь?» — «А КЖК ЖБ, маменька? Ведь все они старше меня: надо кланяться». (Сейчас решили бы, что Гришенька или дурачок, или издевается, а ведь это просто была чистая душа, свято чтившая материнские наказания, не разъеденная ранним скепсисом и своеволием — *прим. авт.*)

На время учения в училище пришлось мальчику приютиться в темном углу у какого-то столяра. На первом же уроке пришлось отвечать и детского горя: книг не было, учить урок не по чему; он так и сказал учителю, когда тот стал спрашивать урок. Но его оправдание, которое ему казалось столь законным, не было принято во внимание, и за незнание урока мальчик был наказан розгой. И всю жизнь до глубокой старости он помнил эту розгу и называл ее благодетельницей своей, ибо она заставила его вставать пораньше, до рассвета бегать в училище, чтобы там у товарищей брать книги и готовить по ним уроки...

Кончилось ученье. Грузов вышел из семинарии в первом разряде. Ему предлагали даже идти в академию, но доброго юношу-идеалиста влекло призвание послужить Церкви в селе... И вот, молодой студент идет в консисторию и подает митрополиту Филарету прошение на первое открывшееся священническое место в селе Петрове Рузского уезда, верстах в 70-ти от Москвы. Место было из бедных, соперников не оказалось, и он был определен туда. Надо искать невесту. Спрашивает родных, знакомых... Указывают ему на семью одной просфорницы, у которой четыре дочери-невесты. Григорий Иванович, преодолевая семинарскую застенчивость, идет к будущей теще, знакомится, начинает посещать ее дом... Но зачем ходит — сказать недостает решимости. Старушка-просфор-

ница решается, наконец, помочь юноше: «Да не стесняйтесь, пожалуйста, Григорий Иванович: ведь я знаю, зачем вы к нам ходите (конечно, добрые сваты ее предупредили), говорите откровенно: которая же вам больше нравится?» — «А какую, мать, благословишь, — отвечает жених, — такую и возьму!» И мать, следуя примеру ветхозаветного Лавана, отдает ему старшую из дочерей своих, Елену Николаевну. И свадьба скоро состоялась <...> Она <матушка> была ему ровесница: только на три месяца моложе, и скончалась лишь в августе минувшего года, за пять месяцев до его кончины. Жили как два ласковых голубка, давая пример и детям, и прихожанам. В характере, в личных качествах они как будто восполняли друг друга. Покойный приписывал эту милость Господу, что не сам он выбрал себе подругу жизни, а положился на волю Божию. И когда скончалась эта добрая старица, отец Григорий подошел к ее постели, преклонил колена и, целуя почившую, сквозь слезы трогательно промолвил: «И зачем ты меня покинула? Уже взяла бы и меня с собой!..» И стал готовиться к исходу в вечную жизнь: часто говел, причащался Святых Тайн и, наконец, освятился елеопомазанием. Отпраздновав день своего ангела, 25 января, он уже не вставал с постели и 5 февраля тихо отошел ко Господу...» («Меч обоюдоострый», СПб., АО «Санкт-Петербургская типография № 6», 1995, стр. 113-115, 121).

Но, конечно, послушание старшим не должно быть слепым. Когда они принуждают отречься от Бога или нарушить заповедь, тогда их слушаться не нужно. Об этом свидетельствуют жития всех святых мучеников, не боявшихся оказать неповиновение не только своим родным, если они вели себя нечестиво, но и царям, императорам и прочим правителям. Святая Ирина выбросила из окна всех золотых идолов, поставленных отцом, и не смирилась перед ним, когда он призывал ее принести жертву языческим богам. Великомученик Прокопий разбил идолов своей матери Феодосии, которая сперва разгневалась на него, пожаловалась императору Диоклетиану, известному гонителю христиан, а потом тоже уверовала и стала святой мученицей.

А Христина Тирская, дочь игемона Урвана, тоже сокрушившая домашних идолов, «не только, — как повествует житие, — не хотела слушать слов матери, но в таких словах отреклась от нее самой:

— Не называй меня твоей дочерью. Разве не знаешь ты, что я ношу имя Христово, какого имени не сподобился никто из нашего рода? По имени и по делам я уже не вашего рода, а Христова; я стала родственницей Христа — Царя Небесного; я Его раба и дочь; Он мне отец, мать и Господь!»

А отцу своему, угрожавшему ей за непослушание страшными карами, святая Христина

отвечала, с мирской точки зрения даже грубо и дерзко:

— Великую радость доставишь ты мне, если не будешь называть меня твоей дочерью, потому что ты — слуга сатаны, а я — раба Христова и уже не твоя дочь, потому что Отцом мне — Создатель мой.

В этом житии есть даже такой запредельно страшный эпизод: «Воспламенившись великой яростью, Урван приказал отроковицу повесить на мучилище обнаженной, строгать и дробить острым железом ее чистое девическое тело. И до такой степени было остругано тело, что показались голые кости. Когда она была отвязана от виселицы и увидела лежавшие на земле части своего тела, отпавшие во время пытки, то, собрав их, бросила в лицо отцу со словами: «Ешь мясо твоей дочери» («Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, июль, Издание Свято-Введенского монастыря Оптиной Пустыни, 1997, стр. 561).

И, напоследок, о послушании животных. О том, как покорно выполнял лев епитимью, наложенную на него святым Герасимом Иорданским, ошибочно решившим, что лев виновен в съедении осла, знают сейчас многие. Эту историю часто рассказывают и детям, и взрослым.

А вот менее известный, но не менее поучительный фрагмент жития священномученика Афиногена, память которого совершается 16

(29) июля. Он вскормил своими руками дикого оленя, который потом вел себя с ним как преданное домашнее животное: ласкался, лизал руки. Когда же враги Христа повели святого на казнь, олень вышел из пустыни и поклонился ему в ноги. И, как повествует святой Димитрий Ростовский, сказал ему святой: «Ты лишился братии, вот лишаешься и того, кто вскормил тебя! Бог же Вечный пусть не даст тебя и твоего потомства в руки охотников, но пусть потомство твое будет прибегать сюда в память нашу на заклание и в пищу во славу Божию тем, кто будет приходить праздновать нашу память».

Олень, проливая слезы, припал к ногам святого, а он, осенив его крестным знамением, сказал: «Иди с миром в пустыню!»

Главу мученика усекли мечом. «Честное тело его погребли верующие на том же месте и собирались каждый год в день кончины его для торжественного празднования его памяти. И случалось дивное чудо: тот олень, которого святой вскормил и с благословением отпустил в пустыню, приходил по заповеди его на праздник и приводил с собою детей. Оставив их, он уходил в пустыню, и никто ему не мешал. Это делал олень каждый год: приходил на праздник и приводил своего детеныша, которого закалывали и съедали в память и честь святого мученика Афиногена епископа и десяти учеников его, во славу Христа Бога нашего, со Отцом

ПРИМЕРЫ ПОСЛУШАНИЯ

и Святым Духом славимого, ныне и в бесконечные веки. Аминь» («Жития святых» святителя Димитрия Ростовского, июль, издание Свято-Введенского монастыря Оптиной Пустыни, стр. 368).

Кого-то (особенно тех, кто очень любит животных) эта история, наверное, может смутить, даже показаться жестокой. Но, во-первых, нельзя не увидеть в ней перекличку с историей Авраама, который был готов по повелению Божию принести в жертву своего единственного горячо любимого сына Исаака. А во-вторых, здесь выражено истинно христианское отношение к смерти. Ведь физическая смерть все равно неизбежна, а для жизни вечной очень важен духовный смысл кончины. Поэтому святой на самом деле просил Бога оказать оленю великую милость: избавить его вместе с потомством от бессмысленной гибели от рук охотников и сделать благословенной жертвой. И олень, как явствует из жития, это прекрасно понял.

Словарь специальных терминов

Аддикция — зависимость.

Акцентуированно — подчеркнуто.

Амбивалентные — двойственные, противоречивые.

Астенизируют — ослабляют.

Девиантность — отклоняющееся поведение.

Депривация — психическое состояние, возникновение которого обусловлено жизнедеятельностью личности в условиях продолжительного лишения или существенного ограничения возможностей удовлетворения жизненно важных ее потребностей.

Дисфункционально — неправильно.

Коррегироваться — исправляться.

Ранний детский аутизм — тяжелая аномалия психического развития ребенка, при которой нарушен контакт с окружающими и наблюдается эмоциональная холодность, извращение интересов, стереотипность деятельности.

Об авторе

Шишова Татьяна Львовна — педагог, драматург, публицист, переводчик.

Родилась в Москве. В 1978 году окончила историко-филологический факультет Университета Дружбы Народов. Имеет педагогическое образование, а также диплом переводчика с испанского и английского языков. После окончания Университета осталась преподавать на кафедре русского языка, затем занялась художественным переводом прозы и публицистики.

В середине 80-х в соавторстве с Ириной Яковлевной Медведевой написала около десятка пьес для детей и подростков, которые шли и до сих пор идут в российских кукольных театрах и ТЮЗах.

В 1990 году в соавторстве с И. Я. Медведевой создала оригинальную методику «куклотерапии», под которой подразумевается психолого-педагогическая коррекция поведения «трудных» детей средствами кукольного театра. Работа по этой методике дала соавторам обильную пищу для размышлений, в результате чего появилась сначала «Книга для трудных родителей», затем — «Разноцветные белые воро-

ОБ АВТОРЕ

ны», «Дети нашего времени», «Иван-царевич, он же Серый волк (влияние СМИ на детей и молодежь)» и ряд других книг, затрагивающих широкий круг проблем современной семьи и детства.

Член Союза писателей России. Вице-президент Фонда социальной и психологической помощи семье и ребенку, зам. главного редактора журнала «Права ребенка». Имеет троих детей и двух внуков.

Содержание

Вступление	3
О послушании	7
Царица добродетелей	7
Дети без взрослых	8
Своеволие — ходкий товар	13
Почему несоблюдение иерархии — смерть?	16
На какой почве произрастает послушание?	20
Что конкретно следует делать?	25
А если все равно не слушается?	28
О своеволии	31
Своеволие: своя ли воля?	31
Своевольные дети на редкость несамостоятельны	32
Последствия своеволия	34
Почему же родители это допускают?	36
Счастье — это когда тебя понимают	39
Как важно быть последовательным	42
Посильность требований	45
Компромисс, но без авансов	45
О похвале	48
Хвалите с умом	48

СОДЕРЖАНИЕ

Хвалит — значит любит.....	52
Похвала, как ориентир.....	55
Похвала, как костыль.....	57
Похвала, как способ эмоционального и нравственного развития.....	59
А если захвалим?.....	63
Я — самый лучший во Вселенной!.....	66
О поощрении.....	68
Поощрение или покупка?.....	68
Когда необходим приз за чистку зубов? . . .	68
А если будет просить за каждый чих?.....	71
Поощрение, но не заискивание.....	74
Нас-то почему не поощряли.....	76
А как же любовь?.....	77
Нервных детей нужно поощрять больше	79
Что может быть стимулом?.....	83
Стоит ли поощрять деньгами?.....	86
О наказании.....	90
Наказывать с любовью.....	90
Доходит как до жирафа или дело в другом?.....	92
Вседозволенность=психотравма.....	95
Иерархия запретов.....	97
Чтобы наказание действовало.....	102
Градация наказаний: от шлепка до ремня.....	103
Бойкот или развязывание рук?.....	106
Какие еще бывают наказания?.....	107
А если будет ненавидеть?.....	109
И, напоследок, о главном.....	116

Об ответственности.....	118
Триединый принцип.....	118
Чем наказания отличаются от последствий?.....	120
Почему мы им потакаем?.....	123
О вреде ранних объяснений.....	127
Почему не действует ругань?.....	129
Метаморфоза наказаний.....	132
Сам себе воспитатель.....	135
О любви.....	140
Почему не хочется хвалить ребенка?.....	140
Любовь не ищет своего.....	142
Ребенок — утешение или обуза?.....	145
Мама не готова.....	150
Наш уже читает. А ваш?.....	153
Психология Барби.....	155
В ловушке обиды.....	161
Что еще мешает принять ребенка?.....	163
Что же делать?.....	167
Душа обязана трудиться.....	174
О капризах.....	177
О детских капризах замолвите слово.....	177
Может ли капризничать грудничок?.....	181
Свободное воспитание и профилактика капризов.....	184
Маму бить нельзя!.....	191
Что еще способствует развитию капризности?.....	194
Капризы при задержках речи.....	203
Если на людях ребенок ведет себя хорошо, а дома распоясывается.....	211

СОДЕРЖАНИЕ

Один на один — еще ничего, а в присутствии третьего — караул!	215
Если дома ребенок мается и капризничает	219
Последний ответ на последний вопрос	222

ПРИЛОЖЕНИЯ

Что нарушает систему «мать — дитя»?	225
О гиперактивности или Кто сказал, что Перпетуум мобиле не существует?	248
Святые отцы и пастыри Церкви о послушании	274
Послушание воле Божией	274
Послушание духовному отцу и ближним	278
О воспитании детей	284
Примеры послушания	291
Словарь специальных терминов	313
<hr/> <i>Об авторе</i>	314